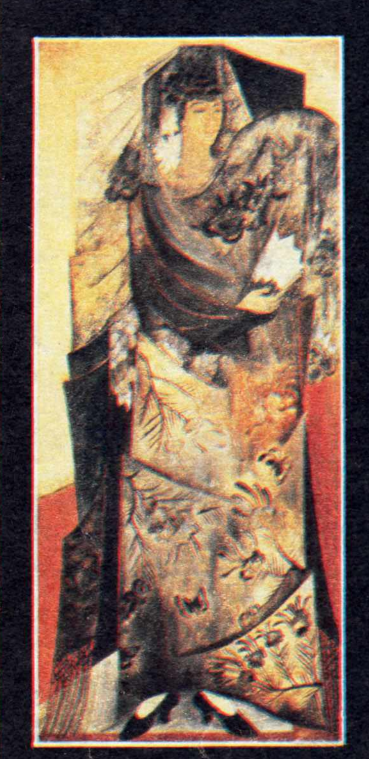
ISSN 0131—0097

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 47 НОЯБРЬ 1989

ДИАЛОГ С ПРОШЛЫМ

ТЕАТР НАЧИНАЕТСЯ С ЛИЧНОСТИ

150 ЛЕТ ФОТОГРАФИИ

А. ТВАРДОВСКИЙ. ДЕЛО ДОЛГА И СОВЕСТИ

СКОЛЬКО СТОИТ РУБЛЬ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 47 (3252)

19—26 НОЯБРЯ

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:
Фото Льва ШЕРСТЕННИКОВА (см. в номере материал «Чрезвычайные меры в чрезвычайных обстоятельствах»).

Оформление Е. М. КАЗАКОВА при участии О. И. КОЗАК

ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ ДО ПЕРВОГО ЧИСЛА ПРЕДПОДПИСНОГО МЕСЯЦА.
Цена подписки на год — 20 руб. 76 коп., на полгода — 10 руб. 38 коп., на квартал — 5 руб. 19 коп.

УСЛОВИЯ КОММЕРЧЕСКОГО ПРОКАТА, ПОДПИСКИ И ПРИОБРЕТЕНИЯ ВЫПУСКОВ «ОГОНЕК-ВИДЕО» ПО ТЕЛЕФОНУ 212-15-79.

Сдано в набор 26.10.89. Подписано к печати 14.11.89. А 10618. Формат 70×108⅛. Бумага для глубокой печати. Глубокая печать. Усл. печ. л. 6,3. Усл. кр.-отт. 14,35. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 3 300 000 экз. Заказ № 1401. Цена 40 копеек.

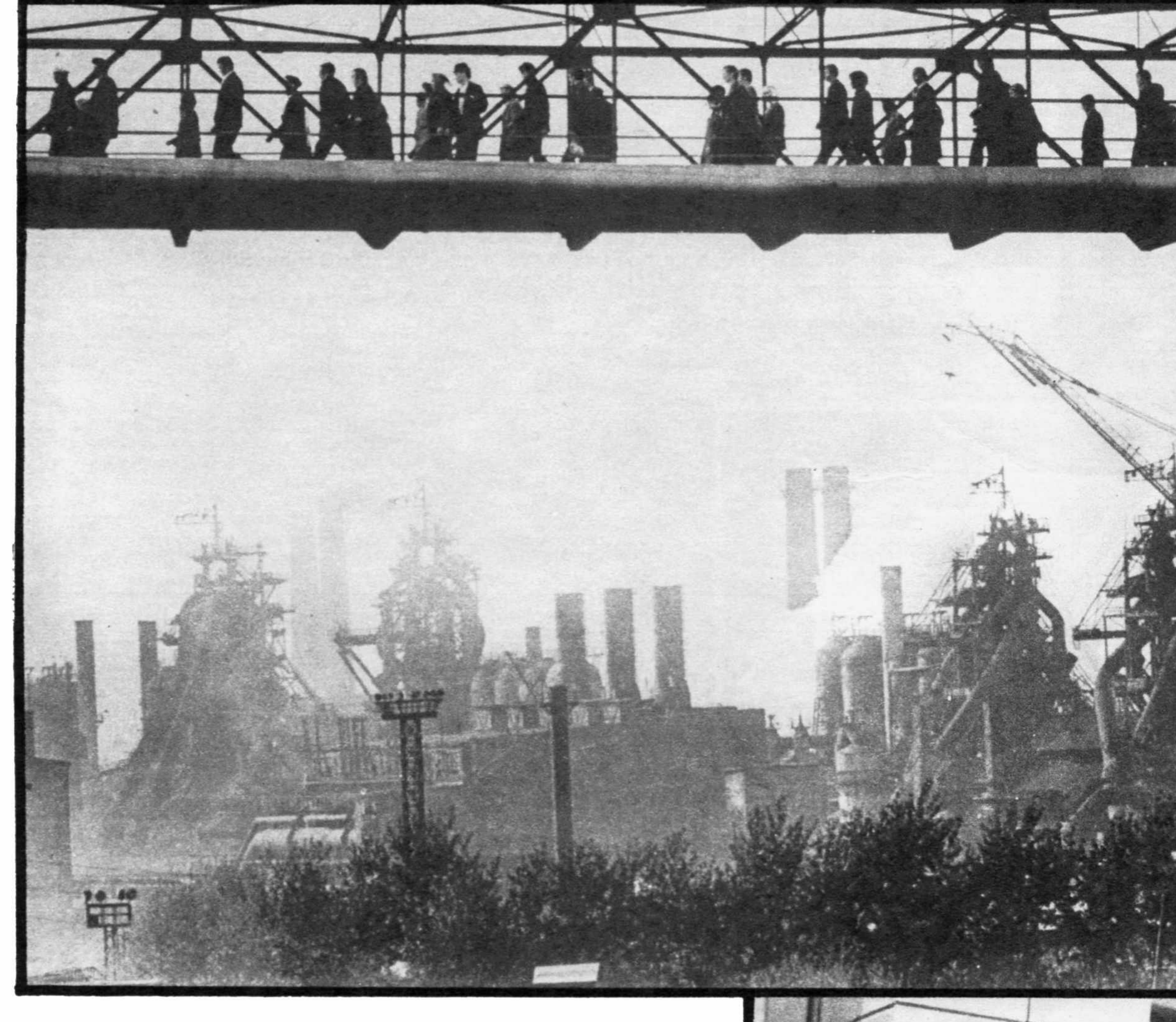
Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Телефоны редакции: Для справок: 212-23-27; Отделы: Публицистики — 250-46-90; Международный — 212-30-03; Литературы — 212-63-69; Искусства — 212-15-59; Морали и писем — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Секретариат — 250-46-98; Литературных приложений — 212-22-13, 212-23-07.

Телефакс (095) 943-00-70
Телетайп 112349 «Огонек»

Рукописи объемом более двух авторских листов не рассматриваются.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Заместитель председателя Комитета Верховного Совета СССР по вопросам экономической реформы член-корреспондент АН СССР Павел Григорьевич БУНИЧ беседует с корреспондентом «Огонька» Людмилой САЛЬНИКОВОЙ.

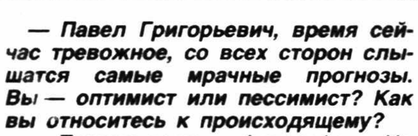

Фото Е. ЛУКАЦКОГО и А. НАГРАЛЬЯНА

— Павел Григорьевич, время сейчас тревожное, со всех сторон слышатся самые мрачные прогнозы. Вы — оптимист или пессимист? Как вы относитесь к происходящему?

— Прежде всего — философски. Не мы первые и не мы последние оказались в кризисе. Меня беспокоит другое. Чем хуже сейчас обстоят дела, тем лучше себя чувствуют противники перестройки. Они не только удерживают позиции, но и пополняют свои ряды за счет разочаровавшихся, обманувшихся в скорых ожиданиях, не видящих по незнанию другого исхода, кроме возврата к сталинщине.

Конечно, жить можно и под пистолетом, без собственных взглядов, без надежд на культурное, национальное возрождение — то есть рабами. Есть сторонники такого пути, к счастью, немногочисленные. Куда больше приверженцев эдакой частичной либерализации. Они не считают себя противниками перестройки — ни в коем случае! Но их бездеятельность, половинчатость принимаемых мер (при обилии всевозможных постановлений, совещаний, взысканий) как нельзя лучше способствуют развалу страны, затягиванию кризиса.

Стали вызывать раздражение и радикальные, решительные призывы к рынку, к конкуренции, поскольку в конкретные действия они не выливаются...

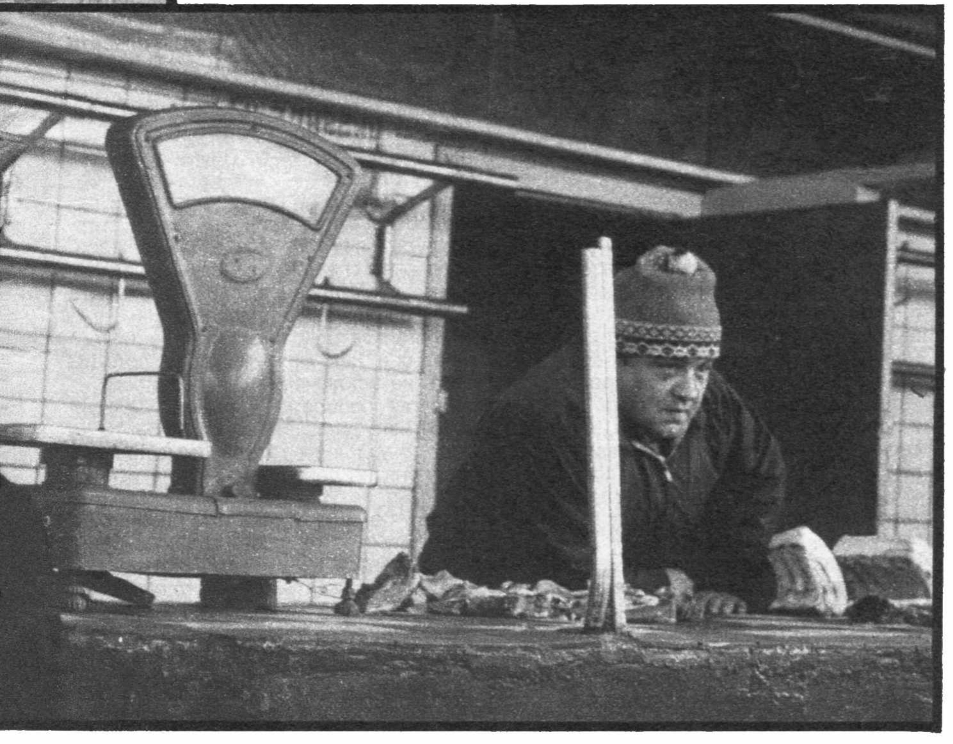
— Призывы действительно обесцениваются на глазах. Люди от них устали и перестают верить кому бы то ни было. Как сегодня должны поступать истинные приверженцы перестройки? На какие меры решиться?

— Только на чрезвычайные! Даже если они в чем-то обострят положение. Ряд разумных мер выдвинут и большинством одобряется. Но я берусь доказать вам, что при явных плюсах они имеют и серьезные минусы, то есть слишком уповать на них не стоит. Начнем с переориентации части мощностей тяжелой промышленности в легкую. Необходимая вещь. Но мы тут же столкнемся с ужасающим отставанием нашей тяжелой промышленности от мирового уровня... Или предлагают замораживать капитальные вложения. Разумно. Когда плодится долгострой и многострой, ресурсов не хватает никому. В то же время замораживание строек ведет к гибели производительных сил. Незавершенные объекты попросту превращаются в груды металлолома. Сильная

ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЕ МЕРЫ В ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ

люди «клюнут» на эти пять процентов, когда инфляция растет на восемь-девять процентов?

— То-то и оно! Может получиться, что вкладчик будет приплачивать банку, а не банк — вкладчику. Опять мера обоюдоострая. Заманчиво выглядит идея продавать жилье. Государство ничего не теряет — человек все равно живет в этой квартире, почему бы ему ее не выкупить? По крайней мере не надо будет нести убытки — и немалые — по содержанию и ремонту жилого фонда. А вложение населением капитала в жилье — самое надежное, поскольку цены на квартиры во всем мире постоянно растут. В принципе решение по этому вопросу уже принято, но дело не двигается с мертвой точки. На одном

мера — импорт. С его помощью можно довольно быстро удовлетворить самый жгучий дефицит. Но не забывайте о нашей платежеспособности. Мы в долгах как в шелках. Желающих давать нам взаймы особенно не видно.

Со следующего года будет осуществляться продажа населению государственных казначейских билетов и прочих финансовых обязательств на десять миллиардов рублей. Предполагается, что платить на них будут по пять процентов. Надеются на какой-то отток денег от населения. Прежде всего произойдет отток средств из сбербанков, где вкладчики имеют два-три процента. Однако заем предстоит вернуть, да еще с процентами. Отойдя сегодня от пропасти на шаг, завтра мы приблизимся к ней на два.

— У вас есть уверенность, что

из недавних экономических совещаний, где я присутствовал, кто-то из ответственных работников пожаловался: никто не покупает.

— У меня прямо обратные сведения. Читаю редакционную почту, встречаюсь с людьми во время командировок и слышу один вопрос: почему нам не дают возможность выкупить свое жилье у государства? Желающих более чем достаточно.

— Вот видите! Значит, нет покупателей, потому что нет продавцов. Кто-то должен разработать весь этот механизм выкупа: как, по какой цене, на каких условиях. И вам, работникам прессы, упрек. Вы ничего об этом не пишете, никак не пропагандируете. Почему бы не рассказать о счастливом владельце собственной квартиры, о мотивах, толкнувших его на этот шаг?

Некоторые экономисты предлагают продавать не старое, а новое жилье. Не сомневаюсь, что покупать будут. Но кто? Состоятельные люди получат возможность неограниченно улучшать свои жилищные условия, а те, у кого нет денег, так и останутся в коммуналках. Государство же взяло на себя обязательство обеспечить квартирами всех, независимо от уровня доходов... На мой взгляд, целесообразно расширять продажу дач и гаражей. Это, конечно, тоже даст повод говорить о социальном неравенстве наших сограждан, на что можно ответить: такие приобретения пока не являются предметом первой необходимости (в наших условиях, разумеется!). Зато государству выгода прямая: ведь производство сборных дач и гаражей относительно дешево, а продать можно дорого. Много сторонников у идеи продажи товаров вперед. Скажем, сегодня отдал деньги, а через два года с гарантией получишь автомобиль. Но и тут особенно увлекаться нельзя — малоимущие слои населения вновь окажутся обойденными.

Я бы мог назвать и другие предложения по реформации экономики, но думаю, что их суть для вас уже ясна. Не могу не затронуть еще только одной меры, которая долгое время нас выручала. Я имею в виду продажу алкогольных напитков. Воистину безотказное средство выкачать у потребителя деньги! Замечаю, что очереди возле винных магазинов стали меньше. Наращивается потихоньку алкогольный конвейер. Но народ нынче не тот, что до исторического антиалкогольного указа. Он под натиском борьбы за трезвость так привык к дешевому самогону, что отучить его можно только низкой ценой на магазинную водку. И тогда теряет смысл вся акция...

— Воистину лучше быть богатым и здоровым, чем бедным и больным! Неужели не существует бесспорных, кардинальных средств оздоровления нашей экономики? Перечисленные вами меры можно рассматривать как чрезвычайные только в сложившейся обстановке, когда их последствия могут дать непредсказуемый эффект.

— Не пытаться тушить пожар в старом доме — можно погибнуть под его останками. Надо строить новое здание. Звучит кощунственно, но сегодня чем хуже — тем лучше. Тем смелее и быстрее пойдем мы на радикальные реформы. Четыре года мы делали маленькие, робкие шажочки вперед, поэтому старая система успевала их результаты перемолоть и ликвидировать. Больше топтаться на месте невозможно. Нас спасет только смелый, непобедимый, крупный шаг вперед. Надо сделать такое, по поводу чего народ скажет: «Все. Верим. Хотим работать!» Чрезвычайные меры следует рассматривать не вместо реформы, а вместе с реформой.

— В чем же должен состоять этот крупный шаг?

— Сейчас я начну говорить вещи, которые бы еще год-два назад расценили как святотатство. Сегодня их приходится принимать как данность. Суть этой данности в том, что государственный сектор в его нынешней форме работать не может. Нельзя возлагать на него какие-либо надежды. В условиях, когда производитель отчужден от результатов своего труда, экономика развиваться не будет.

Иногда говорят, что созданная Сталиным бюрократическая государственная машина эксплуатирует человека. Но разве Сталин и его клика получали ту прибавочную стоимость, которую создавал наш гигантский народ? Да, им перепадало кое-что, но крохи по сравнению с той колоссальной массой прибавочной стоимости, что вбухивалась в «стройки века». Люди работали почти даром, но недоплаченное им шло не в карман конкретного узурпатора, а на жернова слепой, бездушной государственной машины.

В условиях капиталистической эксплуатации кто-то обязательно заинтересован в результатах производства и делает заинтересованными других. У нас же не заинтересован никто. Общенародная собственность имеет три губительных изъяна: ее плохо используют, беспощадно ломают и растаскивают тоже беспощадно. И она, эта собственность, не сопротивляется, напротив, охотно отдается ворам и жуликам. Наживаются на ней и сами воры и те, кто им потворствует. В проигрыше только государство.

— Сейчас мы все чаще вспоминаем прежний лозунг: «Фабрики — рабочим, землю — крестьянам!»

— Звучит громко, ничего не скажешь. Но что за этим стоит? Раздать, подарить людям государственное достояние? Давайте порассуждаем, что выйдет. Все сразу же побегут на фондоемкие производства — устроиться на работу хоть на пять минут! Ведь тогда они получат в свои руки сотни тысяч рублей! Захочет рабочий уйти с завода — потребует свою часть денег. Далее — раздача земель. Одни получат надел на Кубани, а другие — в Магадане. А как быть с горожанами? Они тоже захотят иметь земельный участок. Теперь ответьте на вопрос: что мы раздадим пенсионерам? Детям, особенно тем, кто не имеет семьи, родителей? Чуть ли не половина населения попадет в разряд лишенцев. Наконец, что мы подарим парикмахерше? Вашему брату журналисту? Если же у человека нет экономической собственности, он не сможет стать и политически свободным, верно же?

— Что остается предпринять в таком случае?

— Сдать всю государственную собственность в аренду. Вот я и произнес ключевое слово реформы — «аренда». Всем, кто претендует на госсобственность, государство сможет предоставить ее только на условиях аренды. В противном случае открывай кооператив, занимайся индивидуальной трудовой деятельностью, просто гуляй по улице. Безусловно, процентов двадцать материального производства останется

в государственном секторе. Кто возьмет, к примеру, космодром, фундаментальную науку, производство танков — явно некоммерческие предприятия? Правда, есть исключительная госсобственность, которую можно будет сдавать в аренду,— это земля, природные ресурсы. Смотрите, как сразу меняется расстановка сил: собственность уже не обезличена, а служит конкретному человеку. Он может взять себе сколько захочет, но чем больше — тем дороже плата. Может делать с этой собственностью что угодно. Ломать? Пожалуйста, но придется вернуть все до копейки. Воровать? Но никто еще не научился воровать у самого себя. Умная экономика способна сделать человека умнее.

— Кому, интересно, будут сдавать предприятия в аренду в первую очередь? Будут ли это целые трудовые коллективы или у нас может появиться фабрикант-единоличник, который захочет сам нанять людей и организовать производство? Как тогда расценивать наемный труд?

— Острый вопрос. Вообще-то надо устраивать конкурс. Преимущественное право получат, конечно, работающие на данном предприятии люди. Порой у них и конкурентов особых не окажется. Поедете ли вы из Москвы брать в аренду Магнитку? Мелкие предприятия, думаю, могут стать предметом конкуренции. Предпочтение тому, кто предложит лучшие условия аренды. Например, согласится взять объект в полном комплекте. Теперь — о единоличниках. Почему частное лицо не может стать арендатором и взять на работу к себе, скажем, пятьдесят сотрудников? Считайте, что мы имеем дело с трудовым коллективом численностью пятьдесят один человек. В отличие от капиталистического эксплуататора наш арендатор будет получать заработную плату, адекватную своему вкладу в общее дело, по результатам своего труда. Представляете, как будет болеть у такого управленца голова за успех предприятия, как он должен будет выкладываться! Мы же привыкли, чтобы у нас голова болела от безделья. Недавно слышал замечательный разговор. Одна женщина делится с другой: «Ты себе представить не можешь, что такое восемь часов ничего не делать!» А та ей отвечает просто изумительно: «Как это я не могу себе представить?»

— Интересно узнать, кто станет арендодателем. Трудно предположить, что министерства охотно расстанутся с предприятиями, которые они привыкли считать своей вотчиной. Им фактически придется рубить сук, на котором сидишь. Не загубит ли бюрократия все ваше начинание?

— Арендодателем может быть только владелец собственности, то есть народ. Поскольку это абстрактная категория, следует поручить эту миссию от имени собственника кому-то конкретно. Землю могли бы сдавать в аренду местные Советы, заводы — министерства. И тут возникает очень большая трудность — как справиться с индифферентностью того, кто сдает? У него нет никакой заинтересованности в том, чтобы сдать на условиях, выгодных государству. За взятку чиновники могут одним давать «зеленую улицу», другим всячески препятствовать, одним умышленно назначать непомерно низкую цену, других душить высокой. Честно скажу, пока я не знаю выхода. Разумеется, придется заставлять сдавать в аренду. Подали люди заявление на конкурс — будьте добры в месячный срок его рассмотреть. В противном случае данный коллектив имеет право передать дело в суд или арбитраж. Пока придется действовать силовыми методами.

Сопротивляются ли министерства аренде? А как вы думали! Ведь стоит предприятию стать арендным, как оно освобождается от платежей, идущих на содержание вышестоящих инстанций. Ничего не поделаешь: пришла пора министерствам лишаться своих хозяйственных функций и становиться государственными органами в виде отраслевых отделов, комиссий правительства. Их задача — составлять стратегические планы развития экономики. Но пока мы можем говорить о таком как об отдаленном будущем...

— Давайте останемся в сегодняшних реалиях. По какой цене, на какой срок можно будет арендовать?

— Предлагается два вида аренды: бессрочный и ограниченный во времени (краткосрочный — с арендой до пяти лет и долгосрочный — свыше пяти лет). Природные ресурсы, крупные промышленные объекты будут иметь бессрочную аренду. Из сказанного не следует, что заключенный арендный договор вечен и его нельзя расторгнуть. Это как при женитьбе. Муж и жена заключают брачный союз вроде бы навсегда, однако они могут развестись, когда пожелают. Если по взаимному согласию — проблем нет, если возникнут споры — через суд.

Теперь о плате. Сначала о цене, по которой будут сдаваться производственные фонды арендатору. Обязательно надо учитывать рост цен. Продаем станок, которому пять лет. Его стоимость с амортизацией рассчитывается не по ценам пятилетней давности, а по сегодняшним рыночным, так что теперь он может оказаться более дорогим, чем был раньше. Очень интересен вопрос об арендной плате. Скажите, если вы кладете деньги в сберегательный банк, что вы хотите получить?

— Проценты...

— Только в Советском Союзе можно услышать такой ответ! Вы хотите получить прежде всего свои деньги обратно плюс какой-то процент, верно? А если я сдаю в аренду трактор? Я, естественно, хочу получить деньги за трактор и процент на стоимость трактора. Это арендный процент. Каким ему быть? Высказывается много мнений. Одни просят установить твердый норматив. Представляете, до чего мы заорганизовали нашу жизнь и наше сознание — не можем действовать без указки сверху! Я сторонник рыночных отношений. Пусть партнеры сами договариваются. Предположим, кто-то хочет избавиться от старого оборудования и готов сбыть его с рук без всякого арендного процента. Его дело. А когда у тебя дефицит? Имеешь все основания поднять цену. Иногда приходится слышать: этот ваш арендный процент является нетрудовым доходом. Согласен. Только давайте не будем путать его с незаконным доходом. Нашел я на улице клад, сдал государству, получил премию. Доход явно нетрудовой, но кто назовет его незаконным?

— Как я понимаю, пока была присказка. Самые захватывающие события развернутся сейчас, когда мы заговорим о доходах, которые поступят в собственность арендаторов. Не боитесь ли вы, что наши труженики, измученные нищетой, скудостью доступных им благ, захотят наконец пожить «как белые люди» и начнут всемерно наращивать фонд потребления? Пока мы видим именно такую картину на предприятиях, перешедших на хозрасчет.

— Справедливый вопрос. Я уже говорил, что экономика может сделать человека умнее, чем он сам от себя ожидал. Мне доводилось беседовать со многими западными миллионерами и миллиардерами. На мою реплику «Что вас больше всего волнует?» они, не сговариваясь, отвечали: «Завтрашний день». Для них будущее всегда неопределенно: могут появиться новые технологии и новые конкуренты, закрыться старые рынки сбыта. Один мультимиллионер сказал мне: «Большому кораблю — большое кораблекрушение». Вся надежда у них на фонды накопления, которые они все время увеличивают. Нас же воспитывали на нелепом лозунге: «Великое завоевание социализма в том, что человек может не думать о завтрашнем дне». Вот и заканчивается для нас жизнь тридцатого числа каждого месяца. Арендные отношения все поставят на место. Назову три причины, по которым арендаторы начнут делать накопления. Во-первых, если ты все проел сегодня, завтра ты без зарплаты. Захочешь уйти на другое предприятие? Но там своих «умников» не знают куда деть. Бездельники никому не нужны. Во-вторых, расширив фонд накопления за счет фонда потребления, ты можешь открыть новый цех, можешь, объединившись с другими арендаторами, создать дочернее предприятие. Чье оно будет? Уже твое собственное. У предприятия, кроме государственного, появляется новый клин — коллективная собственность. Ею можно распоряжаться по своему усмотрению. Кто мешает построить жилой дом для своих работников, открыть детский сад — да все что угодно! Наконец, появляется возможность раньше оговоренного срока выкупить аренду. Тогда данное предприятие перестает быть государственным и становится собственностью трудового коллектива. Это новое понятие. А коли теперь это мой и только мой капитал, неизбежно следует третий довод: почему не раздать этот капитал работникам в виде акций? Ведь эти деньги люди уже выкроили когда-то из своей зарплаты, отдав в фонд накопления, теперь деньги к ним возвращаются, но уже с дивидендами. И дал им эти дивиденды фонд накопления. Такая вот арифметика.

— Заманчиво! По каким критериям будут делиться акции между работниками? Будут ли они свободно обмениваться на деньги по первому требованию их владельца? И самое главное — где социальные гарантии, что завтра арендатора не объявят капиталистом, кровопийцей, жуликом? Печальный пример — кооператоры...

— Надо ломать рабскую психологию! Сегодня стыдно должно быть не тому, кто зарабатывает много, а тому, кто не прилагает усилий, чтобы выбраться из бедности. Акции будут безраздельной собственностью человека. Трудовой коллектив должен решать, кому сколько акций положено. Видимо, их количество будет пропорционально зарплате члена трудового коллектива, которая, в свою очередь, отражает его реальный вклад в дело. Но никаких указаний со стороны! Пусть сами решают. Есть в этом году прирост — делят его по акциям, нет прироста — делить нечего. Разумеется, при ликвидации предприятия все деньги раздаются пропорционально акциям. Хочется пойти дальше и добиться, чтобы человек получал свои деньги при уходе с предприятия на пенсию, по инвалидности, поскольку акции — это как бы отложенная зарплата, по принципу банка. Задача-максимум, за которую стоит бороться,— право получить по акциям деньги при увольнении с данного предприятия. Абсолютно законное право, но есть тут свои опасности... Надо как следует обдумать.

Вообще — что мы говорим! Еще недавно о подобных нововведениях мы и помыслить не смели, а сегодня они заложены в разработанный нашим подкомитетом (я его возглавляю) проект Закона об аренде и арендных отношениях в СССР. Есть там пункт о юридической защите арендатора, его правовом статусе. Мы уже разослали наш проект в пять родственных Комитетов Верховного Совета СССР.

— Значит, речь идет не об абстрактных предложениях, а о мерах, которые скоро обретут силу государственной политики? Когда ждать решений?

— Есть известное выражение: «Время — деньги». Я бы его перефразировал так: «Сегодня время — все, деньги — ничто!» Вводить аренду надо немедленно, с будущего года. Подготовленный проект вобрал в себя предложения Совета Министров СССР и Комитета Верховного Совета СССР по вопросам экономической реформы и одобрен названным Комитетом 19 октября. В ближайшие дни я буду делать доклад на сессии Верховного Совета СССР. Если депутаты одобрят, с 1 января 1990 года народное хозяйство перейдет на арендную форму отношений.

Вводить аренду без одновременного введения нового закона о налогообложении и реформы оптовых цен бессмысленно. Знаю, что эти законы нуждаются в серьезной доработке. Пусть для страны в целом они начнут действовать с 1991 года, но арендаторам они нужны немедленно! Мы не вылечим сразу больную экономику, но сделаем облегчающий укол. В противном случае начинание обречено. Судите сами. Если арендатор, как и прежде, будет вносить платежи в бюджет, значит, хорошие предприятия будут по-прежнему отдавать, середнячки останутся при своих интересах, а отстающие незаслуженно получат доплату. Какой тогда толк переходить на аренду? Тот же механизм действует и при существующих ныне оптовых ценах — излишки отнимут, нехватку компенсируют.

И еще одно обязательное условие: сохранить материально-техническое снабжение в том виде, как есть. Как у нас бывает? Стоит предприятию высунуться с инициативой, как министерство сразу отлучает его от всякого снабжения, всякой поддержки.

— Итак, закон об аренде — тот первый решительный шаг, который сейчас жизненно необходим. Но реформа этим, как я понимаю, не исчерпывается. Как и куда мы будем шагать дальше?

— Шагов должно быть еще много и таких же крупных. Назову несколько узловых проблем. Начнем с кадров. Они, если вспомнить очередной лозунг, решают все. Нужных нам кадров нет или почти нет. Откуда им было взяться? До сих пор мы пытались плавать в бассейне, где по колено воды, уверяли при этом, что прекрасно держимся на плаву. Но вот в бассейн напустили воды, стало глубоко, и теперь придется плыть по-настоящему. Несомненно, будут утонувшие — немногочисленные, надеюсь. Вряд ли сразу появятся и рекордсмены мира. Зато чемпионов страны будет немало, я в этом убежден. Негуманно спокойно взирать на захлебывающихся пловцов, следует открыть курсы по обучению плаванию. Нам нужны организаторы производства нового типа, они как можно скорее должны стать не исключением, а правилом.

Другая проблема — рынок. Сегодня мы от него дальше, чем когда бы то ни было. В условиях тотального дефицита предприятия перешли почти на исключительно натуральный обмен. Ты мне трубы — я тебе станки или рабочих на строительство горящего объекта. Деньги становятся ненужными. Значит, рынок надо насыщать. До какого предела? Третий важный момент: до появления конкуренции на рынке. А она возникнет, когда рыночные отношения разовьются настолько, что начнется перепроизводство.

— Опять мы касаемся весьма отдаленных перспектив... А меня волнует ближайшая: что будет с вами, со мной, то есть со всеми, кто не имеет отношения к материальному производству? По роду нашей деятельности нам арендаторами стать не удастся, разве что я арендую у редакции стол и пишущую машинку...

— Конечно, о большой категории работников, остающихся в госсекторе, забывать нельзя. Путь один: поднять их заработную плату.

— Из всего услышанного делаю вывод: проект переустройства экономики, всей нашей жизни вы предлагаете грандиозный. Есть ли у вас уверенность, что модель заработает и даст ожидаемые результаты? И что за экономика у нас возникнет? А может, мы вообще изобретаем велосипед и разумнее добросовестно

скопировать опыт передовых стран?

— Скажу так: мы делаем максимум из того, что знаем, но никто не утверждает, что делаем максимально правильно. Мировой опыт действительно накоплен немалый, аренда известна со времен рабовладения. Однако механически перенести его на нашу почву невозможно. Дело осложняется и тем, что страна переживает переходный период, на ровном месте строить гораздо проще. Скажу честно — не все нам до конца сегодня ясно. Должно ли это останавливать? Вспомните Шекспира: «Есть многое на свете, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам».

Раз уж вы позволили себе выпад в сторону ученых, позволю себе и я высказать претензии журналистам. Не возражаете?

— Ни в коей мере!

— Отдаю должное средствам массовой информации, они подробно освещают работу Верховного Совета СССР. Но почему журналисты считают возможным сами решать, что и сколько показывать? По-моему, главная их задача — максимальная объективность и полнота сообщений. А они решили, что много разговоров об экономике — это скучно, и переключились на другие, гораздо менее значимые проблемы. Так нельзя! Общественное внимание сейчас должно быть сфокусировано на экономических преобразованиях: они ключевые.

И уж совсем плохо, когда журналист проявляет не только некомпетентность, но и тенденциозность в изложении протокола. Особенно огорчил меня парламентский корреспондент «Правды» Ю. Урсов. В номере газеты за 13 октября, повествуя о работе нашего Комитета, он многое исказил, позволил себе собственное толкование моих высказываний. Например, в акциях он видит зашифрованную частную собственность, которая недопустима, по его выражению, в экономике обновленного социализма. Корреспондент совершенно пропустил мимо ушей выступления видных экономистов, объяснявших, что частная собственность может быть трудовой и не противоречить принципам социализма. Ссылаясь на мое сообщение, Ю. Урсов делает вывод, что депутат П. Бунич одобряет и поощряет вложение капиталов «теневой экономики» через частную собственность в подъем народного хозяйства. Ни много ни мало! Я же настаиваю совсем на другом — не называть всех, кто имеет сегодня деньги и хочет пустить их в дело, теневыми дельцами и ворами. В правовом государстве незыблем принцип: «Не пойман — не вор». Почему мы должны идти на поводу у завистников и лентяев? Мало натерпелись от уравниловки? И хватит давить нас идеологией. Не словам, а делам верит народ.

— Интересно, кем вы себя чувствуете, работая в Комитете Верховного Совета СССР: ученым, государственным деятелем, политиком? Наверное, это первый в истории нашего государства парламент, в котором так много крупных ученых. Какая обстановка царит у вас?

— Я стараюсь быть прежде всего ученым и дать самую объективную, точную оценку ситуации, предложить научно обоснованные меры. А уж профессиональные политики пусть решают, какие стороны надо усилить, а какие ослабить. Обстановка у нас хорошая, рабочая. Собралось действительно много знающих, видных ученых, но в Комитете самые разные люди — и радикалы, и консерваторы. Так и должно быть, наверное, в парламенте.

— Последний вопрос: если Закон об аренде начнет действовать с будущего года, когда мы почувствуем первые его результаты?

— Нэп заявил о себе сразу. Кооперативы нашего времени тоже стали давать продукцию и услуги без особой раскачки. Есть все основания надеяться, что и аренда проявит свои возможности незамедлительно.

Фото Н. МИШАНОВА

Журнал «Огонек» и Всесоюзный центр изучения общественного мнения сообщают.

Этот обзор посвящен проблемам семьи и брака.

ВОПРОС. ***Согласны ли вы с тем, что каждый человек рано или поздно должен вступить в брак, завести семью?***

Да, каждый человек должен вступить в брак, завести семью	— 84,5%
Нет, каждый человек не обязан вступать в брак, заводить семью	— 12,3%
Затрудняюсь ответить	— 3,2%

ВОПРОС. ***Для чего, с вашей точки зрения, люди прежде всего вступают в брак, заводят семью? (Возможно несколько ответов.)***

Чтобы не быть одиноким	— 26,3%
Чтобы был уютный дом, благоустроенный быт	— 23,9%
Чтобы были дети, продолжился род	— 56,1%
Чтобы не расставаться с любимым человеком	— 19,0%
Чтобы чувствовать себя нужным кому-то, о ком-то заботиться	— 36,8%
Чтобы иметь постоянного сексуального партнера	— 7,1%
Чтобы рядом был человек, который поймет и поддержит в любой жизненной ситуации	— 44,8%
Принято вступать в брак, так поступают все, но не все создают хорошую семью	— 6,7%
Иметь семью и детей — нравственный долг человека	— 26,3%
Затрудняюсь ответить	— 2,3%

ВОПРОС. ***В чем вы видите отрицательные стороны семейной жизни? (Возможно несколько ответов.)***

Семейная жизнь мешает профессиональному росту	— 7,8%
В семейной жизни слишком большое значение имеет быт (кастрюли, пеленки, магазины и т. д.)	— 39,6%
Семья ограничивает личную свободу	— 20,7%
В семейной жизни слишком много однообразия: одни и те же лица, изо дня в день одни и те же обязанности	— 17,9%
Семейная жизнь налагает чрезмерную ответственность за благополучие других	— 16,2%
Нужно слишком много работать, чтобы обеспечить материальное благополучие семьи	— 44,0%
В семье много тревог и огорчений доставляют дети	— 16,4%
В семье неизбежны обман, предательство, конфликты	— 14,6%
Живя в семье, невозможно сохранить любовь	— 3,6%
Затрудняюсь ответить	— 20,0%

ВОПРОС. ***Как вы относитесь к мужчинам и женщинам, которые живут одной семьей, но официально не регистрируют свои отношения?***

Считаю это недопустимым	— 22,5%
Есть случаи, когда это допустимо	— 33,6%
Это вполне допустимо	— 34,2%
Затрудняюсь ответить	— 9,7%

ВОПРОС. ***Как вы относитесь к женщинам, рожающим детей вне брака?***

Я одобряю таких женщин	— 8,5%
В жизни бывают разные ситуации, и о каждом конкретном случае надо судить отдельно	— 72,4%
Я не одобряю таких женщин	— 19,1%

ВОПРОС. ***Что бы вы сказали о супругах, которые могут, но не хотят иметь детей?***

Их не следует осуждать	— 13,1%
В жизни бывают разные ситуации, и о каждом конкретном случае надо судить отдельно	— 51,4%
Они заслуживают осуждения	— 35,5%

ВОПРОС. ***Что бы вы сказали о мужчине, который изменяет жене?***

Его не следует осуждать	— 6,8%
В жизни бывают разные ситуации, и о каждом конкретном случае надо судить отдельно	— 53,6%
Он заслуживает осуждения	— 39,6%

ВОПРОС. ***Что бы вы сказали о женщине, которая изменяет мужу?***

Ее не следует осуждать	— 4,5%
В жизни бывают разные ситуации, и о каждом конкретном случае надо судить отдельно	— 48,7%
Она заслуживает осуждения	— 46,9%

x x x

ВЦИОМ проводит изучение общественного мнения по заказам государственных, общественных, кооперативных организаций по интересующим их проблемам. Наш адрес: Москва, Ленинский проспект, 146, тел. 438-51-77.

«ЗА и ПРОТИВ»

КОГО ВЫБИРАТЬ В СОВЕТЫ? ●
КРИТЕРИЙ: ОТНОШЕНИЕ К ДЕЛУ ●
ПРОБЛЕМЫ МАЛЫХ ГОРОДОВ ●

С 1 ЯНВАРЯ 1990 ГОДА У «ОГОНЬКА» 4 050 700 ПОДПИСЧИКОВ. БЛАГОДАРИМ ВАС, ДРУЗЬЯ, ЗА ДОВЕРИЕ!

Мы научились говорить правду прежде, чем стали работать лучше. Осмысление пережитого взрывается в нашей печати множеством публикаций, помогающих отчетливее понять случившееся со страной и с каждым из нас. Без этого путь вперед немыслим. Мы непременно станем работать лучше, а значит, и заживем богаче, но вначале надо понять себя, обдумать прошлое и настоящее, честно сказать обо всем.

Очень радостно, что гласность вдохновила столь многих; общество, позволяющее говорить и выслушивать правду о себе, гораздо сильнее, чем система, замкнувшаяся в паническом самобахвальстве. Рождаются новые авторитеты — политические, газетные; обновляются старые репутации. Результаты подписки на 1990 год достаточно красноречивы в этом смысле. Конечно же, мы стали сильнее в такой определенности; четче разграничены полюса, симпатии осмысленны. Пресса помогает перестройке, сама мучительно перестраиваясь. Нашей несокрушимой бюрократии все труднее списывать народное недовольство на отечественную печать, разжигающую-де страсти. Как-то само собой выяснилось, что отсутствие сыра и колбасы на прилавках возбуждает народные массы острее, чем статьи о продуктовом дефиците.

Мы заняты общим делом. Все меньше журналов и газет используется исключительно для обертки: и читать хочется, и заворачивать нечего. Публикуя сводку о первых результатах подписной кампании, мы даем ее в том виде, в каком получили. Ничего не добавляя и не сокращая ни строчки. Есть о чем подумать.

ДАННЫЕ О ПОДПИСКЕ НА ГАЗЕТЫ И ЖУРНАЛЫ НА 1990 ГОД НА 1 НОЯБРЯ 1989 ГОДА (В ТЫС. ЭКЗ.)

	Подписка на 01.01.89	Подписка на 1990 г.	
		кол-во	%% к 1989 г.
Правда	9728,9	6480,5	66,6
Сельская жизнь	6643,8	5772,6	86,9
Советская Россия	4222,9	3018,1	71,5
Советская культура	672,5	529,1	78,7
Комсомольская правда	17691,8	20354,5	115,1
Учительская газета	1616,4	1239,1	76,7
Экономика и жизнь	716,5	667,2	93,1
Рабочая трибуна	—	877,3	—
Диалог	—	1652,0	—
Известия ЦК КПСС	575,7	632,5	109,9
Коммунист	930,2	571,2	61,4
Партийная жизнь	810,7	535,8	66,1
Знамя	954,5	906,4	95,0
Крестьянка	20448,0	20807,0	101,8
Огонек	3082,8	4050,7	131,4
Работница	20442,0	22564,4	110,4
Известия	10138,0	9478,3	93,5
Красная звезда	1370,0	1083,4	79,1
Литературная газета	6277,0	4234,0	67,5
Труд	19849,0	20009,0	100,8

Отдел распространения издательства «Правда»
10 ноября 1989 г.

■

Хватит твердить о том, что кухарка должна управлять государством. Кухарка должна хорошо жарить котлеты. А государством пусть управляют специалисты — политологи, экономисты, юристы, социологи, талантливые хозяйственники, люди, сведущие в планировании, в управлении финансами.

Мы достаточно настрадались от системы, порождающей непрофессионализм во всем. Уже с первых дней Советской власти рабочих направляли руководить заводами, стройками, банками, оттесняя подальше «гнилых интеллигентов». Затем «двадцатипятитысячники», ничего не смыслившие в сельском хозяйстве, хлынули руководить колхозами. Тем временем крестьяне мобилизовывались и направлялись на стройки. Из рабочих и крестьян в ударном порядке по ускоренной усеченной учебной программе подготавливались полуграмотные инженеры, невежественные администраторы, неумелые организаторы производства. Конечно, и среди них оказывались люди одаренные. Но единицы. А в общей массе все шло, как и должно было идти при такой системе. Затем недоученные преподаватели, подобранные не по способностям и знаниям, а по анкетам, готовили таких же неквалифицированных специалистов. И так десятилетия. Непрофессионализм вошел в нашу плоть, стал системой. Не потому ли мы расписались в полном неумении работать, изобретя знак качества и помечая им лишь небольшую часть мало-мальски пригодной к употреблению продукции, хотя прекрасно знаем, что и эти, по нашим меркам, лучшие изделия, как правило, уступают зарубежным образцам?

Мы работаем плохо потому, что привыкли заниматься не своим делом. Где, в какой цивилизованной стране мира студенты и научные работники перебирают на базах овощи, служащие учреждений, в том числе и женщины, охраняют общественный порядок на улицах? Стоит ли удивляться, что на каждом шагу мы сталкиваемся с отсутствием профессионализма: в магазине, ремонтной мастерской, поликлинике...

Да поймите же наконец, люди, что в Советы надо избирать людей, способных решать государственные вопросы, принципиальных, честных, готовых служить народу. Если такими качествами обладает шахтер, доярка, студент, врач — нет вопроса, их место в Совете. Нам нужны не герои Чевенгура, невежественные и вооруженные только классовым чутьем и классовой ненавистью, а современные государственные деятели, обладающие глубокими знаниями. Иначе опять будет наломано дров и вековать нам с талонами на сахар и с хлебом, даже в самые урожайные годы покупаемым на валюту.

А. ПУТКО,
член Союза писателей СССР

■

Как понять, что очень многие члены Верховного Совета СССР самоустраняются от своей работы? Для того ли их выбирали в народные депутаты СССР и затем в орган верховной власти, потеснив при этом не менее достойных?

Почти на всех заседаниях Верховного Совета еле-еле набирается необходимый кворум, то есть две трети общего числа его членов. Верховный Совет даже отошел от установленного Съездом регламента голосования, так как при подсчете голосов от общего количества членов Верховного Совета добрая половина кандидатов в министры и председатели различных Комитетов и коллегий просто не прошла бы. Кстати, правомерно ли все-таки это отступление от указаний Съезда?

А ведь отсутствие в среднем сотни депутатов на заседаниях, то есть практически каждого пятого, никак нельзя объяснить всеобщей эпидемией какого-нибудь депутатского гриппа. Выходит, это люди, не желающие пожертвовать своим благополучием на престижных должностях, боящиеся оставить свои кресла ради общенародного блага, но не желающие расставаться и с депутатством, которое им, вероятно, льстит. Не зря поднимался ранее вопрос о депутате-профессионале.

Так, может быть, освободить этих «шибко занятых» депутатов от работы в Верховном Совете? На экране телевизоров мы видим одних и тех же активных депутатов и совсем не знаем других — неактивных.

Лично я считаю уважительной причиной отсутствие на заседаниях лишь одного депутата — Председателя Верховного Совета СССР М. С. Горбачева: мы знаем и видим, чем он занимается.

Может быть, телевидение покажет, чем занимаются во время сессии те, кто на заседания не является? Ловлю себя на мысли, что все происходящее сейчас волнует меня много больше, чем некоторых членов Верховного Совета.

Очень рассчитываю на публикацию. Иначе, как еще я могу использовать свое право на гласность, право быть выслушанным? Обсуждать подобные вопросы в курилках просто надоело, хотя чаще всего этим и кончается.

Б. Ф. ВЯТКИН,
рядовой избиратель
Горький

■

Решение об отсрочке призыва студентов в армию — очень радостное известие, но оно и огорчает. Почему же это сделано только для студентов дневных отделений? Ведь известно, что у нас миллионы людей с низким уровнем обеспечения, и их дети не имеют возможности учиться после школы днем. Почему никому и в голову не пришло, что это еще более расслаивает наше общество, наносит моральный удар по тем, кто вынужден помогать семье, работая и одновременно вечером успешно занимаясь в вузе? Разве это справедливо по отношению к ним?

Необходимо восстановить справедливость и дать этим ребятам тоже спокойно получить высшее образование.

Э. И. Т.
Московская область

Пусть в подписи будут одни инициалы, не хочу, чтобы знакомые узнали, что я не могу дать сыну возможность учиться на дневном отделении, хотя он прекрасно окончил школу.

■

Позвольте мне, бывшему сотруднику отдела печати МИД СССР, высказать свое мнение о статье Павла Волина «Тайна, известная всем» (№ 35). В принципе я целиком согласен со всеми положениями этой статьи и особенно с выводом о том, что с багажом сохранившейся социальной несправедливости нечего и думать, даже мечтать о перестройке. На своем личном опыте я убедился, что материальное обособление «номенклатуры» от народа порождает, помимо всего прочего, особую касту обслуживающего персонала (лакеев по-старому), которая в силу своей приближенности к верхушке административно-командной системы ведет себя очень высокомерно по отношению к рабочим и служащим,

довольствуясь кусками, иногда крупными, с «барского стола».

Я бы осмелился сказать, что бурный рост преступности в нашей стране и в какой-то мере забастовки шахтеров связаны с падением моральной чистоплотности и ответственности многих руководителей и в центре, и на местах. Конечно, есть у нас и честные руководители, которые показывают образцы личного бескорыстия. Однако у многих руководителей нет пока морального права и авторитета призывать народ к дальнейшему самопожертвованию ради идеалов перестройки. Тяготы и лишения «новой революции» должны нести все члены советского общества, независимо от своего положения на ступеньках государственного аппарата.

В условиях буржуазной демократии коррупция, чванливость и нескромность ответственных лиц на работе и в быту быстро становятся достоянием органов массовой информации и предметом корреспонденций «досужих» журналистов. Естественно, что в условиях жесткой конкурентной борьбы за политическое выживание отдельные противники не прочь подставить друг другу ножку, но в целом общественное мнение на Западе довольно объективно оценивает поведение выборных лиц и представителей администрации. Внушает уважение и «показной демократизм» деятелей из высших эшелонов власти, которые не гнушаются черновой работой и, в частности, сами водят и моют автомашины либо клеят на стены обои, как это проделала, например, в квартире своей дочери в Лондоне премьер-министр Великобритании М. Тэтчер. Об этом в свое время поведал французский еженедельник «Пари-матч», снабдив информацию фотографиями «железной леди» с малярной кистью в руках.

На Западе вообще принято регулярно интервьюировать ведущих политических деятелей в домашней обстановке с показом интерьера их квартиры или загородного домика. Спрашивается: кто мешает журналистам «Огонька» или ведущим телепередач «Взгляд», «Пятое колесо» и других программ организовать встречу с членами Политбюро ЦК КПСС в непринужденной обстановке, у них дома? И совершенно необязательно при этом, чтобы наши заслуженные руководители играли на аккордеоне (как француз В. Жискар д'Эстен) или в теннис (как президент США Д. Буш).

Соблюдение этических норм поведения и гласности на высшем уровне необходимо для успеха революционной перестройки в стране и для преодоления социальной отчужденности. Одним словом, «низы» должны знать, как перестраиваются «верхи», и наоборот.

А. СИЛИН,
бывший советник отдела печати МИД СССР

■

Меня волнуют проблемы, связанные с отношением человека к делу. Поэтому хочу рассказать о рядовом работнике управления социального обеспечения, одном их тех, от кого во многом зависит и наше настроение, и даже здоровье. Сколько конфликтных ситуаций возникает из-за того, что должностные лица не умеют или не хотят выслушать человека, внимательно отнестись к его просьбам и жалобам.

Мне довелось встретиться в Харьковском облсобесе с добросовестным работником, хорошим, добрым человеком — из тех, которых так сейчас не хватает в новом аппарате,— Валентиной Константиновной Куля. Все, кто к ней обращается, получают исчерпывающий ответ, добрый совет, толковую консультацию. Повторно приходить сюда, как правило, нет необходимости. Вместо жалоб здесь говорят: спасибо.

В этом я сам убедился. Валентина Константиновна не только помогла мне в том деле, с которым я к ней пришел, но и сама за меня хлопотала. Видя мое состояние — я недавно перенес повторный инсульт,— спросила, не нужна ли мне медицинская помощь. Я был растроган проявленной заботой и, придя домой, написал вот это письмо с просьбой поблагодарить ее за добросовестное выполнение служебного долга, учтивость, душевность.

Могут сказать, мол, все это входит в ее служебные обязанности. Но, будем откровенны, далеко не все у нас такие. Разве мало среди должностных лиц равнодушных, невнимательных, больше думающих о своем спокойствии, безразличных к нуждам и просьбам людей?

П. Д. НЕСТЕРЕНКО,
инвалид Отечественной войны
Харьков

■

В начале сентября во Владимире проходили Дни газеты «Советская Россия». Для встреч с читателями приезжала целая бригада, включая главного редактора В. В. Чикина и популярного актера Михаила Ножкина. Вопросы, ответы, улыбки, песни — словом, работа на подписку. Все это объяснимо. И наша газета, как могла, поддерживала коллег из Москвы — напечатала анонс, а затем — сообщения о прошедших и предстоящих встречах. Но «Призыву» настоятельно порекомендовали подготовить еще и целую полосу по итогам встреч центральной газеты со своими читателями.

Нам, правда, не совсем было понятно, почему мы должны тратить время и газетную площадь для пропаганды суверенного издания. Это было тем более неясно, что в организации встреч и их проведении активное участие принимала собственный корреспондент «Советской России» во Владимирской области Л. В. Гладышева, которая единственно только и уполномочена заниматься популяризацией родного издания в обслуживаемом ею регионе.

По заданию своего редактора мы побывали на всех встречах, добросовестно фиксировали порой нелицеприятный, в духе времени, диалог читателей газеты с ее создателями. Мы были свидетелями снисходительной уверенности, а потом плохо скрываемой ярости В. В. Чикина, когда в самом начале буквально каждой новой встречи читатели задавали один и тот же вопрос: «Почему Нина Андреева выбрала вас?»

Готовя материал к печати, мы, конечно, сознавали, что некоторые ответы уважаемых коллег из центральной газеты не только не привлекут новых подписчиков, но и оттолкнут многих из тех, кто таковым себя считает. Особенно в той части (безусловно, самой главной), где речь идет о политическом лице газеты. Но перекраивать высказывания В. В. Чикина мы сочли неуместным. Это противоречило бы не только правилам профессиональной (и субординационной) этики, но и принципам гласности, которая, как нам казалось, все же утверждается.

Не будем лукавить. Мы видели, что именно честная расшифровка стенограмм состоявшихся встреч привлечет внимание читателей нашей газеты к этому довольно громоздкому материалу и поможет приблизить каждого, кто на встречах не присутствовал, к тому, что было на самом деле.

Полоса должна была появиться в свет 16 сентября. Но накануне, 15 сентября, уже готовая для читки дежурным редактором, была буквально выхвачена собкором Л. В. Гладышевой и после ее оперативных сигналов сначала своему редактору, а затем во Владимирский обком КПСС была вовсе снята с дальнейшего производства. Выпуск газеты в тот день был задержан из-за срочной замены материалов.

В былые времена подобное решение судьбы той или иной статьи у нас не вызывало удивления.

Жертву гласности — не увидевшую свет полосу — прилагаем.

В. СКОРБИЛИН, Л. ВАСИЛЬЕВА,
корреспонденты владимирской областной газеты «Призыв»

■

«Огонек» уже не раз поднимал проблему сохранения культуры малых городов. Чистополь — камский городок с непритязательной самобытной архитектурой, сформировавшейся в течение двух веков. И хотя в последние годы кое-что делается для сохранения памятников истории культуры, все же о четкой и последовательной программе говорить пока не приходится. Многие старинные дома используются не по назначению, например, здание бывшего народного театра было передано без ведома общественности под общежитие.

И вот теперь с необычайной легкостью, походя, решается судьба уникального в нашем городе здания, известного под названием «дом купца Мельникова», являющегося памятником архитектуры конца XIX — начала XX в. Не дожидаясь официального решения горисполкома на этот счет, освободившийся второй этаж заняло конструкторско-технологическое бюро. В дальнейшем здесь планируется создать информационно-вычислительный центр предприятия с установкой мощной ЭВМ. Совершенно очевидно, что монтаж, а затем и эксплуатация такой машины потребуют перепланировки интерьера и неизбежно приведут к утрате сохранившихся элементов декора.

Общественность города, в том числе «Клуб любителей истории Отечества», сотрудники краеведческого музея, городской клуб художников, редакция городской газеты, учителя, рабочие, врачи, служащие различных организаций выступают категорически против такого использования здания и считают это грубейшим нарушением положений программы «Наследие».

Более целесообразно открыть в старинном особняке картинную галерею или литературный музей, а для информационно-вычислительного центра отвести другое строение, не являющееся памятником истории и культуры. В поддержку этого предложения высказалось уже более тысячи горожан, сбор подписей продолжается.

В настоящее время в малоприспособленных помещениях хранятся, подвергаясь разрушению, картины, произведения декоративно-прикладного искусства, которые недоступны взору горожан из-за отсутствия необходимых выставочных залов. Среди картин, которых, по сути, лишены чистопольцы, подлинники и искусно выполненные еще в конце прошлого века копии таких мастеров, как Маковский, Коровин, Рембрандт, Рубенс, Тициан, Брейгель, немало полотен современных художников Москвы, Ленинграда, Тбилиси. «Дом Мельникова» находится в историческом центре города, располагает просторными, светлыми помещениями, пригодными для экспонирования художественных ценностей.

Наше обращение к руководству города через городскую газету, телеграмма в республиканскую газету «Советская Татария», личное обращение к первому секретарю горкома КПСС пока не увенчались успехом.

А тем временем в «доме Мельникова» началась уже подготовка к монтажу оборудования, эксплуатация которого может привести к быстрой утрате памятника. Этого нельзя допустить!

А. М. КАРАСЕВ,
кандидат исторических наук, председатель «Клуба любителей истории Отечества»,
Н. С. ХАРИТОНОВА,
заслуженный учитель школы Тат. АССР,
А. С. ЛИЗУНОВ,
руководитель изостудии городского Дома пионеров и школьников
Чистополь, Татария

■

Я давно выписала «Огонек», еще в начале года, в надежде подписать литературное приложение к журналу. Обращалась несколько раз в «Союзпечать», но то еще ничего не известно, то нет разнарядки, то еще что-то, а потом: мы дали лимит на организации. Последний раз обратилась к заведующему «Союзпечатью» 2 октября — дескать, я же к вам обращалась. А он еще и накричал на меня: «Поздно. Мы литприложение дали на парторганизации». Вот так происходит перестройка у нас, в г. Лохвице, в подписке на периодические издания. До каких же пор будет такая свобода?

Мы говорим: дефицит бумаги. Все это чепуха, никто этим вопросом не хочет заниматься. Это только в больших городах за макулатуру можно купить книги и подписаться. У нас, в провинции, миллионы тонн макулатуры сжигаются, потому что у нас ее с целевым назначением (приобрести книги, подписку) не принимают. Обращалась в местную печать: глухо, у нас это не делается. Почему? Вот если просто так сдадите, тогда примут. Так государство теряет миллионы тонн ценнейшего сырья для производства бумаги, теряет и прибыли.

Обидно, что жизнь прожита, а справедливость так и осталась недоступной. Обидно, что мы кончали университеты, но не знаем ни литературы своей, ни своей истории. Все лучшее было скрыто от нас, как и сама правда.

Почему меня так задела подписка на приложение к «Огоньку»? Да из-за произведений В. Набокова и А. Ахматовой. Меня поражает изящество прозы Набокова, хотелось хоть немножко прикоснуться к той великой культуре языка и человеческого духа, хотелось познакомить с ним своих взрослых детей и своих учеников (я учитель литературы). Но, как видно, я не принадлежу к той категории, которая имеет право... За 34 года работы, в свои 53 года от роду, я еще не стала ни ветераном, ни участником, ни имеющим право.

Л. С. ХАЛЕЦКАЯ,
учитель литературы
Лохвица Полтавской области

Наш адрес: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14

СИМПТОМЫ БОЛЕЗНИ

Письмо А. Т. Твардовского К. А. Федину

Это емкое письмо, вместившее не только острую тему одной литературной судьбы, но и другие вопросы литературной современности, осталось без ответа. Однако последующие события, втянувшие в свое течение и самого Твардовского, и редактируемый им журнал «Новый мир», наглядно показали, какой курс предпочел адресат Твардовского — писатель К. А. Федин (вернее, фактические руководители организации Союза писателей Г. М. Марков и К. В. Воронков). Письмо Твардовского на фоне брежневского времени — это еще одна попытка направить развитие литературного процесса в сторону обновления, расширения полномочий писателя, устремления его критического взгляда на состояние жизни общества. Но как раз этого и не требовалось. Итак, письмо осталось без последствий. Более того, самому писавшему вскоре пришлось стать ответчиком по той самой схеме, от которой он хотел уберечь Солженицына. После появления поэмы «По праву памяти» за рубежом Твардовский тоже прошел через дискриминацию своего имени и своей работы.

Дорогой Константин Александрович!

Пишу Вам после нашего — какого уже счетом — собеседования в Секретариате по вопросу, связанному с «Письмом» [1] А. И. Солженицына.

Это не докладная записка Первому секретарю правления Союза писателей СССР, хотя я отнюдь не хочу в данном случае отделять глубоко мною уважаемого писателя К. А. Федина от его должностей и званий. Но я попытаюсь обойтись без всяких условностей формы и говорить с Вами напрямую, как если бы мы говорили с глазу на глаз — по образцу наших бесед под барвихинскими кущами, или у Вас на даче, или еще где-нибудь. Начну с главного: о ком и о чем, в сущности, идет речь, когда мы касаемся этого до сих пор не решенного «солженицынского» вопроса, который питает неумолкающие и никак не сказать, чтобы выгодные для руководства Союза писателей толки и перетолки в литературных — и не только литературных — кругах.

Вряд ли кто возразит против того факта, что фигура А. И. Солженицына с особой резкостью вычерчивается на общем литературном фоне, что этот писатель вызывает к себе особо горячие симпатии — с одной — и особо жесткую неприязнь, с другой стороны. Не будем, покамест, спорить, какая сторона преобладает, просто отметим самый факт, свидетельствующий, по крайней мере, об очевидной незаурядности этой фигуры.

Действительно, необычность литературной судьбы А. И. Солженицына, между прочим, и в том, что он дебютировал в зрелом возрасте и вполне зрелым, самостоятельным мастером. «Литературное чудо» — так озаглавил свою рецензию на рукопись «Ивана Денисовича» К. И. Чуковский [2], многоопытный старец, которого, как говорится, на мякину не приманишь.

Покойный С. Я. Маршак [3], чьи суждения были так авторитетны в литературном мире, поместил в «Правде» статью об «этой правдивой, полной веры в жизнь книге». К. М. Симонов[4] в «Известиях» приветствовал появление в литературе нового замечательного таланта.

Нет надобности перечислять всех более или менее маститых, своих и зарубежных, тепло или восторженно встретивших первую повесть нового писателя, назову два имени: Ваше, Константин Александрович, и М. А. Шолохова. Ваша высокая оценка рукописи, поступившей в «Новый мир» от безвестного автора, сыграла свою роль в ее судьбе: ставя вопрос об опубликовании ее, я особо ссылался на Вас в своем письме на имя тогдашнего Первого секретаря ЦК КПСС Н. С. Хрущева («Иван Денисович», как известно, был напечатан «с ведома и одобрения ЦК КПСС»).

М. А. Шолохов в свое время также с большим одобрением отозвался об «Иване Денисовиче» и просил меня передать поцелуй автору повести.

Из представителей более молодого и более многочисленного поколения писателей, пришедших в литературу из окопов Отечественной войны, назову Г. Бакланова, строки из статьи которого запомнились мне: «С выходом в свет повести А. Солженицына стало ясно, что писать так, как мы до сих пор писали, нельзя». В этих словах, разумеется, нет никакого «зачеркивания» всей советской литературы известного периода, но они отражали не только личное настроение этого писателя.

Кстати, отдавая все должное Солженицыну, я не считаю его явлением таким уж исключительным и беспрецедентным в нашей литературе. Нельзя, например, забывать, каким смелым, поворотного значения литературным фактом были «Районные будни» В. Овечкина, появившиеся в «Новом мире» еще в 1952 году. Свежестью и остротой жизненного материала выделялись повести В. Тендрякова «Не ко двору» и «Тугой узел». Новым, углубленным подходом к военной теме отличалась «Пядь земли» того же Г. Бакланова. Многие страницы мемуаров И. Эренбурга, может быть, впервые в нашей литературе касались таких фактов прошлого, о которых принято было умалчивать. Можно было бы, конечно, привести и другие примеры. Не мне напоминать, но было бы «самоуничижением паче гордости», если бы я не имел в виду, что некоторые главы «Далей» и «Теркин на том свете» (в первой редакции не увидевший света) были известны задолго до Солженицына. Но сейчас я лишь напоминаю, какое большое впечатление произвела первая повесть Солженицына как таковая.

Были, правда, и совсем иные отклики на выступление Солженицына в литературе, относившие огромный успех его лишь к «сенсационности лагерного материала»,— один из руководителей Союза писателей говорил, что «через три — пять месяцев об этой повестушке забудут». Однако так не случилось. В короткий срок «повестушка» принесла автору ее необычайную и все возраставшую популярность в стране и за рубежом, имя его — хотим мы этого или не хотим — приобрело мировую известность, как имя одного из крупнейших писателей современности,— у меня есть все основания утверждать это, и мне не возразит никто из товарищей, более моего бывавших за границей или следивших за иностранной прессой. Между тем, например, повесть Б. Дьякова [5], написанная на том же «сенсационном материале», что и повесть Солженицына, действительно, уже не занимает внимания ни читателей, ни писателей — ее как бы и не было.

Нельзя, Константин Александрович, уклоняться от того очевидного факта, что Солженицын — с его «Иваном Денисовичем» — это не частный случай литературной жизни, хотя бы и примечательный как явление редкого художественного дара. Это тот случай, когда небольшое по объему и как бы непритязательное по своим задачам произведение делает в литературе погоду, влечет за собой далеко идущие последствия. Русская классическая литература знает такие примеры,— мне незачем называть их Вам. И в данном случае мы имеем не что иное, как факт благотворного воздействия на нынешнее развитие литературы — чему бы надо только радоваться — солженицынского образца.

Я утверждаю, что такие, наиболее значительные по идейно-художественным данным произведения последних лет, как повести С. Залыгина «На Иртыше» и «Соленая падь», как роман Чингиза Айтматова «Прощай, Гюльсары!», во многом обязаны прозе Солженицына. Тут речи нет о подражательности, а лишь о развитии на ином материале и своими средствами того же принципа правдивости, который не боится жизненных сложностей, но идет на смелое до конца раскрытие их — и достигает, таким образом, уровня художественного мастерства и силы воздействия на читателя, несоизмеримых с «односезонной» беллетристикой, приглаживающей и обедняющей действительность по очередной заданной схеме. Мне уже приходилось говорить, и я повторяю здесь, что самый объективный анализ названных произведений мог бы только подтвердить эти наблюдения человека, подписывавшего в печать рукописи и Солженицына, и Залыгина, и Айтматова.

Когда я говорил выше о резком различии отношения к Солженицыну в литературной среде, я не хочу неприязнь и даже какое-то недоброе раздражение к нему отнести только за счет завистничества, впрочем, неизбежного в любой среде искусства, при столь большом и непредусмотренном успехе коллеги. Суть дела здесь в том, что известная часть литераторов предпочитала бы, вопреки тому, что говорил Г. Бакланов, писать по-старому,— так оно легче и привычнее. Но и эти люди, желающие писать по-прежнему, не могут не видеть, что читать по-прежнему их уже не хотят,— не хотят даже те из читателей, которые в своих высказываниях способны поддержать самую неприязненную критику Солженицына. Словом, очень он осложнил литературную жизнь, этот вдруг появившийся на свете писатель.

Надеюсь не быть понятым так, что я принимаю Солженицына «целиком без изъяна» и вижу в нем идеальное совершенство художника, недоступного никакой критике, не имеющего никаких слабостей. Но об этом мы всегда успеем поговорить.

Самое важное сейчас и неотложное — понять, что он занимает нас уже не просто сам по себе — как бы высоко ни оценивался он сам по себе,— а потому, что, волею многосложных обстоятельств, он находится в **перекрестии** двух противоположных тенденций об-

Полностью письма А. Твардовского К. Федину будут опубликованы в журнале «Октябрь».

щественного сознания и нашей литературы, устремленных либо **туда**, назад, либо **сюда**, вперед — и в соответствии с необратимостью исторического процесса.

Так обстоит дело, и что именно так, а не иначе, ближайшим и нагляднейшим образом подтверждается многомесячным прохождением у нас «дела Солженицына», как уже само собой обозначается для краткости содержание длинного ряда узких, расширенных и широких заседаний в Секретариате.

Характер этого «прохождения», надо сказать прямо, не делает чести ни Секретариату, ни кому бы то ни было, от кого, как выражается один чеховский персонаж, «это будет зависеть».

Первая беда, определившая непродуктивность и несостоятельность этого «прохождения», в том, что все внимание, возмущение и осуждение обращены на «поступок» Солженицына, на форму его обращения со своим «Письмом» к делегатам съезда писателей. Форма действительно заслуживает осуждения,— здесь я согласен со всеми. Но как бы ни была дурна форма, нельзя же из-за этого начисто исключать содержание, точно его и нет вовсе.

Оно есть, оно четко и пунктуально представлено в «Письме», и я не помню даже попыток опровергнуть хотя бы один из его пунктов, объявить их ложными, надуманными, своекорыстными, идущими во вред советской литературе и т. п. Почему? По той простой причине, что они в основе своей неопровержимы, и что касается лично меня, то я бы подписался под ними обеими руками. И Вы знаете, что я в этом смысле не исключение, хотя до сих пор не писал и не подписывал никаких «документов» по поводу «Письма», считая, что все связанные с ним вопросы следует решать в нормальном порядке коллективного обсуждения на Секретариате. Вы также знаете, что я неоднократно высказывался и здесь, в Секретариате это зафиксировано, и в ЦК в Вашем присутствии, например, по вопросу о цензуре, да и о том, что касается личной судьбы Солженицына, пожалуй, даже резче, чем он.

Не ясно ли, что принять какое-либо решение по «Письму», имея в виду лишь его «форму», а «содержание» считая как бы не существующим, или, по крайней мере, несущественным, невозможно, ибо оно существует и оно существенно. Так ведь, Константин Александрович?

Другая беда — это безнадежные попытки «закрытым» способом решить вопрос, приобретший огромное общественно-политическое звучание, заслонивший собой пустопорожнее, за немногими исключениями, словоговорение на съезде писателей, получивший международную огласку и вызвавший не утихающие до сих пор горячие «прения» в литературной среде, и много шире того. Но решить этот, как его уже называют, «вопрос вопросов» сегодняшней деятельности Союза писателей и вообще дальнейшей литературной жизни путем келейного «волхования» над ним нельзя. И налицо — попросту топтание на месте, безрезультатные наши пререкания в закрытом помещении и удручающая молчанка вовне, невозможность заключить: что же все-таки думает руководство Союза писателей, с чем оно способно выйти на трибуну к большой аудитории или на страницы печати, чтобы, наконец, «закрыть дело».

Выходит, что Солженицын со своими претензиями к Союзу писателей готов в любой час выступить в любой аудитории или в печати, а Союз писателей со своим осуждением и отвержением этих претензий не может сделать ничего подобного, конечно же, потому что не может рассчитывать на открытое одобрение или сочувствие ни читателей, ни писателей. Так или не так, Константин Александрович? Именно так, и это ужасно.

И до крайности огорчает позиция, занятая Вами в последнее время в отношении всего этого «Дела». Вы говорите: пусть, мол, Солженицын сперва даст отповедь «западу», поднявшему в связи с его «Письмом» «разнузданную антисоветскую шумиху» в печати и по радио. В противном случае не печатать его «Раковый корпус», не издавать книгу рассказов (изданную, кстати сказать, и переизданную не только во многих буржуазных странах, но и во всех социалистических), не ограждать члена Союза писателей А. И. Солженицына от получивших широкое распространение клеветнических измышлений насчет его биографии. Иными словами, не только оставить без внимания все, о чем взывает «Письмо», но и предать самого Солженицына политическому остракизму, несмотря на никем не оспариваемую — ни в одном пункте — сущность его «крика души». Слышать от Вас, Константин Александрович, крупнейшего русского писателя, друга А. М. Горького и продолжателя его традиций в руководстве литературой, слова этого Вашего предложения представляется странным и непонятным. Не можете же Вы попросту присоединиться к предложению М. А. Шолохова, без обиняков высказанному в его письме: «не допускать Солженицына к перу». Это было бы особенно печально после известных литературно-политических выступлений автора «Тихого Дона», которыми он так уронил себя в глазах своих читателей и почитателей. И вообще грустно, что Федин с Шолоховым в этом деле, вместо того, чтобы показать пример достойного, чуждого мелким ведомственным соображениям художнического отношения к художнику, склоняются к позиции таких товарищей из Секретариата, чья неприязнь к Солженицыну понятна и неудивительна.

Прежде всего настойчиво выдвигаемое Вами требование к Солженицыну, чтобы он «высказал свое отношение», «дал отповедь» и т. п. как непременного условия его дальнейшей литературной и гражданской жизни, странно слышать от Вас, потому что оно явно зовет **туда**, принадлежит давно осужденной и отвергнутой практике известного рода: «признай», «отмежуйся», «подпишись» и т. п. Такие «признания» и «отмежевания», подобные недавно получившим место на страницах «Литгазеты» за подписями Г. Серебряковой [6] и А. Вознесенского [7] и др., приносят нам огромный вред, порождая представление о писателях как людях неразборчивых в морально-этическом смысле, лишенных чувства собственного достоинства или всецело зависящих от «указаний» и «требований», что, впрочем, одно и то же. Неужели Вы думаете, что такие «покаяния» идут на пользу Союзу писателей, укрепляют его авторитет? Не могу в это поверить.

Продолжая настаивать, что Солженицын должен «заклеймить запад», «отмежеваться» от «заграницы» и т. п., мы пропускаем мимо ушей недвусмысленное заявление Солженицына на расширенном заседании Секретариата по этому поводу:

«Здесь употребляют слово «заграница», как какую-то важную инстанцию, чьим мнением очень дорожат. Я никакой заграницы не видал, не знаю, и жизненного времени у меня нет — узнавать ее. Я не понимаю, как можно так чувствительно считаться с заграницей, а не со своей страной, с ее живым общественным мнением. Под моими подошвами всю мою жизнь — земля отечества, только ее боль я слышу, только о ней пишу».

Нельзя также не принять во внимание, что Солженицыну, как художнику, совершенно чужды литературные соблазны современного Запада и его никак нельзя упрекнуть стремлением в той или иной форме «потрафить» Западу.

Но — далее. Мне предлагалось «употребить свое влияние на Солженицына» в том смысле, чтобы склонить его к выступлению против «западных» комментаторов его «Письма». Во-первых, не следует преувеличивать меру моего влияния на него, он вовсе не является «подшефным» мне «молодым автором» — в этом году ему, между прочим, исполняется 50,— словом, он сам-с-усам, как говорится. Во-вторых, нельзя упускать из виду, что «западные комментаторы» в данном случае разные. «Отповедь», предназначенная для врагов и злопыхателей советской литературы и советской страны, не может быть отнесена к нашим друзьям за рубежом, выступающим по поводу «Письма» Солженицына, скажем, на страницах коммунистической печати. Что мы тут можем потребовать от Солженицына? Чтобы он заодно «заклеймил» и тех и этих комментаторов его «Письма»?

Но в последнее время в развитие принципа «закрытости» решения «вопроса вопросов» речь уже идет не о выступлении Солженицына в печати, а лишь о том, чтобы он «выразил свое отношение» к «западу» письмом в Секретариат, т. е. так, что сам тот «запад» и знать ничего не узнает,— письмо лишь будет приобщено к «Делу» и, таким образом, удовлетворит членов Секретариата, даже настроенных наиболее непримиримо, и откроется возможность печатать роман Солженицына, издавать книгу его рассказов и отвести возводимую на него клевету.

Подумать только, что разрешение всего «солженицынского комплекса» зависит от одной этой негласной «бумаги»! Вот до чего дожили: «бумага» объемом в одну-две страницы для нас, писателей, важнее готового к печати романа в 700 страниц, который стал бы по убеждению большинства знающих его в рукописи украшением и гордостью нашей литературы сегодня,— «бумага» важнее судьбы писателя, замечательный талант которого не оспаривают даже самые ярые его противники!

О «Раковом корпусе», между прочим, мне хочется сказать запомнившимися мне словами одной старой, но мудрой книги: «Если книга возвышает душу, вселяя в нее мужество и благородные порывы, судите ее только по этим чувствам: она превосходна и создана рукой мастера».

Именно так. Могу только добавить: искренняя уверенность Солженицына, что он сам излечился от раковой болезни, сообщает его книге поистине возвышающий душу и жизнеутверждающий тон, несмотря на то, что в ней идет речь о столь противопоказанном искусству предмете, составляющем, может быть, самую мрачную, после угрозы атомной войны, угрозу человечеству. Любители выискивать «подтексты» и «символы» почему-то не заметили полного светлой и мужественной символичности финала книги — выхода героя из «ракового корпуса» больницы в чудный весенний день и совпадения этого выхода в жизнь с благотворными переменами в ней, происходившими еще до XX съезда партии.

«Мое внутреннее душевное состояние,— пишет мне Солженицын в последнем письме,— мне дороже судьбы моих вещей...»

И я думаю, Константин Александрович, что, по существу, мы даже более заинтересованы в опубликовании этого романа, чем автор. Дело не только в том, что столь значительное произведение попросту преступно утаивать от широчайших кругов читателей, успевших полюбить Солженицына, и что роман уже распространился, может быть, в тысячах списков среди наиболее дотошных читателей. Но роман, как мне известно из достоверных источников, на днях может выйти в свет (если уже не вышел) во Франции и готовится к печати в Италии. Этими внешними обстоятельствами нельзя пренебрегать, не хватает нам еще повторения истории с Пастернаком! — но и внутренние не менее серьезны. Роман, задержанный сейчас в стадии набора первых восьми глав, предназначавшихся для январской книжки «Нового мира», становится во главе целой очереди задержанных (хотя никем не запрещенных) таких крупных и ценных произведений, как «Сто суток войны» К. Симонова, роман А. Бека «Новое назначение», работа Е. Драбкиной, посвященная последним годам жизни В. И. Ленина, «Зимний перевал»,— перечень можно было бы еще продолжить.

Опубликование «Ракового корпуса», которое само по себе явилось бы событием литературной жизни, рассосало бы образовавшуюся из задержанных рукописей «пробку», как это бывает на дороге, когда головная машина тронется. Это было бы бесспорным благом для советской литературы на нынешнем ее, скажу прямо, кризисном, весьма невеселом этапе, разрядило бы атмосферу глухой «молчанки», тяжелых недоумений, неясности, бездейственного выжидания...

И все это теперь зависит целиком от Вас, Константин Александрович,— только от Вас, потому что Секретариат, конечно же, поддержал бы Вас, если бы Вы, хоть со всеми необходимыми оговорками, сказали бы по вопросу об опубликовании только те слова, которые собственно уже были сказаны на Секретариате при обсуждении «Ракового корпуса»: «**на усмотрение** редакции «Нового мира». Иначе говоря, я призываю Вас вернуться к тому проекту «коммюнике», который, по Вашему предложению, был мною написан, Вами отредактирован и, тем самым, одобрен, но вдруг заменен Вашей нынешней постановкой вопроса. Документ этот находится в «деле Солженицына», не буду приводить его целиком, и без того затянул, хотя, может быть, не сказал и десятой доли того, что можно и нужно было бы сказать.

Но вот мои тогдашние конкретные предложения, осуществление которых и сейчас еще, по-моему, могло бы послужить на пользу делу, к несомненным нашим выгодам во всех смыслах:

1. Немедленно опубликовать в «Литгазете» отрывок из «Ракового корпуса» со сноской: «полностью печатается в «Новом мире»;

2. Поручить издательству «Советский писатель» подготовить сборник Солженицына к печати, с предисловием, освещающим, между прочим, биографию автора;

3. Опубликовать это предисловие в «Литгазете» или «Лит. России» с соответствующей сноской.

Ответственность, какую Вы, Константин Александрович, нынче берете на себя во всем этом деле, имеющем такие болезненные симптомы на будущее нашей литературы, (так в оригинале.— **Ред.**) очень велика и не думаю, что она Вам легка. Не думаю, что с легкой душой Вы будете дописывать и отделывать заключительные страницы Вашего «Костра», имея прямое касательство к погребению в нетях законченной вещи как-никак товарища по перу, писателя, к судьбе которого обращены симпатии огромной массы читателей и чье присутствие в нашей литературе сегодня, вообще говоря, трудно переоценить.

Популярность Солженицына, основанная на его опубликованных вещах теперь необычайно возрастает по ознакомлении довольно широких читательских кругов с его неопубликованными произведениями. Винить в этом автора, как Вы знаете, невозможно. И трудно сказать, каков уже рукописный тираж того же «Ракового корпуса« или «Круга первого», романа вообще незавершенного. Следует также учесть, что рукопись книги неопубликованной, в известных случаях, привлекает более острый интерес, чем отпечатанная книга, да и нет гарантии, что в рукопись не вносится чего-нибудь постороннего авторскому тексту.

Дорогой Константин Александрович!

Я вовсе не так наивно самонадеян, чтобы предполагать, что Вы, вняв моим «увещаниям», вдруг прослезитесь и измените свою точку зрения на «дело Солженицына» и примете иное, чем нынешнее, решение. Но я не сомневаюсь, что Вы должны будете это сделать просто по велению надвинувшихся обстоятельств: нужда заставит калачи есть.

«А что я могу поделать?» — возразили Вы мне как-то на мой упрек в неправомерности и заведомой невыполнимости Ваших требований к Солженицыну. Это было на заседании, где мы сидели рядом, и я не помню, что я тогда сказал, но эти Ваши слова запомнил: в них были растерянность, недовольство собой и всеми нами.

А делать можно только одно: поступать согласно собственному разуму и совести. Не могу же я предположить, что Вы несете бремя внешних воздействий или понуждений. Слава богу, не те времена, чтобы только «перст указующий» решал специфические вопросы искусства и науки, оставляя втуне мнения и соображения людей, как говорится, хлеб приевших по этой специфической части. Какие мы ни есть — худые ли, хорошие — нам, никому другому извне, решать вопросы литературной жизни. «Прямых указаний», по нынешнему времени, ждать не приходится,— их не будет, и это благо, о котором нам в иные времена и не мечталось, и мы должны пользоваться этим благом, откинув опасения, но не освобождая себя от ответственности.

Неизвестно, вообще говоря, что опаснее — принять ли решение, которое может оказаться ошибочным, или не принимать никакого решения из опасения ошибки. В военном деле предпочитается решение, даже ошибочное, нерешительному выжиданию. А в нашем деле, право же, на худой конец лучше ошибиться, **разрешая**, чем избежать (будто бы избежать!) ошибки, **запрещая.**

В нынешней ситуации, я считаю, для Вас реальная двуединая опасность в том, чтобы скрепить своим именем стыдное решение или не менее стыдное нерешение по «делу Солженицына».

Кроме того, уж совсем между нами говоря, Вам не хуже, чем мне, известно, что мировая история литературы не знает примеров, когда гонения или нападки на талант, с чьей бы то ни было стороны, даже со стороны таланта же, увенчались успехом.

Я знаю Вас, Константин Александрович, как писателя с моей ранней юности, когда впервые прочел Ваш «Трансвааль» (кстати, не помню, чтобы Вы письменно или изустно каялись, когда где-то в конце 20-х годов Вас обвиняли за эту вещь в «апологии кулачества» и т. п.).

Уже добрых три десятилетия, как я лично знаком с Вами. Я много наслышан о Вас от покойного С. Я. Маршака и других, знавших Вас по Ленинграду,— в том духе, что Федин — человек чести, человек, способный в любую минуту встать на защиту правого дела, прийти на помощь товарищу.

Я сам имел возможность убедиться в этом, когда в труднейшей для меня ситуации 1954 г. Вы нашли добрые слова в мою пользу, сказанные Вами «на самом верху» и переданные мне участниками того памятного заседания.

И вот теперь я вынужден говорить Вам слова жесткие, может быть, обидные для Вас, да уже и говаривал при последних наших встречах по этому самому «делу». Но знайте, что собака, которая лает, не кусается. Я человек прямой, может быть, нередко без достаточной выдержки и себе во вред. Но я не способен наносить рассчитанные удары исподтишка, я чуждаюсь тех интриг и плутней, которые у нас принято называть «тактикой», «политикой» и т. п.

Резкость моих возражений Вам в последнюю нашу встречу, с участием Г. М. Маркова и К. В. Воронкова (кстати, мне казалось, что оба они с готовностью поддержали бы Вас, если бы Вы вернулись к повторенным здесь конкретным предложениям), резкость моя была вызвана непонятной для меня раздраженностью, с какой Вы говорили об А. И. Солженицыне.

Нельзя же так говорить об этом человеке и писателе, заплатившем за каждую свою страницу и строку, как никто из нас, судящих и рядящих сейчас — что с ним делать. Он прошел высшие испытания человеческого духа — войну, тюрьму, смертельную болезнь. А теперь на него, после столь успешного вступления в литературу, свалились, может быть, не меньшие испытания, мягко выражаясь, внелитературных воздействий — негласного политического остракизма; прямой клеветы; запрещения упоминать его имя в печати и т. п. Чего стоит, по совести говоря, использование в целях обвинения найденной в его бумагах, изъятых «специальным» способом, его рукописной пьесы, написанной свыше 20 лет назад, в лагерном аду, бесфамильным арестантом Щ-232, а не членом Союза писателей СССР А. Солженицыным, и размноженной для ознакомления с ней, как якобы самоновейшим произведением писателя!

Да, я осуждаю форму его «Письма», но, по-человечески, и здесь не могу бросить в него камень, понимая степень отчаяния, понудившего его на этот шаг.

Третьего дня от стола, за которым я сидел над этим письмом, меня отвлек телефонный звонок из Гослитиздата: «В статье о Маршаке, помещенной в пятом томе Вашего собрания сочинений, есть упоминание фамилии Солженицына. Мы имеем указание» и т. д.

Я, разумеется, отказался исключить это упоминание, хотя бы это угрожало мне невыходом пятого тома. Но что это такое творится на белом свете!

Кончаю свое послание, как уже сказал, без особых упований на благоприятный практический его результат. Может быть, в нем что-нибудь не так и не все в равной мере бесспорно. Но написать его было для меня делом долга и совести.

Не рассчитываю я и на Ваш ответ, зная, что Вам недосуг, да и не в ответе мне нынче дело: ответа, т. е. решения, ждет уже столько месяцев «дело» А. И. Солженицына.

Надо кончать с этим делом, дорогой Константин Александрович.

С неизменным уважением
и самыми добрыми пожеланиями
Ваш А. Твардовский

7—15 января 1968.

1. За несколько дней до открытия IV съезда писателей (22—27 мая 1967) Солженицын отправил в его адрес письмо с пометкой «Вместо выступления», одновременно разослав его копию в количестве 250 экземпляров в областные, краевые, в том числе национальные организации СП. Помимо личных писательских трудностей, он изложил в письме два вопроса — общих для литературной жизни Союза писателей: о цензуре и защите авторских прав писателя.

2. Твардовский имел в виду так называемую «внутреннюю рецензию» — отзыв о рукописи по заказу редакции. Как сообщила Е. Ц. Чуковская, отзыв этот в печати не появлялся.

3. С. Я. Маршак. Правдивая повесть. «Правда», 1964, 30 января.

4. К. М. Симонов. О прошлом во имя будущего. «Литературная газета», 1962, 18 ноября.

5. Б. А. Дьяков — автор документальной повести «Пережитое» («Звезда», 1963, № 3).

6. Г. Серебрякова опротестовала появление на Западе ее «незаконченного, недоработанного» романа «Смерч», «тайно и воровски» вывезенного и изданного во Франции. (См. Г. Серебрякова. Еще раз «о свободе творчества». «Литературная газета», 1967, 27 декабря).

7. Очевидно, Твардовский имеет в виду письмо, направленное А. Вознесенским в московские писательские организации, не предназначавшееся в печать. Не раскрывая содержания письма, «Литературная газета» выразила укор автору в том, что он не удосужился «ответить на выпады буржуазной пропаганды», использовавшей письмо в печати. (См. «Литературная газета», 1967, 6 сентября. «Письмо А. Вознесенскому». Без подписи).

Публикация и комментарии
М. И. ТВАРДОВСКОЙ

Из статьи Б. Никольского «Нужен ли закон о печати» («Московские новости» № 46, 1989 г.) стало известно о предстоящем увольнении главного редактора еженедельной газеты «Книжное обозрение» Е. С. Аверина. А на днях в редакцию «Огонька» поступило письмо русского советского Пен-центра, которое мы публикуем.

■

Русский советский Пен-центр выражает свою глубокую озабоченность ситуацией, сложившейся вокруг еженедельника «Книжное обозрение». По нашему убеждению, эта газета является одним из активнейших участников перестройки, объединила вокруг себя широкие слои интеллигенции — как авторов, так и читателей. Все это в значительной мере связано с именем главного редактора газеты Е. С. Аверина, за три года сумевшего делом откликнуться на призыв к перестройке. Доводы председателя Госкомпечати, изложенные в адресованном нам письме редакционного коллектива, кажутся совершенно необоснованными. Никакой групповщины в газете нет. Спектр ее авторов достаточно широк. Что касается политики, то сегодня просто невозможно представить стоящее вне политики издание.

Выполняя хартию международного Пен-центра, в который мы входим, русский советский Пен-центр считает своей обязанностью заявить, что любые методы грубого администрирования по отношению к писателям и нашим коллегам-журналистам неприемлемы.

А. РЫБАКОВ, президент русского советского Пен-центра;
Е. ЕВТУШЕНКО, А. ВОЗНЕСЕНСКИЙ, А. БИТОВ, И. ВИНОГРАДОВ, вице-президенты;
Б. ОКУДЖАВА, Е. ПОПОВ, С. КАЛЕДИН, члены исполкома.

■

Поддержание общественного порядка, бескомпромиссная борьба с ростом преступности и насилием, на какой бы почве они ни проявлялись,— неотъемлемая функция любого цивилизованного государства. Поэтому меры, в том числе и чрезвычайные, принимаемые в нашей стране для наведения порядка, более чем понятны. Об этом идет речь в недавно опубликованной статье народного депутата СССР С. Алексеева «Сила демократии и демократия силы» («ЛГ» № 40).

Однако данная публикация обращает на себя внимание и другой неожиданной стороной. Уже один заголовок статьи настораживает, поскольку в нем достаточно отчетливо прослеживаются намерения автора поставить знак равенства между демократией и насилием. Не случайно поэтому на читателя обрушивается целая система уничижительных дефиниций и суждений: это «стихия процессов, все более приобретающих разрушительный характер», а также «разгул насилия», «варварство, вакханалия расправ, кровавые столкновения».

Не лучше обстоит дело и с оценкой носителей демократии. Автор говорит об их «неугомонной политической активности». Эта деятельность, оказывается, приводит к «узкоэгоистическим, властно-целеустремленным, групповым, клановым» и целому ряду еще очень нехороших интересов. Они если и способны на что-либо, так только на то, чтобы «зацикливаться» на чисто «внешних и престижно привлекательных формах» демократии. Это они, не терпящие «существенных ограничений» своей деятельности, легкомысленно дают захлестнуть себя всплескам «демократической эйфории».

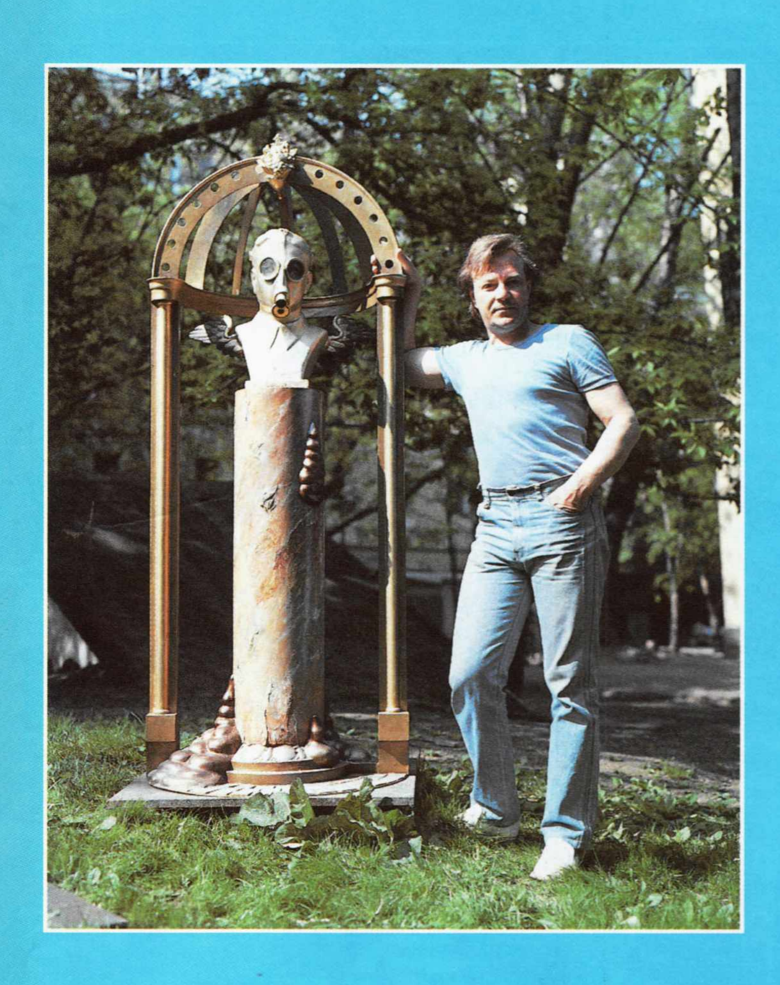
Но, пожалуй, самое удивительное открытие, о котором поведала нам статья, состоит в том, что все эти манифестанты, забастовщики и прочая «многоголосая шумная демократия» не ведают, что творят. Они, оказывается, выполняют некий социальный заказ бюрократии и, вместо того чтобы подрывать, усиливают ее устои.

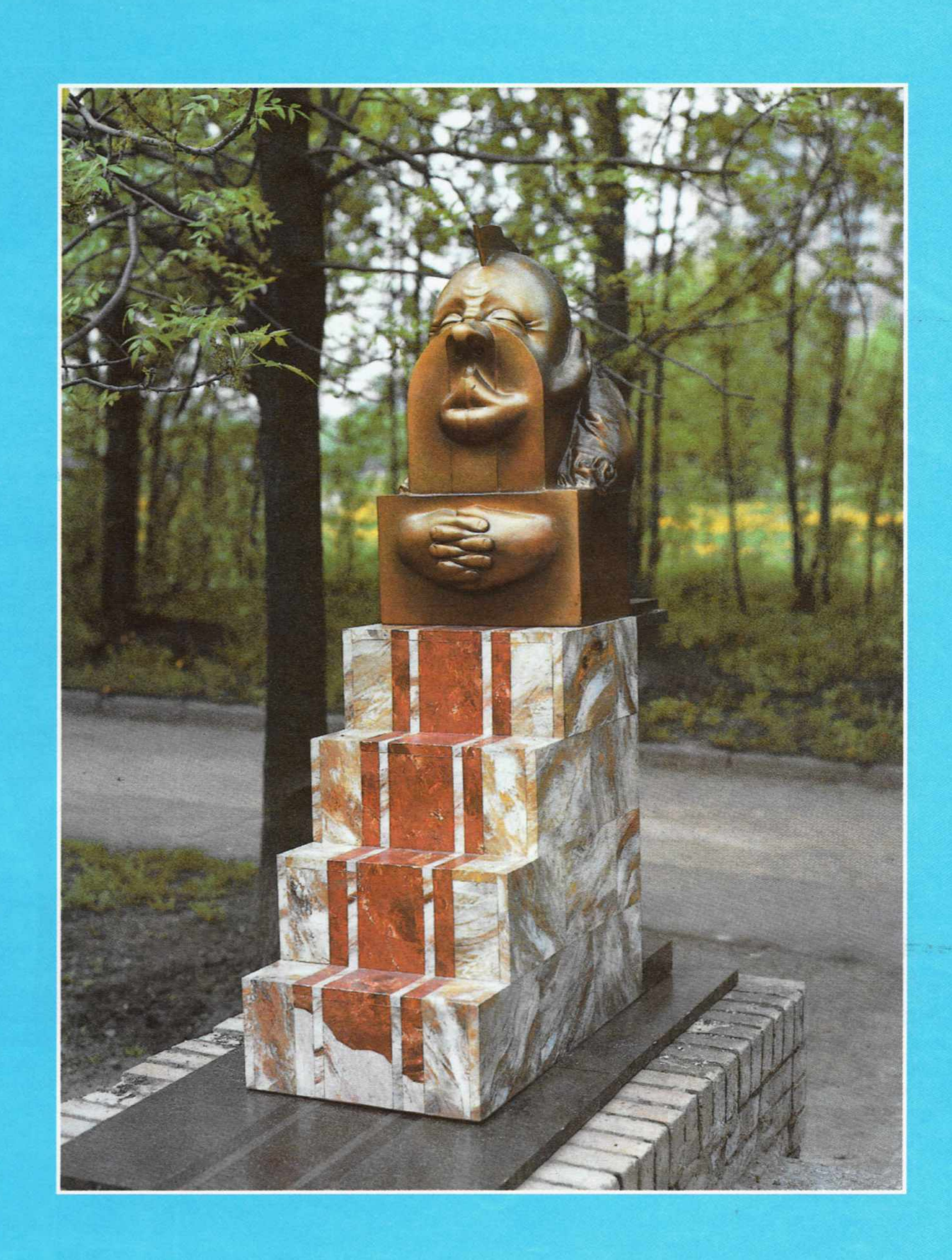
И еще об одном, не таком уж безобидном, выводе. До сих пор многие полагали, что экономическая реформа может быть успешно решена лишь при условии одновременного осуществления радикальной реформы политической системы. Это принципиально новый шаг в перестройке. В статье же предлагается создать эффективную, динамичную социалистическую товарно-денежную экономику и только после этого приступать к политическим преобразованиям. Налицо тупиковый вариант: экономическую реформу нельзя реализовать без реформы политической системы, а к последней нельзя приступать, не решив первой.

Логическим завершением предлагаемых мер по преодолению критической ситуации, сложившейся в нашем обществе, является обращение к авторитарной силе государства: «нужна твердая, непреклонная и при необходимости жесткая власть». Становится страшно, когда в жертву последующего торжества «всех ценностей гуманного демократического социализма» приносится многострадальная, не успевшая еще встать как следует на ноги демократия.

Н. А. СТРУКОВ,
доцент, член КПСС с 1944 года,
кандидат экономических наук

Фото Анатолия БОЧИНИНА

ЧТО Я ЛЮБЛЮ И ЧТО НЕНАВИЖУ

Ирина **КОВАЛЕВА**

Это первая выставка фигур Леонида Озерникова. Он начал делать их недавно. И когда заезжие американцы предложили ему продать всю коллекцию, он отказался. «У меня тогда ничего не останется,— объяснил он,— вот наделаю побольше, тогда и подумаю, может быть, что-то продам. Выставленное — лишь часть задуманного, я должен выполнить все».

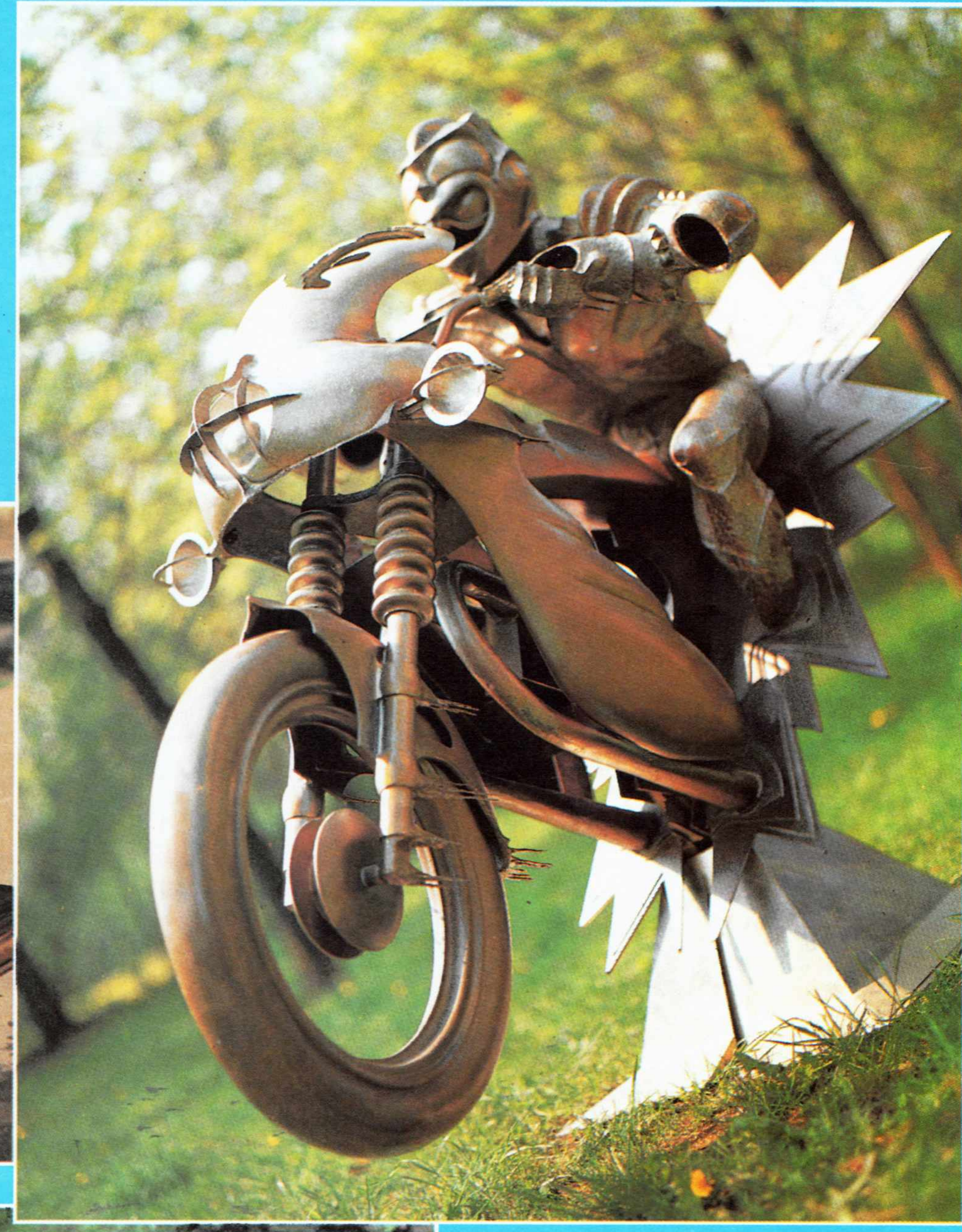
...Мерзкая женщина, до глаз заросшая коричневым пятнистым мехом. Лежит в кокетливой позе. На расстоянии даже эротична, вблизи же... Но приближаться не хочется, а уж руку протянуть, дотронуться — брр! Плюшевая женщина. Почему она отвратительна? Ведь играли же мы в детстве плюшевыми мишками. Но тогда это были игрушки...

Свиноподобная голова на постаменте. Она забралась туда по ступенькам, покрытым ковровой дорожкой, она довольна, лоснится жиром. Чей это портрет? Где-то мы видели оригинал, но где, в каком кабинете?

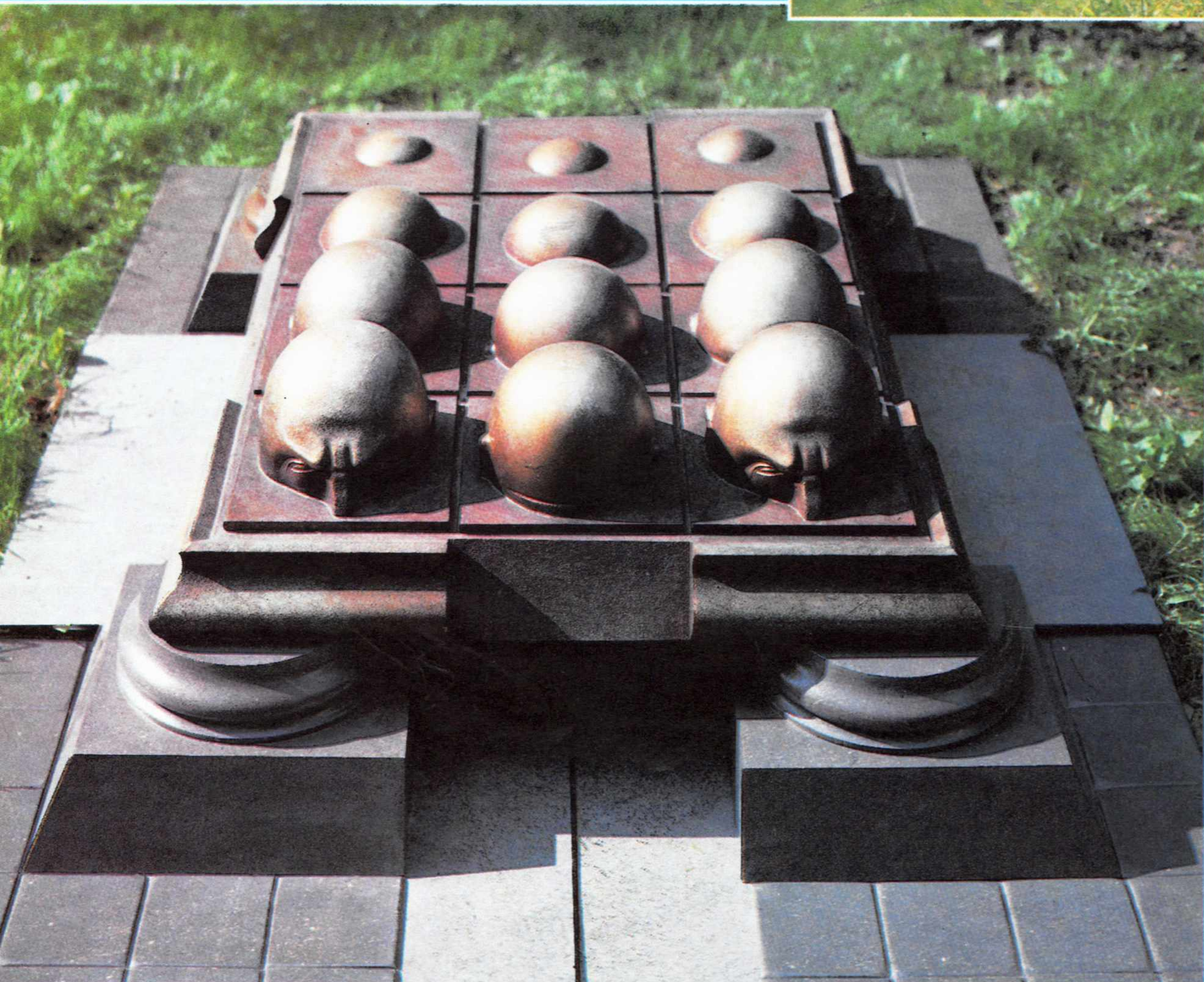
В бетонную плиту вбиты человеческие головы — лысые, гладкие, скользкие черепа. Торчат только макушки. Как шляпки гвоздей. Вот наделали и вбили.

Рокер, вздернувший на дыбы своего черного железного «коня». Но под провалившимся забралом нет лица, там пустота. И латы на руках и груди — видно через зияющие дыры,— пусты. От рыцаря осталась лишь оболочка, проржавевшая, рассыпающаяся.

«Атомным ангелом» назвал кто-то соседнюю фигуру. Глаза за стеклами, лицо под противогазом. И противогаз может быть лицом эпохи? А за ним, вдали, то ли паук, то ли Дон-Кихот, вздетый на пики, как кукла-марионетка на трости.

И самое удивительное, что, бронзовые, мраморные, стальные, эти фигуры, неподъемные громады на вид,— все сделаны из папье-маше. Это уникальная техника. Но и ее создал Озерников не случайно. В ней — ключ к этому миру монстров: под монолитность их подложена бумажная невесомость.

— Это шедевры абсурда! — восклицали попавшие на выставку иностранцы и лезли в карман за кошельками.

— Какой уж тут абсурд! — говорили наши.— Мы в этом мире живем!

Фигуры настолько узнаваемы, узнаваемы ситуации, в которых они запечатлены, что пожилой человек, случайно забредший на выставку и прошедший по ней, плюнул, уходя, и сказал в пространство, что за такое «очернительство действительности» в прежние времена долго бы на воле художник не погулял.

Да, это наша реальность, но какой-то другой полюс ее. Та же плюшевая женщина по натуралистичности — родная сестра парковых пловчих. Так не абсурдна ли наша прежняя монументалистика?

То, что делает Леонид Озерников, встряхивает, выворачивает наизнанку, так, что видна становится собственная «плюшевая плесень».

Так все это мир, который ненавидит художник?

— Нет,— сказал Озерников,— это то, что я ненавижу в мире, который люблю.

Михаил Булгаков в «Белой гвардии», упоминая о причинах, из-за которых пал режим гетмана Скоропадского и в Киев вошел Петлюра, в числе прочих называет и такую:

«Случилось это потому, что в броневой дивизион гетмана, состоящий из четырех превосходных машин, попал в качестве командира второй машины не кто иной, как знаменитый прапорщик, лично получивший в мае 1917 года из рук Александра Федоровича Керенского Георгиевский крест, Михаил Семенович Шполянский».

Персонаж этот поражает воображение читателя чертами, я бы сказал, демоническими. Был он, по описанию автора, «черный и бритый, с бархатными баками, чрезвычайно похожий на Евгения Онегина».

В одной статье о Булгакове, опубликованной недавно, была высказана смелая догадка, что прообразом этого оперного «злодея» был не кто иной, как сам Троцкий.

Отгадка эта, однако, неверна. На самом деле прототипом Шполянского был Виктор Борисович Шкловский, на что, между прочим, указывает даже фамилия, которую автор дал этому своему герою. (Фамилия «Шкловский» происходит от названия маленького белорусского городка Шклова, а «Шполянский» — от названия такого же маленького украинского городка Шполы.) Фамилией, впрочем, сходство не ограничивается. Был у Шкловского и Георгиевский крест, полученный, правда, не от Керенского, а от генерала Корнилова. И даже «онегинские баки» не выдуманы Булгаковым: по словам самого Шкловского, в 1918 году он действительно носил баки. Есть и другие детали, говорящие о близости героя прототипу. Но дело не в них, а в том, что сама история, рассказанная Булгаковым, сугубо реальна. Виктор Борисович Шкловский действительно вывел из строя броневики гетмана Скоропадского, засыпав в жиклеры четырех новеньких и вполне боеспособных машин сахар, из-за чего те не могли сдвинуться с места.

Я не случайно начал с этого полулегендарного эпизода.

Нет особой нужды в том, чтобы подробно рассказывать о Викторе Шкловском — одном из основателей Опояза (Общества изучения теории поэтического языка), одном из главных теоретиков так называемой формальной школы, авторе знаменитой «теории отстранения», одном из вождей ЛЕФа, друге и соратнике Маяковского, авторе скандальной книги «Гамбургский счет», авторе художественных биографий Маяковского, Льва Толстого, Эйзенштейна, художника Павла Федотова.

Все это достаточно хорошо известно.

Менее известен (вернее, почти забыт) Шкловский-беллетрист. Такие его книги, как «Поиски оптимизма» и «Третья фабрика», не переиздавались со времени их появления, то есть более шести десятков лет. Книга «Zoo, или письма не о любви» (1923) вошла в сборник Виктора Шкловского «Жили-были» (1964), но в таком изуродованном виде, что издание это дает весьма слабое представление об этой, быть может, лучшей из его книг.

Чтобы стало ясно, какое место в 20-е годы занимал Виктор Шкловский в сознании своих собратьев по перу, приведу характерное признание Михаила Зощенко:

«...Какому-нибудь современнику Пушкина так же трудно было читать Карамзина, как сейчас мне читать современного писателя старой литературной школы.

Может быть, единственный человек в русской литературе, который понял это,— Виктор Шкловский.

Он первый порвал старую форму литературного языка. Он укоротил фразу. Он «ввел воздух» в свои статьи. Стало удобно и легко читать».

В этой исчерпывающе точной характеристике литературной манеры Шкловского, его стиля есть, как мне кажется, одна ошибка. Шкловский «порвал старую форму литературного языка» не потому, что он, как говорит Зощенко, понял, то есть умом дошел до понимания исчерпанности этой старой формы и сознательно решил ее реформировать.

Язык Шкловского, его неповторимый стиль возник и сложился как естественное, органичное выражение его личности. В этом стиле выразилась уникальная, только ему одному присущая способность сопрягать, сталкивать далеко отстоящие друг от друга предметы и идеи. Но в нем отразилось и другое: бешеная энергия, азарт, легкость, постоянная готовность к неожиданному, отчаянному по смелости поступку.

В последние годы своей жизни Шкловский стал живой легендой. Многие помнили блистательное начало его литературного пути. Вспоминали, что он был героем знаменитого в конце 20-х годов романа В. Каверина «Скандалист, или Вечера на Васильевском острове». Повторяли его давние остроты. (Побывав с группой писателей на Беломорканале, на вопрос чекиста, как он здесь себя чувствует, Виктор Борисович не задумываясь ответил: «Как живая чернобурая лиса в меховом магазине». Когда, въезжая в только что построенный «писательский» дом, кто-то из «братьев-писателей», тщеславясь только что приобретенными гарнитурами, люстрами и прочими аксессуарами нуворишского, буржуазного быта, поинтересовался мнением Шкловского, тот, похвалив «изысканный» вкус хозяев, поинтересовался: «А вы не боитесь, что придут красные?»).

Этого Шкловского (писателя, теоретика, эссеиста, фельетониста, скандалиста, парадоксалиста, остроумца) знали, любили, восхищались им многие. Но из сознания современников почти совершенно выпал тот Шкловский, который вывел в феврале 17-го года броневой дивизион на улицы восставшего Петрограда, а потом был эмиссаром Временного правительства на Румынском фронте, поднял в атаку батальон, был ранен, получил из рук генерала Корнилова Георгиевский крест, был связан с эсерами; весной 1922-го, когда готовился процесс над видными деятелями партии эсеров, с фантастической смелостью ушел от преследования, бежал в Финляндию и оказался политическим эмигрантом в Берлине — этой, как выразился живший там же Ходасевич, «мачехе российских городов».

Почти всех, кто помнил это, Шкловский пережил. А книга его «Сентиментальное путешествие», в которой он все это описал (первая часть «Революция и фронт», вторая — «Письменный стол»), к тому времени давно уже стала библиографической редкостью.

Публикуемый нами отрывок взят из первого издания этой книги (Берлин, 1923), которое полностью в нашей стране ни разу не воспроизводилось, а «Письма» печатаются по тексту «Zoo, или письма не о любви» («Атеней», Л., 1924).

СЕНТИМЕНТАЛЬНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

Виктор ШКЛОВСКИЙ

Начинаю писать 20 мая 1922 г. в Райвола (Финляндия).

Конечно, мне не жаль, что я целовал и ел, и видал солнце; жаль, что подходил и хотел что-то направить, а все шло по рельсам. Мне жаль, что я дрался в Галиции, что я возился с броневиками в Петербурге, что я дрался на Днепре. Я не изменил ничего. И вот, сидя у окна и смотря на весну, которая проходит мимо меня, не спрашивая про то, какую завтра устроить ей погоду, которая не нуждается в моем разрешении, потому, быть может, что я не здешний, я думаю, что так же должен был бы я пропустить мимо себя и революцию.

Когда падаешь камнем, то не нужно думать, когда думаешь, то не нужно падать. Я смешал два ремесла.

Причины, двигавшие мною, были вне меня.

Причины, двигавшие другими, были вне их.

Я — только падающий камень.

Камень, который падает и может в то же время зажечь фонарь, чтобы наблюдать свой путь.

В середине января 1918 года я приехал из Северной Персии в Петербург. Что я делал в Персии, написано в книге «Революция и фронт».

Первое впечатление было: как бросились к привезенному мною белому хлебу.

Потом город какой-то оглохший.

Как после взрыва, когда все кончилось, все разорвано.

Как человек, у которого взрывом вырвало внутренности, а он еще разговаривает.

Представьте себе общество из таких людей.

Сидят они и разговаривают. Не выть же.

Такое впечатление произвел на меня Петербург в 1918 году.

Учредительное Собрание было разогнано.

Фронта не было. Вообще все было настежь.

И быта никакого, одни обломки.

Я не видал Октября, я не видал взрыва, если был взрыв.

Я попал прямо в дыру.

И тогда пришел ко мне посланный от Григория Семенова.

Григория Семенова я видел и раньше в Смольном.

Это человек небольшого роста, в гимнастерке и шароварах, но как-то в них не вношенный, со лбом довольно покатым, с очками на небольшом носу, и рост не большой. Говорит дискантом и рассудительно. Внушает своим дискантом. Верхняя губа коротка.

Тупой и пригодный для политики человек. Говорить не умеет. Например, увидит тебя с женщиной и спрашивает: «Это ваша любимая женщина». Как-то не по живому, вроде канцелярского: «имеющая быть посланной бумага». Не знаю — понятно ли. Если не понятно, то идите разговаривать с Семеновым; от него вас не покоробит.

Так вот — пришел ко мне человек и говорит:

«Устрой у нас броневой отдел, мы разбиты вдребезги, сейчас собираем кости».

Действительно, разбиты.

Части на манифестации за Учредительное Собрание не вышли.

Пришла одна только маленькая команда в 15 человек с платком «Команда слухачей приветствует Учредительное Собрание».

Между тем уже много месяцев к Петербургу полз один броневой дивизион машин в десять.

Полз он хитро, шаг за шагом, с одной мыслью — быть к созыву Учредительного Собрания в Питере.

Я в этом дивизионе не работал. И в нашем дивизионе была возможность достать машины. Но не было людей, некому было вызвать.

И как-то случилось, что машины, на которых ждали люди, не выехали. Поговорили, поспорили и не решили приказать.

Висел плакат через улицу — «Да здравствует Учредительное Собрание», пошли с таким плакатом люди, дошли до угла Кирочной и Литейного.

Здесь в них начали стрелять, а они не стреляли и побежали, бросив плакат.

Из палок плаката дворники сделали потом наметельники.

Все это было без меня, и я пишу об этом с чужих слов.

Но наметельники сам видал, именно те, от плаката.

По приезде в Питер я поступил в Комиссию, название которой не помню. Она должна была заниматься охраной предметов старины и помещалась в Зимнем Дворце.

Здесь же принимал Луначарский.

Я был послан, кажется, во дворец Николая Михайловича, где хозяйничал товарищ Лозимир, рыжий молодой человек в пиджаке.

Дежурный взвод был вооружен дамасским оружием, персидские миниатюры лежали на полу. В углу нашел икону, изображающую императора Павла в виде архистратига Михаила. Работа кажется Боровиковского.

Завязано в газету и перевязано бичевкой.

Но больше было не грабежа, а обычного желания войска, занявшего неприятельский город и стоящего по квартирам, по-своему использовать брошенное добро: забить разбитое окно хорошим ковром и растопить печку стулом.

Народу в Зимний ходило много. Иногда же Зимний пустел совершенно. Значит, в этот момент дела большевиков были плохи. Интеллигенция саботировала, продавала на улицах газеты, колола лед.

Искала работы.

Одно время все делали шоколад.

Сперва жарили все, что можно жарить на какаовом масле, которое продавали с фабрик, а потом научились делать шоколад. Продавали пирожные. Открывали кафе. Это — те, которые были богаче, и все это после, к весне.

А главное — было страшно.

Итак, пришли ко мне и сказали: «Мы готовимся сделать восстание, у нас есть силы, сделайте нам броневой дивизион».

Познакомили меня с тем, который руководил прежде броневым дивизионом, приехавшим в Питер.

Меня солдаты моей части очень любили; узость моего политического горизонта, мое постоянное желание, чтобы все было вот сейчас хорошо, моя тактика,— а не стратегия,— все это делало меня понятным солдатам.

В броневой школе я был инструктором, проводил с солдатом время с 7 утра до 4 дня, и мы были дружны. Я подал Луначарскому отставку в очень торжественной форме, которая его вероятно удивила, и начал формировать броневой дивизион. Задача захватить броневые машины, по существу дела,— возможная. Для этого нужно иметь своего человека при машинах, лучше — при всех машинах, но во всяком случае человека, который мог бы помочь в заправке и заводке машин, подготовить их. Потом нужно прийти и взять машины.

Захватывались броневые машины уже не один раз. Их захватили в февральскую революцию. Захватили большевики 3—5 июля, отбили тогда же у большевиков наши шоферы, приехав на учебном броневом «Осетине» с жестяной броней. Работали на испуг.

Захватили большевики во время Октября, когда все были растеряны и нейтральны.

Должны были захватить броневики «правые» команды дивизиона до юнкерского восстания, но юнкера, которые действовали самостоятельно, их перехватили.

Въехав под предводительством Фельденкрейца в Михайловский манеж на грузовике, наша команда из школы шоферов опоздала на полчаса.

Таким образом, это предприятие технически возможное.

Я пошел к своим старым шоферам, они были везде, где были машины, в Михайловском манеже, в Скетинг Ринге на Каменноостровском, в броневых мастерских. Впоследствии большевики неоднократно передвигали машины с места на место, например, одно время сосредоточили их в Петропавловской крепости, но наши люди следовали за своими машинами, а если их удаляли, то мы посылали других.

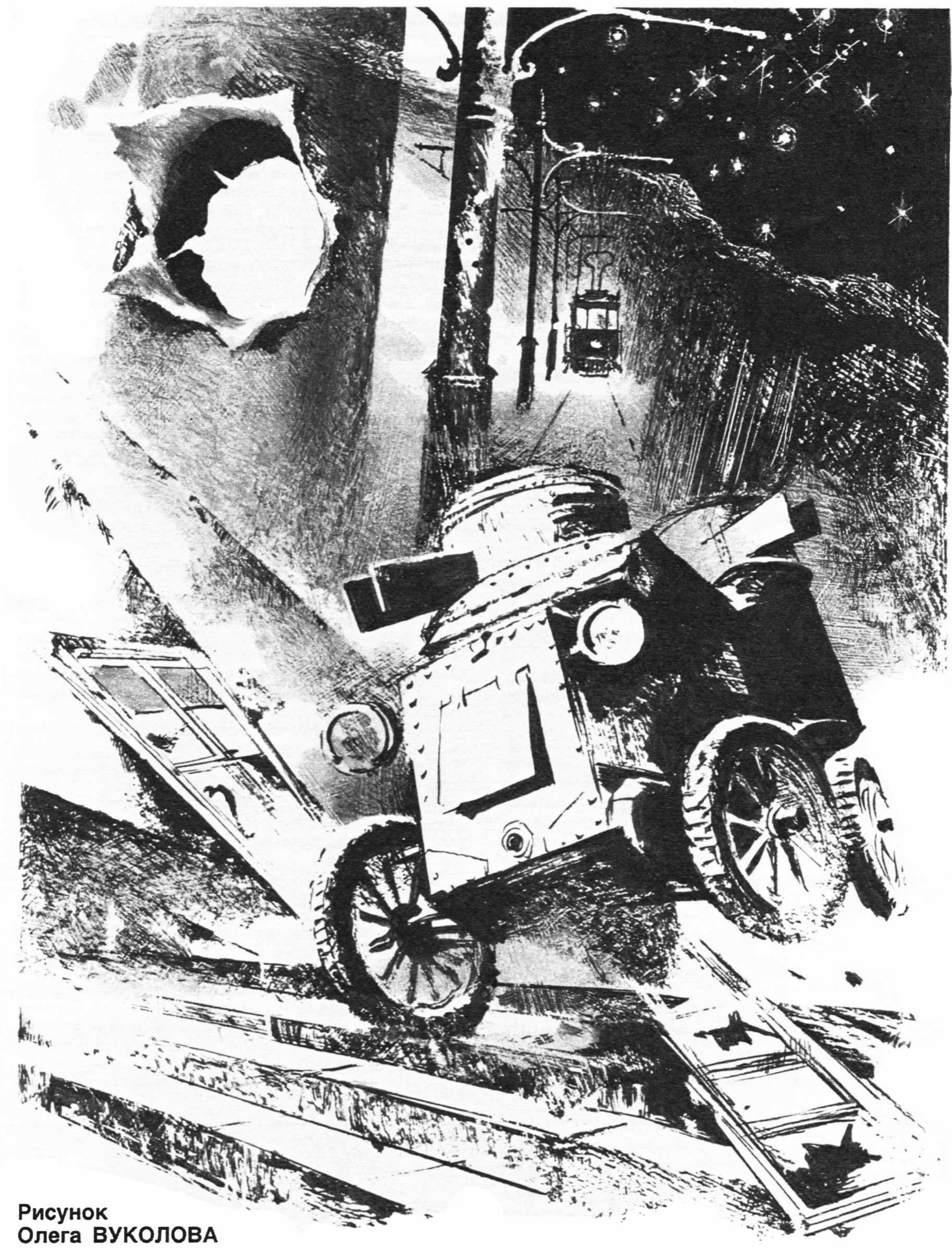

Рисунок
Олега ВУКОЛОВА

Дело в том, что среди шоферов очень мало большевиков, почти нет, так что первые комиссары в броневых частях или назначались со стороны, или из слесарей, а то из уборщиков.

Шофер — рабочий, но рабочий особенный, он — рабочий одиночка. Это не человек стада: владение сильной и особенно бронированной машиной делает его импульсивным. 40 и 60 лошадиных сил, заключенные в машине, делают человека авантюристом. Шоферы — наследники кавалерии. Из моих же шоферов многие, кроме того, сильно любили Россию и ничего больше России. Таким образом, у меня всегда были свои люди в броневых частях.

Дальше шло «окружение гаражей», т. е. мы снимали вокруг гаража квартиры, чтобы иметь возможность, собравшись маленькими группами, незаметно выйти потом и войти в гараж.

Что мы думали делать дальше?

Мы хотели стрелять. Бить стекла. Мы хотели драться.

Я не умел делать шоколада.

А шоферы, кроме того, не любили уже начинающий слагаться тип комиссара; они возили его и ненавидели.

Они хотели стрелять.

Хуже шло в других частях организации. Старой армии уже не было.

В бытность мою в Комиссии Зимнего Дворца ездил я по полкам принимать последние остатки музеев.

Большинство полков разошлось, растащив вещи. Какая-то организация, из которой я знал одного Филоненко, посылала своих людей.

Это были полки Волынский, Преображенский и еще какой-то, который я забыл, и отдельно — Семеновский; его комплектовал кто-то мне неизвестный и так умело, что полк не был разоружен до самого перехода на сторону Юденича.

Организация, к которой я принадлежал, не считала себя партийной; это все время подчеркивалось. Скорее это были остатки Комитета по защите Учредительного Собрания, так что в ней люди были по мандату частей, а не партий. Беспартийность организации особенно подчеркивал Семенов.

Комплектование полков шло довольно успешно.

Когда большевики потребовали у этих полков сдачи оружия, те отказались.

Ночью большевики пришли.

Полки стояли не вместе, а разбросанно, где один батальон, где другой. Ночевали в полку не все, многие пошли спать домой, это спокойней. Большевистские части подошли, кажется, к волынцам.

Часовой закричал «в ружье», но вооруженного сопротивления не последовало.

Были ли большевистскими те части, которые разоружили волынцев?

Это напоминает какой-то пример из латинского экстемпорала: «Не гуси ли были те птицы, которые спасли Рим?»

Но, может быть, эти части и были не большевистскими. По крайней мере броневик, посланный против волынцев, имел шоферами совсем не большевиков. Волынцы и преображенцы разошлись. Волынцы перед уходом взорвали казармы. Хвост старой армии был ликвидирован.

Начали создавать Красную Армию, одновременно разоружая Красную гвардию. Организация решила вливать в Красную Армию своих людей; людей решили посылать двух родов: крепких и бойких, которые должны были быть у начальства на хорошем счету, а среди товарищей пользоваться авторитетом, и плакс, которые должны были деморализовать части своими жалобами.

Очень хитро придумали.

Но посылать было, кажется, некого.

Удалось занять главным образом штабные места. Таким образом знали, что делается в Красной Армии, но, пожалуй, больше ничего не могли сделать. Была, правда, одна своя артиллерийская часть. Впрочем, я связей не знал, занятый броневиками. Мы ждали выступления, оно назначалось неоднократно, помню один из сроков — 1 мая 1918 года, потом еще один срок: предполагаемая забастовка, организованная совещанием уполномоченных.

Забастовка сорвалась.

А мы собирались в ночи, назначенные на выступление, по квартирам, пили чай, смотрели свои револьверы и посылали вестовых в гаражи.

Я думаю, женщине легче было бы родить до половины и потом не родить, чем нам это делать.

Страшно трудно сохранять людей при таком напряжении, они портятся, загнивают.

Сроки проходили.

Я думаю, что у организации в это время почти не было сил, боевиков было человек двадцать. Имелись части, которые должны были присоединиться, но все знали — кроме тех минут, когда не хотели знать,— что это страшно ненадежно.

Работа в заговоре — скверная, черная, подземная, грязная работа: в подполье встречаются люди и в темноте не знают, с кем встречаются.

Нужно отметить, что мы не были связаны с савинковцами.

Мы наталкивались за это время то на разные безымянные организации, «признающие Учредительное Собрание», то на командиров отдельных частей, которые говорили, что их люди пойдут против большевиков. Так встретились мы с минным дивизионом, который находился в «матросской» оппозиции к большевикам.

Эти люди были связаны между собой судовой организацией, а с нами связались, кажется, через рабочих завода, перед которым они стояли. Конечно, они могли выступить так же, как и броневики, но большевикам удалось их разоружить. При разоружении оказалось, что присланная команда не может вынуть затвора из пушек, не умеет: они начали колотить казенную часть орудия кувалдами. Значит, это не были матросы-специалисты; большевики не нашли их достаточно надежными для посылки. Они были тоже очень слабы, но крен был в их сторону.

Большевики были сильны определенностью и простотой своей задачи.

Красной Армии еще почти не было, но быт новой армии уже слагался.

Это было время следующее после того, когда в армии совсем не было дисциплины. Набрали вольнонаемных людей.

Кажется, тогда части приписывались прямо к соседнему совету.

Вообще это было время власти на местах и террора на местах.

Каждого убивали на месте.

На Петроградской стороне в части украл мальчик-красноармеец у товарища сапоги.

Его поймали и присудили к расстрелу.

Он не поверил. Волновался, плакал, но не очень. Больше из приличия. Думал, что пугают, и хотел угодить.

Его отвели в сад лицея и пристрелили.

Потом посадили труп на извозчика, дали красноармейца в провожатые — как пьяному — и отправили в покойницкую Петропавловской больницы.

Люди, которые это сделали без всякого озлобления, были страшны и своевременны для России.

Они продолжали линию самосудов, тех самосудов, когда бросали в Фонтанку воров.

Мне рассказывал про самосуд один солдат.

«Тогда покойник и говорит»,— рассказывал он.

«Как это покойник говорит?»

«А тот, значит, которого убьют сейчас, говорит». Видите, как бесповоротно.

В это время меня вызвали в Чека, потому что ко мне зашел Филоненко.

Филоненко я сейчас не люблю и тогда не любил, но помню, как на фронте спал в автомобиле, опершись на него. Этот нервный, неприятный и ненадежный человек жил в Петербурге под чужой фамилией или под несколькими чужими фамилиями.

Его выследили и за ним ходили по пятам.

Он зашел ко мне, ел у меня, пил кофе, а на другой день у моего дома стояло штук восемь чекистов.

Я раскланивался с ними, проходя мимо них. Они отвечали.

Меня вызвали в Чека, допрашивал Отто.

Спросили: знаю ли я Филоненко? Я ответил, что знаю, и признал, что он ко мне заходил.

Меня спросили: зачем? Я ответил, что для справки о знаках «зодиака». Как это ни странно, но это была правда.

Филоненко увлекался астрологией.

Следователь предложил мне дать показания о себе.

Я рассказал ему о Персии. Он слушал, слушал конвойный и даже другой арестованный, приведенный для допроса.

Меня отпустили. Я профессиональный рассказчик.

Арестовали моего отца и тоже скоро отпустили его. Кажется, всего держали два месяца.

Между тем положение переменилось. Сперва революция была чудесно самоуверенная. Потом удар Брестского мира.

Не раз я ждал чуда. Ведь большевики имеют веру в чудо.

Они делают чудеса, но чудеса плохо делаются.

Вы помните, как в сказке черт перековывал старого на молодого: сперва сжигает человека, а потом восстанавливает его помолодевшим.

Потом чудо берется проделать наученный дьяволом ученик; он умеет сжечь, но не может обновить.

Но когда большевики открыли фронт и не подписали мира, они верили в чудо долго, но сожженный не воскрес.

И в открытый фронт вошли немцы.

Перед подписанием Брестского мира большевики снеслись телеграфно со всеми крупными советами с вопросом, заключать ли мир.

Все ответили — не заключать. Особенно решителен был Владивосток. Это выглядело иронией.

Мир был подписан.

Очевидно, звонили из любопытства.

Чудо не вышло, и это уже знали.

Интересно отметить, что на одном митинге в Народном Доме, когда немцы уже наступали на разоруженную Россию, Зиновьев умолял остатки нескольких неразоруженных полков старой армии выступить «за Отечество», не прибавляя даже за «социалистическое».

Они наивны, большевики, они переоценивают силу старого, они верили в «гвардию». Они думали, что люди любят «матушку Родину».

А ее не было.

И сейчас, когда они дают концессии и множат купцов, они только переменили объект веры, а все еще верят в чудо.

И если сегодня вы выйдете на Невский, на улицы сегодняшнего прекрасного, синенебого Петрограда, на улицы Петрограда, где так зелена трава, когда вы увидите этих людей, новых людей, которых позвали, чтобы они создали чудо, то вы увидите также, что они сумели только открыть кафе.

Только простреленным на углу Гребецкой и Пушкарской остался трамвайный столб.

Если вы не верите, что революция была, то пойдите и вложите руку в рану. Она широка, столб пробит трехдюймовым снарядом.

И все же, если от всей России останутся одни рубежи, если станет она понятием только пространственным, если от России не останется ничего, все же я знаю: нет вины, нет виновных.

И я виновен в том, что не умею пропускать мимо жизнь, как погоду, виновен и в том, что слишком мало верил в чудо...

ИЗ КНИГИ «ZOO, ИЛИ ПИСЬМА НЕ О ЛЮБВИ»

ПИСЬМО ВСТУПИТЕЛЬНОЕ

Оно написано всем, всем, всем. Тема письма: вещи переделывают человека.

Если бы я имел второй костюм, то никогда не знал бы горя.

Придя домой, переодеться, подтянуться достаточно, чтобы изменить себя.

Женщины пользуются этим несколько раз в день. Что бы вы ни говорили женщине, добивайтесь ответа сейчас же; иначе она примет горячую ванну, переменит платье, и все нужно начинать говорить сначала.

Переодевшись, они даже забывают жесты.

Я очень советую вам добиваться от женщин немедленного ответа. Иначе вам придется часто стоять растерянным перед новым неожиданным словом.

Синтаксиса в жизни женщины почти нет.

Мужчину же изменяет его ремесло.

Орудие не только продолжает руку человека, но и само продолжается в нем.

Говорят, что слепой локализует чувство осязания на конце своей палки.

К своей обуви я не испытываю особенной привязанности, но все же она — продолжение меня, это часть меня.

Ведь уже тросточка меняла гимназиста и была ему запрещена.

Искренней обезьяна на ветке, но ветка тоже влияет на психологию.

Психология же коровы, идущей по скользкому льду, вошла в поговорку.

Больше всего меняет человека машина.

Лев Толстой в «Войне и мире» рассказывает, как робкий и незаметный артиллерист Тушин во время боя оказывается в новом мире, созданном его артиллерией.

«Вследствие этого страшного гула, шума, потребности внимания и деятельности, Тушин не испытывал ни малейшего неприятного чувства страха... Напротив, ему становилось все веселее и веселее... Из-за оглушающих со всех сторон звуков своих орудий, из-за свиста и ударов снарядов неприятелей, из-за вида вспотевшей, раскрасневшейся, торопящейся около орудий прислуги, из-за вида крови людей и лошадей, из-за вида дымков неприятеля на той стороне (после которых всякий раз прилетало ядро и било в землю, в человека; в орудие или в лошадь), — из-за вида этих предметов, у него в голове установился свой фантастический мир, который составлял его наслаждение в эту минуту... Сам он представлялся себе огромного роста, мощным мужчиной, который обеими руками швыряет французам ядра».

Пулеметчик и контрабасист — продолжение своих инструментов.

Подземная железная дорога, подъемные краны и автомобили — протезы человечества.

Случилось так, что мне пришлось провести несколько лет среди шоферов.

Шоферы изменяются сообразно количеству сил в моторах, на которых они ездят.

Мотор свыше сорока лошадиных сил уже уничтожает старую мораль.

Быстрота отделяет шофера от человечества.

Включи мотор, дай газ — и ты ушел уже из пространства, а время как будто измеряется только указателем скорости.

Автомобиль может дать на шоссе свыше 100 километров в час.

Но к чему такая быстрота?

Она нужна только бегущему или преследующему.

Мотор тянет человека к тому, что справедливо называется преступлением.

К счастью, русский шофер обычно хороший работник.

Он ездит по дорогам, напоминающим волны, чинит

машину в степи, когда мороз и бензин леденят руки.
Но вместе с тем шофер не рабочий; на машине он одинок.
Его машина опьяняет его, быстрота опьяняет, выносит из жизни.
Не забудем о заслугах автомобиля перед революцией.
Не сразу Волынский полк решился выйти из казарм.
Русские полки бунтовали обычно стоя.
Декабристы были разбиты на месте.
Волынцы оставили казармы, но были в нерешительности. Навстречу выходили другие.
Полки сходились и останавливались.
Но уже били камнями в двери гаражей, и рабочие на захваченных трубящих машинах вылетали в город.
Вы пеной выплеснули революцию в город, о автомобили.
Революция включила скорость и поехала.
Гнулись рессоры, гнулись крылья машин, машины метались по городу, и там, где их было две, казалось, что их было восемь.
Я люблю автомобили.
Тогда раскачалась вся страна. Революция перешла через пенный период и ушла пешком на фронт и в деревню.
А машины продолжали свой отдельный путь, свою жизнь.
На автомобилях разъезжали те, кто правил страной.
Но те, кто правил только машинами, тоже ездили на них.
Иногда отдельно.
Иногда грабили что и где попало. Добыча была невелика, но быстрота иногда самодовлеет.
Реквизировали спирт.
Это делалось двумя способами.
Или подсылали покупателя, и когда спирт оказывался, то врывались с фантастическим мандатом и реквизировали.
Иногда же отыскивали покупателя и реквизировали у него деньги, когда он их показывал.
Так делали люди с головами, не выдерживающими быстроту.
Спирт, который продавали шоферы, был особенный с бензином и кретоном, на нем ходили машины.
Потому что Баку было отрезано.
В то время в России было одно наказание — смертная казнь.
Смертная казнь была в быту.
Револьверы звали шпалерами.
Это из жаргона — «шпалэр» по-еврейски значит «плеватель».
В одной квартире, в которой торговали водкой, на стене висела надпись: «Распивочно и навынос».
А хозяин был в холщовом переднике.
Смертная казнь была норма для него; он относился к ней, как немец к штрафу.
Между тем страна кристаллизовалась.
Скорости соподчинялись друг другу.
Появился ордер и пропуск.
Самые крепкие из любящих быстроту были на фронте.
И быстрота была оправдана.
Но в черной Москве, в черной красной Москве, в которой улицы окаменели, крутясь вокруг Кремля, как скручивается тесто вокруг веселки, ходили пешком.
Город был пеший.
Но в нем появилась шайка. Большие черные машины ездили вдоль тротуаров, тихо и близко.
Они выбирали.
Выбрав женщину, они хватали ее, втаскивали в машину и увозили со всей скоростью, какую только может дать автомобиль, когда он безумен.
Женщин увозили за город и там насиловали.
Так продолжалось в Москве несколько дней.
Насиловали одну женщину. Позже рассказывала она, уже на следствии: «Стою и дрожу — мех на руке».
Спрашивает шофер: «Вы оденьте мех, барышня».
Она была барышня.
«Так вы же отнимете».
«Мы не грабим».
Но люди, владеющие быстротой, поймали шайку.
Их судили, они сознались во всем и на вопрос: «Зачем вы сделали это?» отвечали: «Нам было скучно».
Их убили.
Я не знаю их имен и не буду их защищать.
Но мне, человеку, знавшему быстроту и не знавшему цели, хочется сказать несколько слов.
Это не над могилой.
Эти люди, граждане, не были хуже других.
Это были гаражные ребята, умеющие чинить машины и знающие, как холодно железо на морозе.
Быстрота мотора и трубный звук гудка выбили их из дороги.
Среди пешей Москвы мотор вынес шофера к преступлению.
Оружие делает человека храбрее.
Лошадь обращает его в кавалериста.
Вещи делают с человеком то, что он из них делает.
Скорость требует цели.
Вещи растут вокруг нас,— их сейчас в десять или в сто раз больше, чем двести лет тому назад.
Человечество владеет ими, отдельный человек нет.
Нужно личное овладение тайной машин, нужен новый романтизм, чтобы они не выбрасывали людей на поворотах из жизни.
Я сейчас растерян, потому что этот асфальт, натертый шинами автомобилей, эти световые рекламы и женщины, хорошо одетые,— все это изменяет меня.
Я здесь не такой, какой был, и, кажется, я здесь нехороший.

ПИСЬМО ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ

Оно является необходимой главой в «Истории Русской интеллигенции». В этом письме есть слово «пробник». Все письмо неприличное, и я надеюсь, что оно не было послано.

Ты права. Я сделал глупость с тем англичанином.
Но я вижу себя со стороны, я боюсь своей судьбы. Литературной судьбы. Я попадаю в книгу.
У русской литературы плохая традиция.
Русская литература посвящена описанию любовных неудач.
Во французском романе герой,— он же обладатель.
Наша литература, с точки зрения мужчины,— сплошная жалобная книга.
Бедный Онегин. Татьяна отдана другому.
Бедный Печорин без Веры.
У Льва Толстого, писателя не жеманного, то же горе.
Что можно придумать очаровательнее Андрея Болконского?
Умен, храбр, говорит, как Толстой, хорошо воспитан, даже презирал женщин.
Но у французов героем был бы не он, а Анатоль Куракин.
Красавец и хам.
Ему Наташа, а Мари тоже была бы его.
У Андрея Болконского такое же глупое положение, как и у всех героев «Истории Русской интеллигенции».
Чаплин говорил, что наиболее комичен человек тогда, когда он в невероятном положении притворяется, как будто бы ничего не произошло.
Комичен, например, человек, который, вися вниз головой, пытается оправить свой галстух.
Мы все живем, оправляя свои галстухи.
Но мой галстух (тот, который ты мне подарила) еще не обжился на моей шее.
И я, попав в литературное положение, не знаю, что делать.
Кажется, принято шутить и слегка вольничать словом.
Итак.
Когда случают лошадей, это очень неприлично, но без этого лошадей бы не было,— то часто кобыла нервничает, она переживает защитный рефлекс (вероятно, путаю) и не дается.
Она даже может лягнуть жеребца.
Заводский жеребец (Анатоль Куракин) не предназначен для любовных неудач.
Его путь усеян розами, и только переутомление может прекратить его романы.
Тогда берут малорослого жеребца — душа у него может быть самая красивая — и подпускают к кобыле.
Они флиртуют друг с другом, но как только начинают сговариваться (не в прямом значении этого слова), бедного жеребца тащат за шиворот прочь, а к самке подпускают производителя.
Первого жеребца зовут пробником.
В русской литературе он обязан еще после этого сказать несколько благородных слов.
Ремесло пробника тяжелое, и говорят, что иногда оно кончается сумасшествием и самоубийством.
Оно судьба русской интеллигенции.
Герой русского романа пробник.
Я хотел назвать какого-нибудь определенного героя.
Но не могу, это кажется оскорблением.
В революции мы сыграли роль пробников.
Такова судьба промежуточных групп.
Русская эмиграция — это организация политических пробников, лишенных классового самосознания
Иначе нельзя было бы ходить по улицам.
Какая тоска!
А о любви я писать не буду.
Ты видишь, я все время пишу о литературе.

Юрий ГАВРИЛОВ

КАЗЕННЫЙ ДОМ

Российская империя была учреждением полицейским. Но на русскую полицию и на ее отношения с обществом никак нельзя смотреть сегодняшними глазами и оценивать сегодняшней оценкой: Гулаг приучил-таки нас к чудовищной своей цифири — над миллионами жертв были ведь еще и миллионы надзирателей.
Все тюрьмы Российской империи были рассчитаны к концу XIX века на сто тысяч заключенных, и, кроме 1907—1908 годов, вакантных мест в них было предостаточно. Государство же было полицейским потому, что на полицию были возложены обязанности, ей несвойственные, и трактовались они сугубо расширительно.

Департамент полиции был самым сложным и важным подразделением Министерства внутренних дел.
Кроме общей полиции, имелись отдельный корпус жандармов, полицейская стража, сыскная, судебная, речная, портовая, дворцовая полиция, горно-полицейская стража, фабрично-заводская полиция, тайная (охранная) полиция...
А. П. Чехов в письме к А. С. Суворину: «У нас в участках дерут; установлена такса: с крестьянина за дранье берут 10 коп., а с мещанина 20 коп.— это за розги и труды. Дерут и баб».

Сотрудники охранного отделения закладывают первые кирпичи в фундамент нового здания охранки. Петербург, 1900 г.

В. М. Дорошевич:

«Какими бы болезнями ни заболевало бы Российское государство:

— Полицию!..

Богословских споров дело.

— Полицию!..

Аграрные волнения.

— Полицию!..

Социализм.

— Полицию!..

Полиция лечила от всего.

От малоземелья, от сомнений в церковных догматах, от фанатизма и увлечения «западными утопиями».

Со всеми этими недугами полиция худо-бедно справлялась.

Неплохо было поставлено дело с раскрытием уголовных преступлений.

Сыскная полиция хорошо знала своих подопечных, уровень уголовной преступности был просто несопоставим с нынешним, адвокатура жила гражданским процессом, тяжкие преступления против личности составляли незначительную часть всех противоправных действий.

Однако с одной болезнью, свалившейся на русское общество — политическим террором,— полиции справиться так и не удалось.

Убийство — древнейший способ политической борьбы, но между кинжалом Брута и терроризмом лежит пропасть.

Четвертого апреля 1866 г. Дмитрий Каракозов безуспешно стрелял в Александра II.

После этого началась настоящая охота на царя, и между выстрелом Каракозова и бомбой Гриневицкого (1 марта 1881 г.) безвинно пали десятки солдат, дворцовые слуги, мирные обыватели, дети.

Каракозов был повешен, начались повальные аресты, ужесточились меры против печати. Действие рождает противодействие...

Каракозов и реакция охранки на терроризм породили Нечаева и нечаевщину.

Вольнослушатель Петербургского университета, учитель приходского училища, фантазер и фанатик Сергей Нечаев вместе с Петром Ткачевым попытался зимой 1868—1869 гг. оседлать студенческое движение. Нечаев истово верил в неизбежность пугачевщины весной 1870 года. В реальной русской жизни нельзя было найти никаких подтверждений возможности скорого народного восстания, но Нечаеву и нечаевцам действительность была неинтересна, в горячечном их воображении для пожара все было готово, не хватало поджигателей.

Вернувшись из заграницы, куда он бежал в начале 1869 года, Нечаев пытается слепить тайную организацию, характер которой очевиден из ее названия — «Народная расправа».

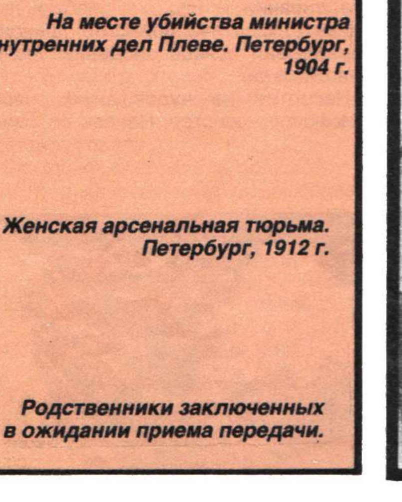
Взаимные ланкастерские обучения Нечаева с М. А. Бакуниным не пропали даром: «Катехизис революционера», плод взаимной любви, разрешал борцам за свободу и справедливость против тирании и насилия любую ложь, клевету, шантаж, подлость, шпионаж, оправдывал всякое злодеяние во имя благой цели.

Несмотря на чудовищную энергию и ломовое упорство, Нечаев со студен-

Кабинет начальника охранного отделения полковника Карпова после взрыва. Петербург, 1909 г.

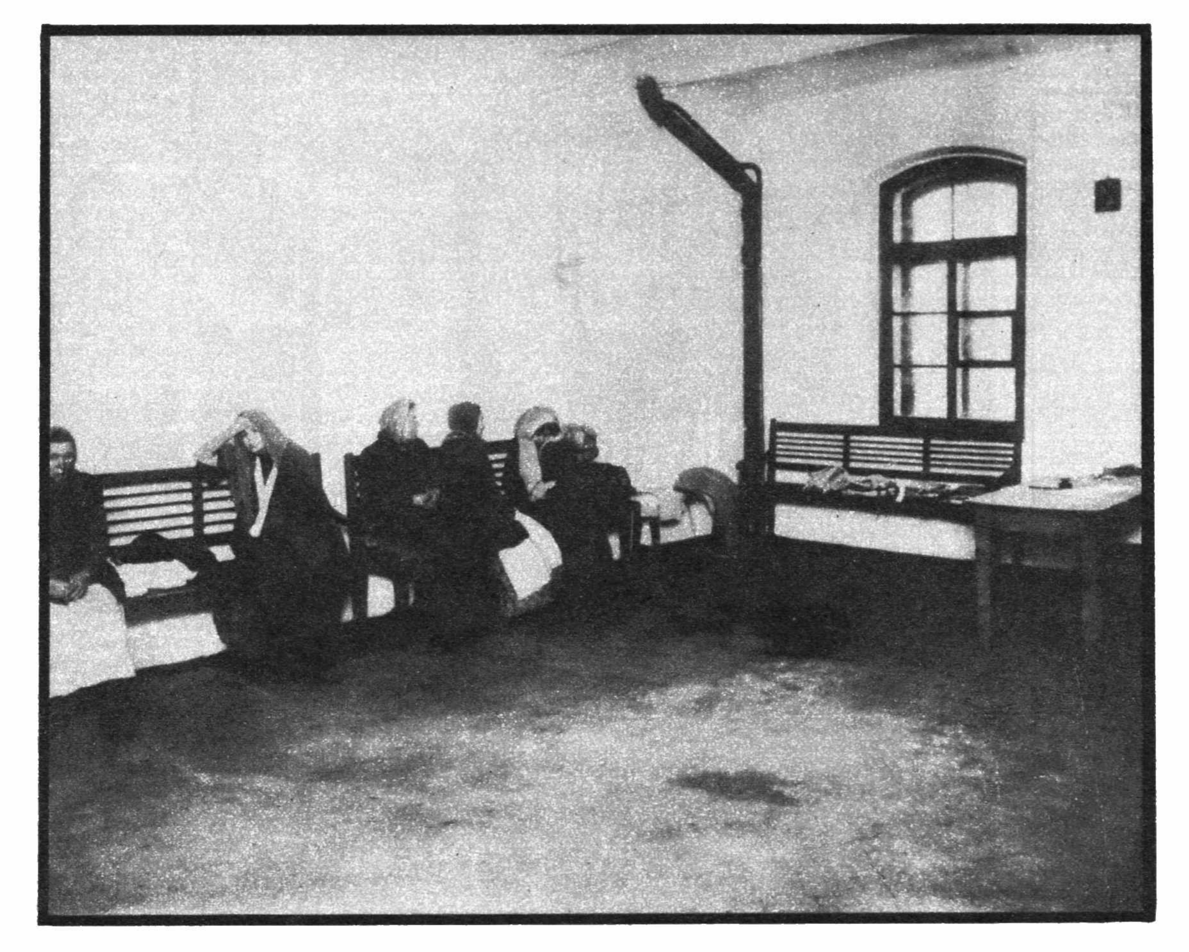

На месте убийства министра внутренних дел Плеве. Петербург, 1904 г.

Женская арсенальная тюрьма. Петербург, 1912 г.

Родственники заключенных в ожидании приема передачи.

тами не справился: не убедил, не подчинил, не обманул.

И тогда Нечаев замыслил почти ритуальное убийство: облыжно обвинив студента Петровской земледельческой академии Ивана Иванова в измене, он решил кровью товарища повязать заколебавшихся членов подпольной пятерки. Ночью 21 ноября 1869 года Иванов был убит — жестоко, неумело.

Петр Ткачев теоретически пытался обосновать подобные акты. К примеру, он считал, что после победы заговорщиков и торжества социализма громадная масса людей — все население старше 25 лет — будет непригодна к новой жизни по причине нравственных и религиозных пережитков в сознании. И желательно было бы всех заживившихся на этом свете, т. е. всех, кому пошел 26-й год (кроме профессиональных революционеров), ликвидировать, а дабы молодое поколение получило возможность продемонстрировать свою приверженность «новому разумному порядку общежития», детям предоставлялось предпочтительное право ликвидировать родителей. Тоже, так сказать, круговая порука кровью, но нетрудно заметить, насколько Ткачев как теоретик масштабнее своего соратника Нечаева как практика. Впрочем, оба они были «выше морали»...

В истории русского терроризма, политических убийств бывало всякое: подлость и самопожертвование, предательство и благородство, авантюризм и неутолимая жажда справедливости.

Вера Засулич, ранившая обер-полицмейстера Ф. Ф. Трепова (24 января 1878 г.), мстила за смертельную обиду беззащитного человека, заключенного, и несла свой крест открыто — до конца: тюрьма, суд. Сергей Кравчинский, заколовший кинжалом шефа жандармов Н. В. Мезенцева (4 августа 1878 г.), уже не собирался использовать суд как трибуну для проповеди народнических идей. После акта возмездия он благополучно сбежал за границу. Но что интересно — русская революционно настроенная публика рукоплескала им обоим с одинаковым восторгом.

Стремление разбудить общество, даже ценой собственной жизни, нередко оборачивалось гибелью невинных людей.

После неудачного покушения А. Соловьева на императора (2 апреля 1879 г.) народовольцы решили взорвать царский поезд. В результате мощного взрыва (19 ноября 1879 г.) были убитые, раненые, искалеченные, но Александр II не пострадал: его в этом поезде не было (царский и свитский поезда поменялись местами в пути).

5 февраля 1880 г. чудовищной силы взрыв потряс Зимний дворец. Царская резиденция погрузилась во мрак. Степан Халтурин внес во дворец столько взрывчатки, что взрывная волна пробила два этажа, обрушился пол в столовой, где царь должен был в это время принимать гостей, но родственники опоздали к обеду...

Десятки солдат, рабочие, дворцовые слуги, истопники не в счет, потому что нет у политического террора таких поминальников, куда вписывают имена невинных жертв.

1 марта 1881 г. утром Александр II одобрил доклад М. Т. Лорис-Меликова, министра внутренних дел, предлагавшего сделать заметное продвижение к представительному правлению. Согласно докладу, утвержденному царем, создавалась комиссия для рассмотрения законопроектов, составленная из выборных представителей земств и городов. Лица из выборных депутатов, обнаружившие «особенные познания, опытность и выдающиеся способности»,

приглашались в высший орган империи — Государственный совет. Первый, самый трудный шаг к Конституции был сделан. Успокоение общества стало возможным.

После доклада Лорис-Меликова царь собирался ехать на развод лейб-гвардии Измайловского полка, шефом которого он был. Морганатическая супруга Александра II, княгиня Юрьевская, и Лорис-Меликов отговаривали императора, но тот твердил, что Петербург — его столица, а не вотчина революционеров.

Арест Желябова 27 февраля 1881 года, казалось, парализовал «Народную волю». Но, агонизируя, она успела сделать последний выпад.

Софья Перовская махнула кружевным платочком, Николай Рысаков бросил под экипаж царя замаскированную под пасхальный кулич бомбу; ударила струя крови из шеи мальчика-разносчика, которому осколком срезало голову, карету развернуло и швырнуло на бок, остолбенели невольные свидетели кошмара, а император уже расспрашивал подведенного к нему металлщика: кто он таков?

А к императору сомнамбулической походкой приближался Игнатий Гриневицкий, с куличом, завернутым в белый платок...

Смертельно раненного Александра II привезут в Зимний дворец, и еще до того, как от мертвого тела Гриневицкого отделят голову и поместят ее в спирт двойной выгонки, чтобы предъявлять при опознании, на Зимнем поползет вниз императорский штандарт, и толпа народа, собравшегося на Дворцовой площади, испустит вопль ужаса.

Наступила пора патриархального попечительства Александра III.

Начинает прорисовываться дурная бесконечность своеобразной диалектики: террор создает своего противника — охранку, охранка своими репрессивными методами стимулирует террор, борьба идет с переменным успехом, на смену погибшим бойцам выходят новые.

Когда перевес оказывается на стороне охранки, она, заскучав без достойного соперника, начинает преследовать либералов, земских деятелей, студентов, журналистов и постепенно взбудораживает общество.

Еще 6 августа 1880 года при Александре II было упразднено III отделение и уволены все его 72 сотрудника — штатные, внештатные и вольнонаемные. Победа революции? Но вместо III отделения создан Департамент государственной полиции с тремя делопроизводствами (отделами). Растет число террористов — растет число делопроизводств, появляется Особый (политический) отдел, а в нем семь отделений, да еще секретный (агентурный) отдел, инспекторский отдел.

Множится штат охранного отделения. Генерал А. В. Герасимов, начальник петербургской охранки в 1905—1909 гг., в своих воспоминаниях «На лезвии с террористами» пишет:

«Аппарат охранного отделения был очень велик. Под моим начальством находилось не менее 600—700 человек. Здесь были и уличные агенты (филеры, свыше 200 человек), и охранная команда (около 200 человек), и чины канцелярии (около 50 человек) и т. д. Верхушку составляли жандармские офицеры (их было человек 12—15) и, кроме этого, чиновники для особых поручений (5—6 человек). Такое количество служащих мне казалось достаточным для осуществления задач, стоявших перед политической полицией в Петербурге, но личный состав был далеко не удовлетворителен...»

600—700 человек — во время революции, террора, волнений в 1,5-миллионном городе. «Аппарат... был очень велик».

Александр III был склонен к семейным мерам воспитания подданных. Узнав о суде над участниками волнений в Ростове-на-Дону, он сказал: «Гораздо полезней и проще хорошенько посечь, а не предавать суду».

С каждым новым законом расширялись власть и полномочия полиции.

По «Положению от 14 августа 1881 года», которое дожило до февраля 17-го года, при Министерстве внутренних дел было образовано Особое совещание с правом высылки любого лица без судебного крючкотворства в любые самые отдаленные места сроком на 5 лет. Понятно, это не сталинское ОСО с правом смертного приговора, но все же...

В 1889 году, после создания института земских начальников, было покончено с независимостью крестьянского схода и волостного суда.

Казалось, что волевому, твердому характером царю удалось усмирить страну.

«В те годы, дальние, глухие, в сердцах царили сон и мгла»...

Александр III не знал, как далеко зашли игры у наследника Желябова и Перовской, главы «Народной воли» — Сергея Дегаева и инспектора столичной охранки Г. П. Судейкина. Разоблаченный провокатор Дегаев застрелил Судейкина и сбежал в Америку. Скандал получился колоссальный!

Правительство надеялось, что это был последний политический выстрел. Василий Генералов, Александр Ульянов и их товарищи по «Террористической фракции» никаких шансов на успех цареубийства в 1887 году не имели, так как полиция знала об их замысле с момента его возникновения.

14 февраля 1901 года бывший студент Московского университета Петр Карпович смертельно ранил министра народного образования Н. П. Боголепова. Боголепов был человек весьма реакционный, но само по себе его убийство было очевидной бессмыслицей. Оно стало сигналом атаки: революция накопила силы, чтобы вернуться к террору, сложному и дорогостоящему средству политической борьбы.

2 апреля 1902 года перед заседанием Комитета министров Степан Балмашёв, передавая министру внутренних дел Д. С. Сипягину фальшивый пакет от великого князя Сергея Александровича (будет убит Иваном Каляевым 04.02.1905 г.), смертельно ранил Сипягина. Министр умер в больнице, Балмашёв был повешен.

Пошло-поехало кровавое колесо, опять давя бессудно и правых, и виноватых, и случайных свидетелей, и убитых по ошибке.

За самыми громкими покушениями стояла таинственная фигура под псевдонимом Иван Николаевич. Хладнокровно посылая на смерть Каляевых, Иван Николаевич, он же Толстый, он же Раскин, он же Евно Азеф, руководитель Боевой организации партии эсеров, ничем не рисковал — ни жизнью, ни даже кошельком. Он с 1892 года был самым высокооплачиваемым агентом тайной полиции.

Мучительный опыт политических убийств в России неопровержимо свидетельствует о неразрывной связи террора и политической провокации. Полиция, желая все знать о революционерах, шла на нарушение закона, на укрывательство, возникала грязная, кровавая закулисная возня, и вот на сцене очередной труп, и подчас это труп того самого человека, которому еще только что казалось, что он дергает ниточки марионеток.

В. К. Плеве говорил:

«Я знаю день, в который меня убьют. Это будет в один из четвергов. В четверг я выезжаю для доклада».

Министр догадывался, что Азефу, чтобы отводить от себя подозрения, постоянно нужна новая кровь: после губернатора — министр, после министра — великий князь. Опускаться до губернатора после члена императорской фамилии Азеф не мог, Плеве был обречен.

Он предвидел обстоятельства собственной гибели. Начальник личной охраны Плеве был новатором — жизнь министра оберегали казачьи офицеры, пересаженные с лошадей на велосипеды. Ездили они плохо, наезжали на прохожих, на столбы, впивались в руль, что было силы, и, сидя в непривычном седле, стрелять никак не могли. Борис Савинков уверял Созонова, что тот сумеет прорваться к карете, лишь бы она не оказалась пустой.

15 июля 1904 года Плеве отправился на доклад к царю — он ездил в Петергоф с Балтийского вокзала. Погода стояла холодная, переменчивая, временами налетал дождь; Плеве ехал в закрытой карете, окруженный эскортом казачьих офицеров на велосипедах. На мокрых булыжниках велосипедные колеса скользили, охрана оказалась бесполезной.

Плеве был убит на месте, кучер тяжело ранен, на фотографии видны обломки кареты; Созонов приговорен к пожизненной каторге и покончил с собой в знак протеста против телесных наказаний.

Интересна история еще одного покушения, отраженного на другом снимке,— гибель начальника охранки полковника Карпова, преемника Герасимова.

Ветеран динамитных мастерских, эсер Александр Петров, лишившийся ноги в результате случайного взрыва, вторично арестованный в Саратове в 1908 году, согласился стать секретным сотрудником охранки. Ему был организован фиктивный побег из психиатрической больницы и выезд за границу. Далее из-за халатности чинов охранки Петров был выпущен из поля зрения полиции. Лишенный поддержки Департамента, Петров покаялся перед революционерами, и ему позволили искупить вину убийством завербовавшего его Герасимова.

Прибыв в Петербург в декабре 1908 года, Петров затеял сложную интригу, сообщив Карпову, что Герасимов его, Петрова, руками хочет убрать товарища министра В. Д. Курлова, перебежавшего Герасимову дорогу по службе.

Карпов снял квартиру на Астраханской улице и начал готовить ловушку для своего предшественника, а Петров тем временем поставил волчий капкан для всех троих — Карпова, Курлова и Герасимова.

Под круглый стол в гостиной эсеры поместили динамит, а электрические провода были выведены в прихожую, откуда Петров мог уничтожить и Герасимова, и тех, кто пришел скрытно послушать их разговор,— Карпова и Курлова.

Но 18 декабря Карпов неожиданно заехал к Петрову с корзиной вина и закусок — отметить новоселье.

Когда Карпов попытался заменить несвежую скатерть на круглом столе, скрывавшую электрические провода, «Петров со словами «не надо, не надо, я сейчас сам все сделаю» заковылял в переднюю и там соединил провода»...

Политическая провокация, подобно раковой опухоли, разрасталась внутри государственного организма — Плеве начал создавать некую сверхсекретную полицию под руководством А. С. Скандракова — начальника личной охраны министра внутренних дел, своего рода сверхконтроль над сверхпровокациями. Впрочем, политическая провокация в России — предмет отдельного разговора.

В 1908 году кадеты внесли в Государственную думу запрос о деятельности провокаторов в системе полиции, о наличии агентов-перевертышей. Кадеты доказали, что о подготовке покушения на дядю царя, великого князя Сергея Александровича, в Департаменте полиции знали и заняли позицию невмешательства.

В январе 1909 года бывший директор Департамента полиции, эстляндский губернатор А. А. Лопухин был арестован и предан суду особого присутствия Сената по обвинению в выдаче Евно Азефа членам ЦК партии эсеров. Лопухин объяснил свой поступок желанием прекратить террористические акты и предотвратить дальнейшее разложение государственного механизма. Лопухин был приговорен к лишению всех прав, состояния и ссылке в каторжные работы на 5 лет.

Наиболее здравомыслящие руководители охранного отделения понимали, что «удержать революцию полицейскими мерами невозможно, что политика Плеве заключается в том, чтобы загонять болезнь внутрь, и что это ни к чему не приведет, кроме самого дурного исхода» — так докладывал в 1903 году полковник полиции С. В. Зубатов виднейшему деятелю петербургской бюрократии С. Ю. Витте.

Террор революционный, в ответ — террор правительственный; как отмщение — опять революционный, затем — снова правительственный.

Маховик...

В результате — разобщенное, ослабленное общество со смещенными нравственными понятиями.

Нетерпение сердца, желание подправить, подтолкнуть историю, жажда мести за злодеяния власти, особые обстоятельства — таковы обычные попытки оправдать или объяснить террор. Вскрыть причины политических убийств можно, но ведь обстоятельства всегда «такие», а стремление искусственно ускорить ход событий к добру не ведет.

Не надо искать оправданий террору: их нет.

Нет такой страны, в истории которой террор принес благие перемены: хаос, неуверенность в завтрашнем дне, парализация здоровых сил нации — первые следствия террора.

Цель политических убийств — посеять смуту, ввергнуть общество в анархию.

Полицию бранили все, и было за что, но вот когда ее не стало, и начался безудержный разгул грабежей, убийств, налетов на квартиры, когда в ноябре — декабре 1917 года обыватель остался один на один с преступным миром и пришлось создавать комитеты домовой обороны, в это отчаянное время многим хотелось крикнуть привычное:

— Полиция!

Со временем, разрушив прежний казенный дом, мы построили новый. Подобные заведения в любые времена не институт благородных девиц, но они необходимая часть государственной машины, средство самозащиты общества. А это значит, что казенный дом должен при всей специфичности и жестокости своего внутреннего устройства перестраиваться вместе со всеми, поворачиваясь лицом к справедливости и в конечном счете к человеку.

Евгений КРАПИВНИЦКИЙ

(1893—1979)

Замечательный художник, основатель так называемой лианозовской школы, всю жизнь писавший стихи, по которым читатель, незнакомый с его работами, может составить и о них свое представление.

* * *

Мне очень нравится, когда
Тепло и сыро. И когда
Лист прело пахнет. И когда
Даль в сизой дымке. И когда
Так грустно, тихо. И когда
Все словно медлит. И когда
Везде туман, везде вода.
1940

* * *

Смотрит старая старушка
Из косящата окна.
Вся ей улица видна:
Под окном резвится хрюшка;
Высит светлый крест церквушка;
Кособочится избушка;
Косорылится Марфушка.—
И глядит себе старушка
Ни грустна, ни весела
Вдоль знакомого села.
1940

СЕКСТИНЫ

Молчи, чтоб не нажить беды,
Таись и бережно скрывайся;
Не рыпайся туды-сюды,
Не ерепенься и не лайся,
Верши по малости труды
И помаленьку майся, майся.

Уж раз родился — стало, майся:
Какой еще искать беды? —
Известно, жизнь: труды, труды,
Трудись и бережно скрывайся,
Не поддавайся, но не лайся,
Гляди туды, смотри сюды.

Хотя глядишь туды-сюды,
Да проку что? — сказали: майся,
Все ерунда, — так вот, не лайся,
Прожить бы только без беды,
А чуть беда — скорей скрывайся,
Но помятуй: нужны труды.

Труды они и есть труды:
Пошел туды, пришел сюды,
Вот от работы не скрывайся.
Кормиться хочешь — стало, майся,
Поменьше было бы беды,
Потише было бы, — не лайся.

Есть — лают зло, а ты не лайся,
И знай себе свои труды:
Труды — туды, труды — сюды;
Прожить возможно ль без беды?
А посему трудись и майся...
И помаленечку скрывайся...

Все сгинет — ну и ты скрывайся,
И на судьбу свою не лайся:
Ты маялся? Так вот, не майся,
Заканчивай свои труды,
В могилу весь — туды, туды,
Туды, где больше нет беды.
1948

Владимир КОВЕНАЦКИЙ

(1938—1986)

Благодарен любителям поэзии, которые сделали прекрасный подарок журналу, бережно собрав блестящий цикл до сей поры неизвестных стихов художника Владимира Ковенацкого. Здесь нет границы между лукавой, лубочно-фантастической живописью и как бы примитивными, а на самом деле мудро-ироничными стихами.

ЛИХОРАДОЧНОЕ ДЕТСТВО

Я жил в закопченном бараке,
В туманном мире детских грез.
Сквозь песни пьяные во мраке
Стонал далекий паровоз.

Плыла колючая ограда
В закатной тусклой полосе.
Солдаты рейха и микадо
Маршировали по шоссе.

Кружились вихри снежной пыли,
Мерцали джунгли на окне,
И слышал я: того убили,
А ту раздели при луне.

БАЛЛАДА О СБОРЩИКАХ УТИЛЯ

Обрывки неба стынут по канавам,
И, сумрачно бровями шевеля,
По пустырям, загаженным и ржавым,
Проходит Яшка — сборщик утиля.

За ним идет его подруга Нюрка,
Вся в поисках железного дерьма,
На ней не шелк, не драп,
не чернобурка,
Дырявый ватник, шали бахрома.

Везут на тачке ржавые останки
Косматый Яшка с Нюркою рябой
В утильсырье, а вечером по пьянке
У них в каморке крик и мордобой.

И пляшут тени на фанерной стенке.
Так истово трудились не они ль?
Родитель Нюрки, ветхий дед
Гасенкин,
Для обороны выставил костыль.

И старый кот — абориген помойки —
Пугливо щурит изумрудный взор.
Он знает, чем кончаются попойки,
И ускользает в темный коридор.

А утром вновь сутулая фигурка
Идет мужчине мрачному вослед,
И воедино слиты: Яшка, Нюрка,
Паршивый кот и полумертвый дед.

СОЛДАТ

Он был убит. Влетел осколок
Под сердце — будто целил враг.
Размытый осенью проселок
Хранил его последний шаг.

Был кончен бой, и, без опаски
За плечи кинув теплый ствол,
Угрюмо глядя из-под каски,
К нему товарищ подошел.

Присев на корточки над мертвым,
Он молча вытащил на свет
Блокнот стихов, огрызок стертый,
Красивой женщины портрет.

* * *

Вот пришла весна опять,
Расцвела природа.
Снова некого обнять
В это время года.

Скоро буду все равно
Лысым, как коленка.
Жизнь похожа на кино
Студии Довженко...

* * *

Мне нравятся приемщики посуды.
Бесстрастные, как идолы, они
Ощупывают грубыми руками
Бутылок горлышки, средь них
находят
Побитые иль импортные тотчас
И отставляют в сторону сурово.
На них халаты серые, как небо,
За ними возвышаются Нью-Йорки
Из ящиков, мерцающих стеклом.
Я с милой пил прекрасное вино,
Иль где-то на троих сообразили
Угрюмые пропойцы в подворотне —
Им все равно, приемщикам посуды.
Мне нравятся приемщики посуды —
Властители некрополей стеклянных,
Медлительные призраки похмелья,
Бесстрастные, как Вечный Судия.

СУМАСШЕДШИЙ

Прозвучал таинственно и нежно
На балконе голубиный стон.
В мантию закутавшись небрежно,
Император вышел на балкон.

Возле самодержца не стояли
Стражники с оружьем под полой.
С набережной узкого канала
Дворник помахал ему метлой.

И, как провинившиеся духи,
Медленно с уходом темноты
Расползались пьяницы и шлюхи
И в конец охрипшие коты.

Наступила утренняя свежесть —
День и ночь связующая нить.
Сумасшедший добрый
самодержец
На рассвете вышел покурить.

СМЕРТЬ СТАРОГО МАГА

Он умер, старый маг, последний
маг земли.
Смотрели молча дети и старухи,
Как гроб дешевый на плечах несли
Со стариком видавшиеся духи.

Два викинга в чешуйчатой броне,
Философ Ницше и писатель Гоголь,
И, следуя за ними в стороне,
Художник Рубенс нес венок убогий.

Теперь тому, кто стонет без любви,
Не будет утешенья ниоткуда.
Теперь тому, кто буднями забит,
Не будет даже маленького чуда.
Он умер, добрый маг, последний
маг земли.

НОЖ

Старик, исколесивший весь Восток,
За полтораста старыми деньгами
Мне продал удивительный клинок
И пить ушел неверными шагами.

То был японский потемневший нож
В изящных ножнах из змеиной
кожи.
Теперь его обратно не вернешь.
Как знать, быть может, стоил
он дороже?

Я этот нож ни разу не точил,
В нем видя вещь музейного
значенья,
И нес меня под сень иных светил
Извилистый поток воображенья.

Чей украшал он шелковый наряд?
Кому в глаза поблескивал недобро?
Чьей крови ощущал он аромат,
Когда влетал стремительно
под ребра?

Воды немало утекло с тех пор,
Переживал потери я похлеще.
Не жаль того, кто нож японский
спер...
Так что жалеть об антикварной
вещи?

* * *

Как золотые липы хороши
Меж зданьями Покровского бульвара!
Ко мне — я слышу запах перегара —
Подходят молодые алкаши:

«Папаша, где ближайший гастроном?» —
В их тоне слыша нотки уваженья,
Я объясняю местоположенье,
И вот они уходят за вином.

Стою, гляжу на липы, на закат.
Вот я уже для юношей папаша.
Как все же быстро жизнь проходит
наша,
И не поймешь, кто в этом виноват.

* * *

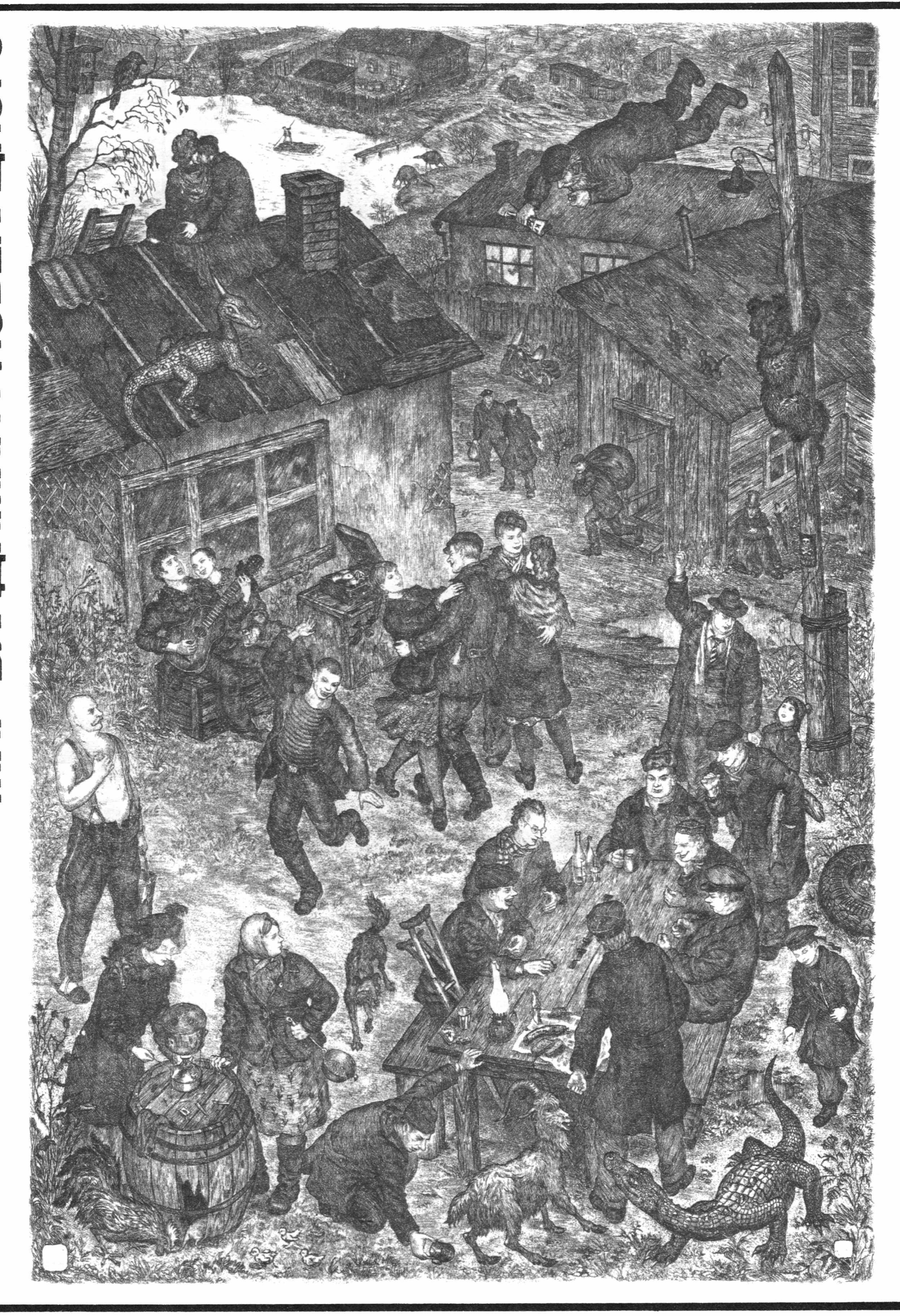
Когда заведут голоса непогоды
Тоскливую песню (в ней холод
и страх),
Ко мне обогреться заходят уроды
И шумно снимают галоши в сенях.

Я искренне рад посетителям
странным,
Поставлю им чаю, нарежу лимон,
Сажусь в их кругу за душистым
стаканом
И слушаю говор их,
смутный, как сон.

Даю посмотреть им гравюрные папки,
Любовно они разбирают листы,
Потом надевают промокшие шапки
И молча уходят в кромешную стынь.

Публикация Н. ГРИГОРЬЕВОЙ

МИР ВЛАДИМИРА КОВЕНАЦКОГО

СВИДЕТЕЛИ ОБВИНЕНИЯ

Александр ОРЛОВ

ПОСТОЯННЫЕ КОЗЫРИ СТАЛИНА

Этот процесс был первым в целой серии громких судебных процессов, направленных на уничтожение почти всех основателей большевистской партии и вождей Октября. Отныне убийство Кирова фигурировало на каждом крупном политическом процессе и каждый раз вменялось в вину все новым группам обвиняемых...

Невольно приходила на ум сталинская концепция «сладости мщения» — он высказал ее как будто в дружеской беседе с Каменевым и Дзержинским. Дело было летним вечером 1923 года, задолго до всех этих процессов. «Выискать врага,— будто бы откровенничал Сталин,— отработать каждую деталь удара, насладиться неотвратимостью мщения — и затем пойти отдыхать... Что может быть слаще этого?..»

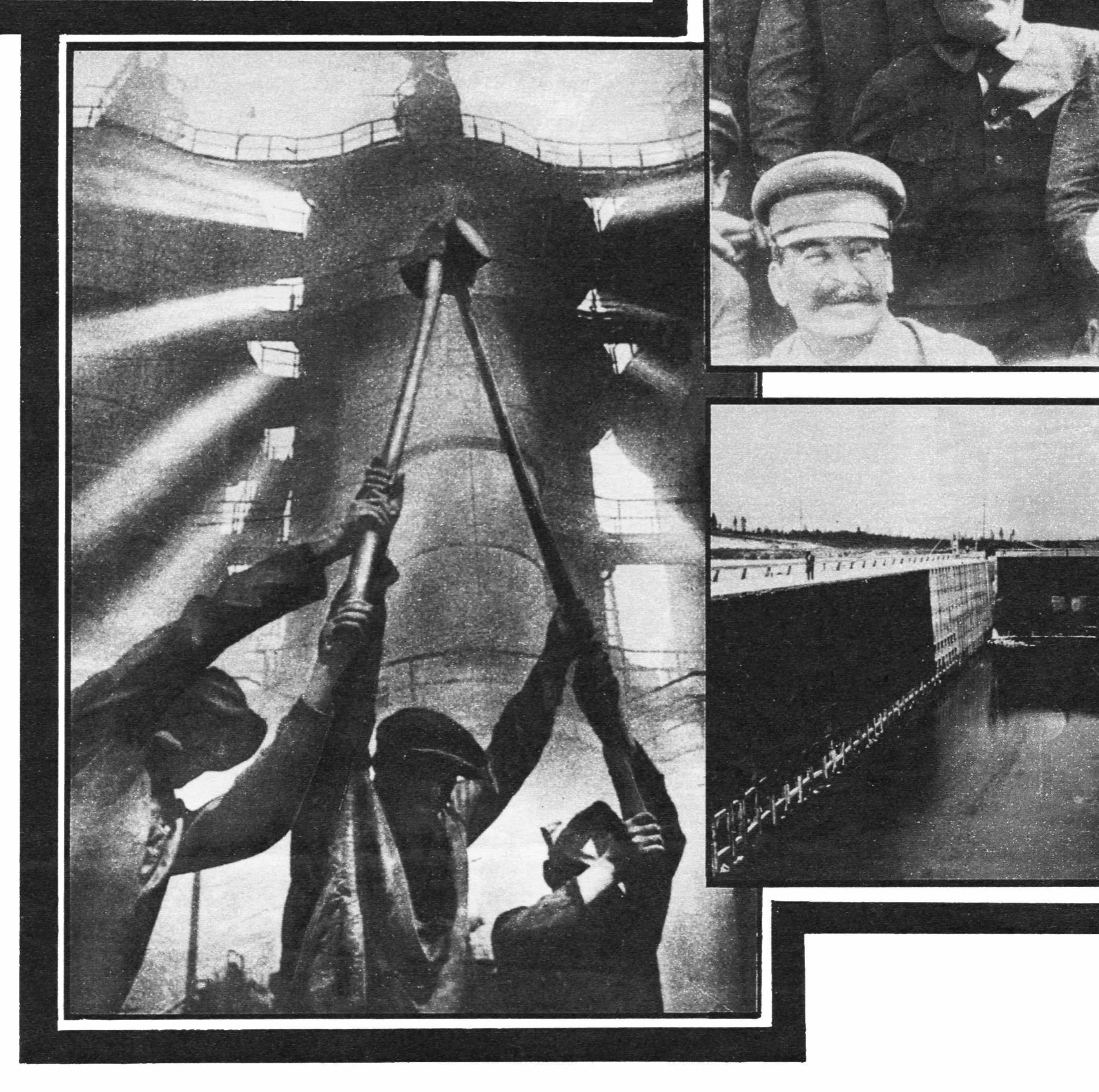
Бухарин, лучше, чем кто-либо другой, знавший Сталина-политика, тоже подчеркивал его чрезвычайно мстительный характер. Впрочем, главной сталинской чертой он считал неутолимую жажду власти. В 1928 году, когда Бухарин еще оставался членом Политбюро и главой Коминтерна, он как-то втихомолку, ночью, зашел повидаться с Каменевым, чтобы выразить тому свою поддержку в обстановке коварных сталинских интриг. Говоря с Каменевым, Бухарин охарактеризовал Сталина такими словами: «Он беспринципный интриган, все на свете подчиняющий своей жажде власти... Он всегда готов сменить свои взгляды, если считает, что это поможет ему избавиться от кого-либо из нас... Его интересует только власть. Пока что он, чтобы остаться у власти, делает нам уступки, но потом передушит нас всех... Сталин умеет только мстить, вечно держит кинжал за пазухой. Нам бы следовало помнить его мысль насчет «сладости мщения»!»

Свидетельство Бухарина тем более примечательно, что оно не предназначалось для митинга или собрания, не преследовало цели произвести впечатление, а было высказано с глазу на глаз человеку, который и сам достаточно хорошо знал Сталина.

Сталинское решение уничтожить большевистскую «старую гвардию» логически вытекало из всей истории его борьбы за власть. Он довольствовался ссылкой предводителей оппозиции в Сибирь и заключением их в лагерь лишь на то время, пока был занят укреплением режима собственной диктатуры. Как только эта цель оказалась достигнутой и он счел свое положение достаточно прочным, чтобы безнаказанно сжить со свету потенциальных соперников, они были уничтожены, покинув политическую арену окончательно и навсегда.

Убийство Кирова, которое Сталину было необходимо для обвинения и ликвидации старых большевиков, не случайно было запланировано им на 1934 год. В этом году страна как раз начала выкарабкиваться из глубокого кризиса, в который она была ввергнута авантюристическими сталинскими методами индустриализации и коллективизации. Кстати, мало кто знает сейчас, что идея такой коренной перестройки экономики первоначально принадлежала Троцкому. Тогда Сталин решительно выступал против нее. Дошло до того, что на заседании ЦК он заявил, что для советской России строить Днепрогэс — то же самое, как если бы русский деревенский мужик вознамерился купить граммофон вместо коровы. Однако в дальнейшем, объявив оппозиционеров вне закона, он изменил свое отношение к их идеям и, более того, начал выдавать их за свои. Притом, если Троцкий настаивал на постепенной коллективизации сельского хозяйства по мере того, как промышленность сможет поставлять машины, необходимые для эффективной работы крупных колхозов, Сталин решился провозгласить «сплошную коллективизацию». В этой области, как и во многих других, Сталин стремился выказать себя еще более последовательным и бескомпромиссным революционером, чем даже Троцкий!

Продолжение. См. «Огонек» № 46.

Действуя и здесь привычными методами террора и принуждения, Сталин отказывался признать ту простую истину, что кнут не заменит тракторов и комбайнов. Сопротивление крестьянства коллективизации поставило страну на грань экономической катастрофы; Сталин ответил массовыми репрессиями, которые, в свою очередь, вызвали в ряде областей настоящие восстания сельского населения. На Северном Кавказе и в некоторых областях Украины в их подавлении участвовали вооруженные силы, вплоть до военной авиации.

Впрочем, Красная Армия сама в значительной мере состояла из сыновей крестьян, которые понимали: в то время как они подавляют восстание в одной части страны, в другой ее части армейские подразделения точно так же брошены против их отцов и братьев. Неудивительно, что было много случаев перехода мелких подразделений армии на сторону восставших крестьян. На том же Северном Кавказе одна из авиационных эскадрилий отказалась вылететь на подавление восставших казачьих станиц. Она была немедленно расформирована, а половина ее личного состава расстреляна. Один из сталинских приспешников, Акулов, назначенный заместителем начальника ОГПУ, был вскоре снят как не обеспечивший своевременной помощи со стороны ОГПУ одному из полков, попавшему в окружение: восставшее казацкое население расправилось с этим полком, не оставив в живых ни одного человека. Фриновский, начальник погранвойск ОГПУ, отвечавший за подавление восстаний и проведение карательных операций, докладывал на заседании Политбюро, что в реках Северного Кавказа плывут по течению сотни трупов — так велики были потери воинских подразделений. Соответственно этому и восстания были подавлены с невероятной жестокостью. Десятки тысяч крестьян были расстреляны без суда, сотни тысяч — отправлены в ссылку, в сибирские и казахстанские концлагеря, где их ждала медленная смерть.

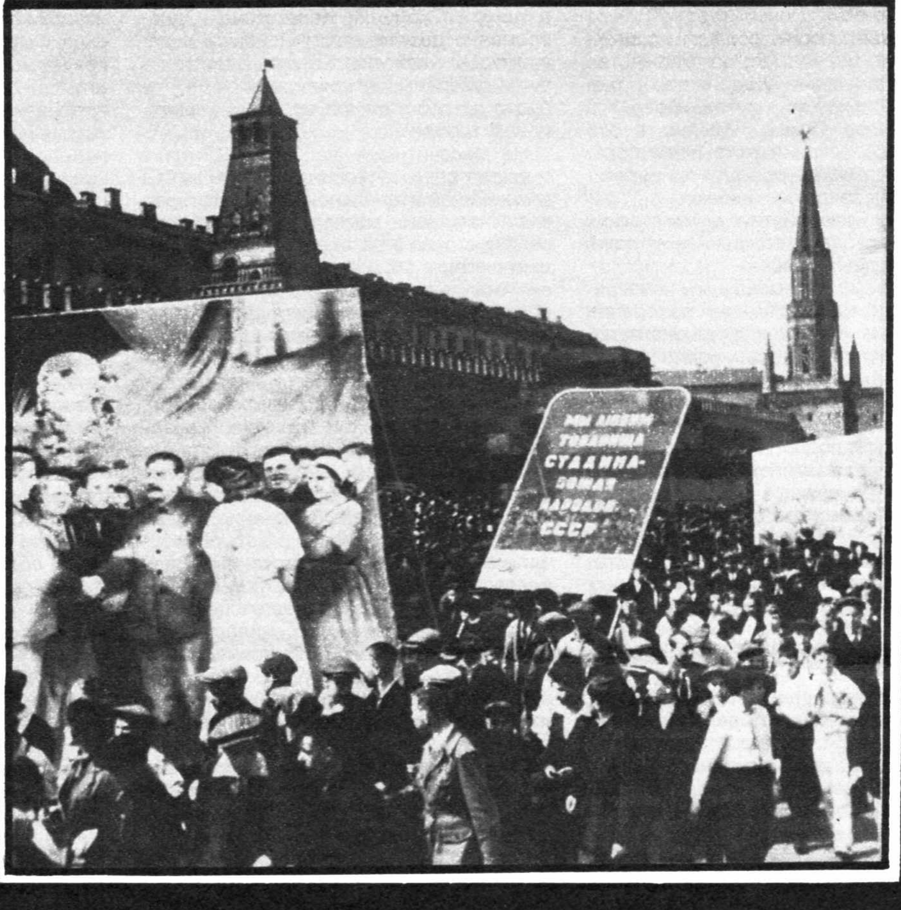
Еще одним следствием массовой коллективизации был голод, охвативший былую житницу Европы — Украину, а также Кубань, Поволжье и другие районы страны. Даже те иностранные журналисты, что обычно одобряли сталинскую политику, оценивали количество жертв голода в пять — семь миллионов человек. Согласно подсчетам ОГПУ, в докладе, предназначенном для Сталина, число умерших голодной смертью составляло 3,3—3,5 миллиона. Причиной этого страшного мора были не какие-то природные стихии, неподвластные человеку, а безумие и произвол диктатора, неспособного предвидеть последствия своих действий и равнодушного к страданиям народа. Пресса Запада справедливо окрестила это бедствие «организованным голодом».

По стране бродили сотни тысяч бездомных детей и подростков, чьи родители умерли с голоду, были расстреля-

ТАЙНАЯ ИСТОРИЯ СТАЛИНСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

ны или сосланы. Уделом детей стали попрошайничество и воровство. Для контроля за перемещениями взрослого населения была срочно введена паспортная система. Возникла сеть так называемых закрытых распределителей, снабжавших сталинскую бюрократию продовольствием и другими товарами в условиях всеобщего разорения и голода. Эти распределители еще больше увеличили ненависть народа к правящей клике и поддерживавшему ее слою. Привилегированные лица могли купить здесь за тот же самый советский рубль в 20—30 раз больше, чем рядовой гражданин в обычном магазине.

Советские газеты не отозвались на страшный голод, поразивший страну, ни единой строкой. Они были заполнены крикливыми сообщениями об успехах индустриализации и восхвалениями «мудрого и любимого» Сталина. Цензура ужесточилась до предела. Корреспондентам иностранной прессы было запрещено выезжать за пределы Москвы и ее окрестностей.

Сталинское руководство предприняло отчаянные усилия, чтобы создать впечатление некоего благосостояния хотя бы в столице — напоказ иностранным дипломатам и журналистам. Поезда с продовольствием, предназначенным для тех или иных областей страны, нередко «конфисковывались» по дороге: их заворачивали на Москву. Милиция выбивалась из сил, вылавливая бездомных детей, хватая их на улицах и отправляя в тюремные камеры. А в театрах как ни в чем не бывало ставились помпезные спектакли, и знаменитые балетные коллективы выступали с прежним блеском. Пир во время чумы!

В стране нарастало всеобщее озлобление против режима, захватившее уже и партийных активистов. Даже аппарат ОГПУ был деморализован сомнениями и страхом за будущее. Бывали дни, когда и Сталин не мог не чувствовать, как почва уходит у него из-под ног. С тревогой выслушивал он ежедневные доклады ОГПУ, где отмечались масштаб волнений в стране и оживление оппозиционных настроений среди партийной массы. В Высшей партийной школе ходили по рукам листки с изложением платформы троцкистов. В Горьковской школе политпросвещения и Московском désинституте распространялись копии ленинского «завещания», находившегося под запретом. На стенах заводских корпусов там и сям появились гневные надписи, направленные против Сталина.

Именно в эти критические дни, когда сталинская власть зашаталась, он, вероятно, и принял решение: если ему суждено пережить этот кризис и сохранить свою личную власть — в будущем следует избавиться от всех потенциальных соперников, которые сейчас злорадно ждут его падения.

Еще задолго до убийства Кирова Сталин с помощью разнообразных политических махинаций и «силовых приемов» освободил себя от какого бы то ни было контроля со стороны партийных масс. В 1924 году, после смерти Ленина, он при поддержке Зиновьева и Каменева, напуганных огромной популярностью Троцкого, объявил так называемый «ленинский призыв в партию». В результате масса рабочих и служащих, которые в первый, самый тяжкий, период революции держались в стороне от борьбы, хлынули теперь в партию, и партийцы, преданные революционным идеям, оказались разобщенными в пассивной среде новичков. В дальнейшем, на протяжении 1924—1936 годов, Сталин организовал одну за другой чистки партии, в ходе которых многие мыслящие и получившие боевую закалку коммунисты в условиях сталинского курса объявлялись ненадежными и лишались партбилетов. Вместо них в партию вовлекались советские служащие-бюрократы. В обмен на материальные блага и возможность карьеры они платили полным подчинением и готовы были выполнять любой приказ, исходивший сверху.

Особенно обескровили партию чистки, последовавшие за разгромом оппозиции. Внутрипартийные разногласия уже не разрешались путем дискуссий и голосования, как при Ленине, а пресекались карательными мерами ОГПУ. Малейшее проявление независимости со стороны члена партии оказывалось достаточным, чтобы лишить его партбилета и уволить с работы. Основным положительным качеством партийца стало слепое повиновение парткому, а не преданность программе партии, как прежде. В этих условиях большевистская партия, представлявшая собой при Ленине живой и мыслящий организм, постепенно деградировала до состояния бездушной машины, лишенной какого бы то ни было влияния на политическую жизнь страны.

Правда, несмотря на чистки, к 1934 году в партии все еще насчитывалось небольшое число старых большевиков, приспособившихся в той или иной степени к сталинскому режиму. Отстраненные от участия в политике, они со свойственной им энергией отдались участию в индустриализации страны и укреплению ее обороноспособности. Теперь пришло время убрать с дороги и этих людей, хорошо помнивших, что представляла собой партия при Ленине и Троцком, и понимавших, куда гнет Сталин в своей политике.

Чтобы от них избавиться, Сталин организовал в 1935 году, под предлогом проверки и обмена партийных билетов, новую чистку, которая с циничной откровенностью была направлена против старых членов партии. Парткомы возглавлялись теперь молодыми людьми, вступившими в партию лишь недавно. Многие из них только что пришли из аппарата ЦК, где занимали разные мелкие должности. Даже партком всего огромного ОГПУ возглавлялся в 1934 году совсем молодым, двадцатипятилетним человеком, неким Балаяном, вступившим в партию всего за год до этого. Именно Балаян организовал комиссию по чистке партии в Дзержинском районе Москвы, которая занималась исключением из партии старых большевиков с солидным дореволюционным тюремным и каторжным стажем.

Следующим шагом Сталина был роспуск Общества старых большевиков, последовавший в мае 1935 года. Это общество состояло из старых членов партии, активно занимавшихся подпольной революционной деятельностью при царском режиме и готовивших рабочий класс к революции. Ленин называл этих ветеранов «золотым фондом», партийные массы относились к ним с любовью и уважением, считая их «совестью партии».

Обществу старых большевиков принадлежало издательство с типографией, где печатались различные марксистские

стские труды и воспоминания членов Общества, воспроизводящие картины прошлого и участие старых большевиков в создании партии. Разумеется, в этих работах, которые были изданы по большей части еще при Ленине, имя Сталина почти не упоминалось. В то же время целые главы посвящались деятельности других выдающихся большевиков. Одного этого было достаточно, чтобы Сталин возненавидел ветеранов большевизма. Их труды являлись бы вечным опровержением тех выдуманных сталинских биографий, которые он счел необходимым заказать, дорвавшись до единоличной власти.

Члены Общества старых большевиков с негодованием следили за тем, с какой бесцеремонностью сталинские придворные «теоретики» искажают исторические события, выдумывают басни и не брезгуют даже прямой фальсификацией, чтобы состряпать для Сталина более впечатляющую биографию, представив его ближайшим сотрудником Ленина. Старые члены партии стали свидетелями запрета, наложенного на труды по истории партии, изданные при Ленине. Эти книги были заменены новыми, заполненными хвалой Сталину и клевещущими на других деятелей революции, которые на самом деле являлись неоспоримыми лидерами партии. Шло время. Сталинская жажда славы становилась все более неутомимой, так что приходилось изымать из обращения даже эти новые книги по истории партии. На смену им появлялись совершенно уж фантастические писания, где роль Сталина выпячивалась настолько, что оставляла в тени самого Ленина. Старые большевики не могли вычеркнуть из памяти того, что видели в свое время собственными глазами. Не желали они и зазубривать, как школьники, новые легенды, прославлявшие нынешнего диктатора. Этих стариков, проведших лучшие годы своей жизни в царских тюрьмах или в ссылке, Сталин не мог надеяться подкупить. Правда, немногие из них, сломленные житейскими невзгодами и опасающиеся за судьбу своих детей и внуков, скрепя сердце примкнули к сталинскому лагерю. Но остальные — подавляющее большинство — продолжали считать, что Сталин изменил делу революции. С горечью следили эти люди за торжествующей реакцией, уничтожавшей одно завоевание революции за другим.

После ареста и ссылки многих членов Общества старых большевиков, репрессированных за участие в оппозиции, оставшиеся на свободе замкнулись в себе. Они были бессильны противостоять сталинской тирании. Богатый политический опыт подсказывал им, что революции свойственны приливы и отливы. Теперь они втайне надеялись, что сталинскую реакцию сметет новая революционная волна. Пока что они помалкивали об этом. Но в обстановке сталинской диктатуры, делавшей восхваление вождя и его действий обязательным для всех, молчание рассматривалось как признак протеста. Кроме того, пока эти люди имели возможность встречаться в стенах своего Общества и обмениваться мнениями по поводу происходящего, Сталин не мог инсценировать судебные процессы и истреблять прежних руководителей большевистской партии.

После ликвидации Общества старых большевиков ветераны партии начали исчезать один за другим. Они переводились на разные должности в другие города, но лишь единицы достигли места назначения. Большинство были отправлены в Сибирь и бесследно исчезли.

Месяц спустя Сталин ликвидировал Общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев. Царская каторга, через которую прошли члены этого общества, означала приблизительно то же, что во Франции тех времен ссылка на Чертов остров. Сталин, как известно, не удостоился побывать в шкуре политкаторжанина.

Общество политкаторжан с 1921 года издавало журнал «Каторга и ссылка», посвященный истории царской тюрьмы, каторги и ссылки, а также истории революционного движения в России до 1917 года. Даже беглый просмотр вышедших номеров этого журнала позволяет установить знаменательный факт: все легендарные герои российского революционного движения, упоминаемые здесь и дожившие до сталинской тирании, были репрессированы. Заговорщиков, угрожавших царскому трону, Сталин счел теперь опасными для режима его собственной личной власти.

Ликвидация обоих обществ состоялась в тот период, когда множество других организаций продолжало существовать, широко субсидировалось и поощрялось свыше. Именно в эти годы по всей стране открылось большое количество клубов для привилегированной бюрократии: директоров промышленных предприятий, директорских жен, владельцев автомашин — и даже «Клуб западных танцев».

Угрозу своей власти Сталин усматривал не только со стороны ветеранов большевизма. Он опасался также молодого поколения, которое росло в затхлой атмосфере диктаторского режима. Ему было хорошо известно, что в царское время революционные партии вербовали в свои подпольные организации главным образом молодежь, всегда отличавшуюся повышенным чувством справедливости и нетерпимостью к любому гнету.

Сталин опасался молодежи в некотором смысле даже больше, чем старых членов партии. Этих он почти всех знал лично, знал их образ мыслей и их намерения. Каждый из них был занесен в «черный список» ЦК и находился под неусыпным надзором ОГПУ. Напротив, в подрастающей молодежи нелегко было разобраться, рассортировать ее и исключить революционизирующие элементы. А между тем в критический момент они могли превратиться в реальную угрозу для сталинской тирании. Поэтому Сталин вновь и вновь требовал от ОГПУ расширения сети осведомителей среди молодежи, особенно на промышленных предприятиях и в вузах.

Все его попытки контролировать молодежь с помощью комсомола и других массовых организаций потерпели неудачу. По всей стране стихийно возникали молодежные кружки, участники которых пытались найти ответ на политические вопросы, которые не полагалось задавать вслух. Не имея опыта какой бы то ни было нелегальной деятельности, их участники часто попадали в лапы НКВД.

Недовольство населения отражалось, конечно, и на комсомольцах, особенно происходящих из рабочей среды. Эту молодежь горько обижало явное неравенство, царящее кругом: полуголодное существование большинства и роскошная жизнь привилегированной бюрократической касты. Сыновья и дочери простых рабочих видели, как их сверстники, дети высоких чинов, назначаются на заманчивые должности в государственном аппарате, в то время как их самих эксплуатируют на тяжелых работах, где требуется ручной труд. Комсомольцам, завербованным на строительство московского метро, приходилось работать по десять часов в день, нередко по пояс в ледяной воде, а их сверстники из верхов в то же самое время раскатывали по Москве в лимузинах, принадлежащих их папашам. Безжалостная эксплуатация комсомольцев на строительстве метро привела к тому, что сразу восемьсот человек, бросив работу, направились как-то к зданию ЦК комсомола и швырнули там на пол комсомольские билеты, выкрикивая ругательства в адрес правительства. Это происшествие произвело большое впечатление на партийную верхушку. Сталин немедленно собрал на заседание членов Политбюро и потребовал созыва пленума Московского комитета партии для обсуждения этой первой в истории комсомола стачки.

Отсутствие свободы слова и суровое подавление любой критической мысли заставили комсомольцев организовывать нелегальные кружки для обсуждения волнующих вопросов. Реакция властей последовала без промедления: в 1935—1936 годах тысячи комсомольцев были арестованы и отправлены в лагеря Сибири и Казахстана. Одновременно десятки тысяч юношей и девушек, в чьей лояльности власти не были уверены, отправились туда же будто по собственной воле — «строить новые города».

Не рассчитывая на рабочий класс и другие слои населения, Сталин начал поиски иной социальной опоры, которая в случае чего могла бы поддержать режим его личной власти. Самым смелым шагом в этом направлении следует считать восстановление казачьих войск, упраздненных революцией.

В царское время казаки являлись оплотом трона и орудием подавления революционного движения в России. Казачьи войска составляли самостоятельную часть российской армии, пользовались особыми привилегиями и правом самоуправления. Их шефом был лично царь, а главнокомандующим считался наследник престола. В течение жизни многих поколений казаки с детства обучались военному делу, воспитывались в строго монархическом духе и были убежденными врагами революции. Реакционность казаков укоренилась в них столь глубоко, словно они принадлежали к какой-то особой расе. Карательные экспедиции, поручавшиеся казакам, топили в крови любую революционную вспышку.

После Октябрьской революции казачество, разумеется, примкнуло к контрреволюции. Из казаков состояли белые армии генералов Каледина и Краснова. Добровольческая армия белых на Дону, возглавляемая генералами Алексеевым и Корниловым, тоже была казачьей. Донские и кубанские казаки считались главной силой генерала Деникина. Оренбургские и уральские казаки образовали армию Дутова, сражавшуюся против красных. На протяжении трех лет гражданской войны казачество ожесточенно сражалось с Красной Армией, беспощадно убивало красноармейцев, попавших в плен, а также всех, кто мог быть заподозрен в симпатиях к Советской власти.

Теперь Сталин воскресил казачьи войска со всеми их привилегиями, включая казачью военную форму царского времени. Тот факт, что эта акция совпала по времени с разгоном обществ старых большевиков и политкаторжан, как нельзя более ярко свидетельствовал о характере сталинских перемен.

На праздновании годовщины ОГПУ, которое состоялось в декабре 1935 года в Большом театре, всех приглашенных поразило присутствие неподалеку от Сталина, в третьей от него ложе, группы казачьих старшин в вызывающей форме царского образца, с золотыми и серебряными аксельбантами. В их честь московский танцевальный ансамбль исполнил казачью пляску. Сталин и Орджоникидзе весело аплодировали. Взгляды присутствующих чаще устремлялись в сторону воскрешенных атаманов, чем на сцену. Бывший начальник ОГПУ, отбывавший когда-то каторгу, прошептал, обращаясь к сидевшим рядом коллегам: «Когда я на них смотрю, во мне вся кровь закипает! Ведь это их работа!» — и наклонил голову, чтобы те могли видеть шрам, оставшийся от удара казацкой шашкой».

Сталину казаки были нужны, как и царю, для подавления вспышек недовольства: более надежных исполнителей по этой части найти было трудно.

В сентябре 1935 года советские граждане с удивлением прочли в газетах правительственное постановление, которым в Красной Армии вводились звания, упраздненные Октябрьской революцией. До этого дня командиры Красной Армии различались по занимаемым должностям: «комроты», «комбат», «комполка» и т. д. Новое постановление восстанавливало почти полную иерархию прежних титулов. Командирские оклады были удвоены, огромные средства отпущены на строительство клубов, домов отдыха и жилых домов, предназначенных исключительно для командного состава. И это было только начало. В дальнейшем Сталин восстановил генеральские звания (хотя ранее народу прививалась — притом успешно — ненависть уже к самому слову «генерал») и военную форму, близкую к дореволюционной, вплоть до золотых и серебряных аксельбантов.

Введение особых воинских званий вкупе с новыми привилегиями для командиров ликвидировало последние остатки товарищеских отношений, сохранявшихся в армии еще со времен гражданской войны. Все это преследовало две цели: во-первых, дать командному составу Красной Армии реальные стимулы, которые заставили бы их защищать Советскую власть, а во-вторых, показать народу, что революция со всеми ее обещаниями кончилась и сталинский режим достиг полной стабильности...

МИСТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

Чудовищные обвинения, выдвинутые Сталиным против старых партийцев, ошеломили весь мир. Обвиняемые, представшие перед судами в Москве, пользовались известностью далеко за рубежами страны. Это были люди, вместе с Лениным и Троцким поднявшие массы российских трудящихся на величайшую социальную революцию и основавшие государство, подобного которому не знала история.

Что могло заставить этих выдающихся деятелей вдруг изменить своим идеалам, своей партии, рабочему классу и совершить ряд гнуснейших преступлений — таких, как шпионаж, предательство, подрыв советской промышленности, вплоть до массового убийства рабочих,— и все это ради единственной цели — восстановить в СССР капитализм?

Московские процессы поставили мир перед дилеммой: либо все товарищи и ближайшие помощники Ленина действительно превратились в изменников и фашистских шпионов, либо Сталин является небывалым фальсификатором и убийцей.

Замешательство, вызванное чудовищностью обвинений, еще более возросло, когда все обвиняемые признали свою вину в ходе публичного процесса. Еще более усилилось недоверие к подобному суду. Странное поведение обвиняемых на суде породило самые разнообразные предположения и догадки: будто бы они давали свои показания под действием гипноза, или показания были вырваны пытками, или же подсудимых пичкали специальными снадобьями, парализующими их волю. Только одно никому не приходило в голову: что Сталин прав и что старые товарищи Ленина сознавались в кошмарных преступлениях потому, что действительно совершили их.

Сталин, безусловно, понимал, что мир не поверит голословным заявлениям прокуратуры, будто основатели большевистской партии продались Гитлеру или японскому императору и старались восстановить в СССР капиталистические порядки. Поэтому естественно было бы ожидать, что он сделает все, что в его силах, чтобы только подкрепить обвинения хоть какими-нибудь объективными доказательствами. Тем не менее ни на одном из трех московских процессов государственный обвинитель не смог предъявить ни одного документа, доказывающего вину обвиняемых: ни конспиративного письма, ни шпионского донесения, ни хотя бы политической прокламации либо листовки.

Эта особенность московских процессов представлялась еще более странной, если вспомнить, что, согласно обвинительному заключению, масштаб заговора, инкриминированного подсудимым, был гигантским: он охватывал всю территорию Советского Союза, а его участники подозревались в нелегальных поездках в Германию, Францию, Данию, Норвегию, где якобы совещались относительно убийства руководителей Советского правительства и расчленения СССР. По всему Советскому Союзу были раскиданы десятки активно действующих террористических и диверсионных групп, которые будто бы совершали покушения на жизнь вождей, взрывали мины и выводили из строя целые промышленные предприятия. В общем, сотни человек в течение целых четырех лет подготавливали распад государства. Чем же объяснялся тот факт, что НКВД не сумел обнаружить ни единой бумажки или иного вещественного доказательства?

В беседе с несколькими иностранными писателями Сталин объяснил это так: обвиняемые — старые и опытные конспираторы — заранее уничтожили все документы, которые могли бы им повредить. Считая себя знатоком сыскной практики охранного отделения и современного НКВД, Сталин, вероятно, про себя посмеивался над наивностью собственного разъяснения, которое не выдерживало никакой критики.

Партийцы-подпольщики в царской России были не менее опытными конспираторами, чем обвиняемые на московских процессах. Вернее, на скамье подсудимых и до революции, и теперь, при Сталине, сидели одни и те же люди. Тем не менее полиция постоянно находила на их конспиративных квартирах массу документов, которые затем предъявлялись суду как вещественные доказательства их революционной деятельности. После Февральской революции в архивах охранного отделения были обнаружены сотни секретных партийных документов, включая письма самого Ленина.

НКВД, подобно дореволюционному охранному отделению, получал в свое распоряжение разного рода «зацепки» и документальные свидетельства с помощью агентов-провокаторов. Замечу, что в распоряжении НКВД было гораздо больше возможностей для вербовки секретных сотрудников, то есть осведомителей, чем у охранного отделения. Последнее, стремясь принудить революционера стать агентом-провокатором, не могло угрожать ему смертью в случае отказа. НКВД не только угрожал, но имел действительную возможность убивать строптивых, так как не нуждался в судебном приговоре. Дореволюционный департамент полиции мог отправить в ссылку самого революционера, однако не имел права сослать или подвергнуть преследованиям членов его семьи. НКВД такими правами обладал.

Когда Советское правительство опубликовало отчет о судебных заседаниях по первому процессу, западная пресса, с самого начала подозревавшая, что Сталин просто сводит счеты с бывшими лидерами оппозиции, подчеркнула тот факт, что суду не было представлено никаких объективных доказательств вины подсудимых. Реакция Запада встревожила Сталина, и он потребовал от государственного обвинителя Вышинского дать на следующем процессе публичное объяснение. И вот в своей речи на втором московском процессе, состоявшемся в январе 1937 года, Вышинский заявил:

— Приписываемые обвиняемым деяния ими совершены... Но какие существуют в нашем арсенале доказательства с точки зрения юридических требований?.. Можно поставить вопрос так: заговор, вы говорите, но где же у вас имеются документы?..

Я беру на себя смелость утверждать в согласии с основными требованиями науки уголовного процесса, что в делах о заговорах таких требований предъявлять нельзя.

Таким образом, сам государственный обвинитель с циничной откровенностью признал, что обвинение не располагало какими бы то ни было вещественными доказательствами вины подсудимых. У любого думающего человека не мог не возникнуть вопрос: если следователи не смогли предъявить арестованным никаких улик, что же заставило старых большевиков сознаться в преступлениях, которые по советским законам караются смертью?

Люди, севшие ныне на скамью подсудимых, не раз представали перед царскими судами и прекрасно ориентировались в основах уголовного законодательства. Они знали, что не обязаны доказывать свою невиновность, что, напротив, бремя доказательства возлагается на государственного обвинителя. Казалось бы, самым разумным для них было хранить молчание и ждать, пока расследование их «дела» не потерпит фиаско. Вместо этого подсудимые, к изумлению всего мира, единодушно сознавались во всех преступлениях, какие только им не приписывались. Этот необъяснимый феномен повторялся на всех трех московских процессах. Зная, что следственные органы не располагают ни малейшими уликами против них, арестованные партийцы из каких-то таинственных побуждений согласились обеспечить своих обвинителей единственным компрометирующим материалом, на котором вообще строились процессы,— своими собственными признаниями!

Вдобавок они делали это с такой готовностью, что юристам и психологам всего мира оставалось только ломать голову: что же происходит? На каждом из процессов подсудимые без малейшего колебания сознавались в самых чудовищных преступлениях. Они называли себя предателями социализма и пособниками фашистов. Они помогали прокурору подыскивать самые ядовитые и уничижительные эпитеты, нужные тому для характеристики их личности и деятельности... Они старались превзойти друг друга в самобичевании, объявляя себя самыми активными участниками заговора, главными виновниками. С необъяснимым усердием обвиняемые играли роль собственных обвинителей.

Нежелание старых большевиков даже пальцем пошевельнуть в свою защиту само по себе уже настораживало. Но еще более показателен такой факт: проявляя столь странное равнодушие к собственной защите, обвиняемые в то же время постоянно отстаивали правоту Сталина и его политику, оправдывая даже московские процессы, которые он затеял против них.

— Партия,— говорил Зиновьев в своем последнем слове,— видела, куда мы идем, и предостерегала нас. В одном из своих выступлений Сталин подчеркнул, что эти тенденции среди оппозиции могут привести к тому, что она захочет силой навязать партии свою волю... Но мы не внимали этим предупреждениям.

Подсудимый Каменев в последнем слове сказал:

— В третий раз я предстал перед пролетарским судом... Дважды мне сохранили жизнь. Но есть предел великодушию пролетариата, и мы дошли до этого предела.

Вот уж действительно необычайное явление! Очутившись на краю пропасти, под гнетом обвинения, старые большевики рвутся на помощь Сталину, вместо того чтобы спасать себя,— будто не им грозит смертная казнь. А ведь из простого чувства самосохранения они должны были хотя бы в последнем слове сделать отчаянную попытку защитить себя и спастись, а вместо этого они тратят последние минуты жизни на восхваление своего палача. Они заверяют окружающих, что он всегда был слишком терпелив и слишком великодушен по отношению к ним, так что теперь имеет право их уничтожить...

Оценивая их поведение, можно подумать, что каждым из них владело единственное непреодолимое желание: поскорее умереть. Но это не так. Они отчаянно боролись за жизнь, но не доказывая свою невиновность, как поступают обвиняемые перед настоящим, беспристрастным, справедливым судом, а лишь стремясь возможно более точно соблюсти уговор со Сталиным: оклеветать себя, восславить его...

Естественно, возникли предположения, что эти люди оклеветали себя, будучи подвергнуты пыткам, и что Сталин просто прикрывает судебной процедурой убийство ни в чем не повинных людей. Сталину было чрезвычайно важно рассеять такое впечатление. Но как? Если он попытается уверять, что старых партийцев не пытали, это лишь укрепит подозрение, что пытки всетаки были. И вот на двух последующих московских процессах не кто иной, как сами обвиняемые, встают и опровергают упорные слухи о том, будто к ним применялись пытки.

Например, Бухарин, выступая на третьем московском процессе, назвал «заграничными выдумками», будто он и другие подсудимые подвергались пыткам, воздействию гипноза и наркотических средств, «сказками и безусловно контрреволюционными баснями».

Интересно, кстати, было бы узнать, какими путями Бухарин проведал, что пишет о нем зарубежная пресса. Как известно, в Советском Союзе никто, даже и те граждане, что находились на свободе, не имели доступа к иностранным газетам, что же тут говорить о заключенных!

Обвиняемый на втором процессе Радек, славившийся остроумием, кажется, даже слегка переусердствовал в стремлении обелить сталинское следствие. Он сказал, выступая в зале суда:

— Два с половиной месяца я мучил следователя. Здесь поднимался вопрос, не мучили ли нас в ходе следствия. Я должен сказать, что со мной дело обстояло как раз наоборот: это я мучил следователя, а не он меня!

Что за парадокс: старые большевики были ужасно удручены тем, что мир сомневался в их виновности! Их прямотаки выводил из себя тот факт, что в других странах их продолжали считать порядочными людьми и жертвами сталинской инквизиции, а вовсе не шпионами, предателями и убийцами. Накануне того дня, когда по приказу своего заклятого врага им предстояло получить пулю в затылок, они беспокоились о том, как бы в мире не подумали, что Сталин — бесчестный обманщик, заставивший их клеветать на себя и друг на друга.

Одной из особенностей московских процессов явилось поразительное единомыслие, связывавшее обвиняемых, обвинителя и защиту. Все они стремились доказать, что подсудимые несут ответственность за любые бедствия, обрушившиеся на советский народ,— за голод, за частые железнодорожные катастрофы, за аварии на заводах и шахтах, сопровождавшиеся гибелью рабочих, за крестьянские восстания и даже за непомерный падеж скота,— в то время как Сталин, и никто кроме, является спасителем народа и «надеждой мира»...

Намечая сценарии судебных спектаклей, Сталин не смог сдержать своей страсти к самовосхвалению. Естественно, что ход этих процессов отразил симпатии и антипатии, чувства и мысли сценариста.

Вышинский соответственно уснащал свои обвинительные речи обильными дифирамбами «великому, гениальному, мудрому, любимому и дорогому Сталину», а одно из выступлений закончил так:

— Мы, наш народ, будем по-прежнему шагать по очищенной от последней нечисти и мерзости прошлого дороге во главе с нашим любимым вождем и учителем — великим Сталиным — вперед и вперед, к коммунизму!

Бухарин на суде восклицал: «Он (Сталин, разумеется.— **А. О.**) — надежда человечества! Он — зиждитель!» Другой подсудимый, Розенгольц, провозглашал: «Да здравствует партия большевиков с ее традициями энтузиазма, героизма, самопожертвования, которых нет нигде в мире, кроме как в нашей стране, идущей к светлому будущему под руководством Сталина!»

От прокурора и подсудимых не отставали и защитники: «Что же касается сталинского руководства, против которого была направлена эта борьба,— рассуждал защитник Коммодов,— ...170 миллионов заслонили своего вождя стеною любви, уважения и преданности, которую не сломить никому! Никому и никогда!»

И такую-то мешанину из всякого рода фальсификаций, пропаганды и саморекламы Сталин пытался выдать за объективный суд!

Каждый, кому привелось читать или хотя бы просматривать официальные стенограммы московских процессов, наверняка заметил, что все они направлены в первую очередь против Троцкого. Он был особенно ненавистен Сталину оттого, что с 1929 года Троцкий находился за границей, в изгнании, и был вне пределов досягаемости...

Задавшись целью представить Троцкого в качестве организатора и руководителя всего «контрреволюционного подполья», Сталин выдумал «нити заговора», тянущиеся в СССР из тех стран, где в разное время жил Троцкий,— Дании, Франции, Норвегии.

Сталин наметил два вида этих связей Троцкого с «контрреволюционным подпольем». Во-первых, Троцкий якобы ведет тайную переписку с руководителями этого подполья, находящимися в СССР. Во-вторых, они специально приезжают к нему из Советского Союза, чтобы отчитаться перед ним и получить новые директивы.

Мы уже знаем, что на московских процессах государственный обвинитель не смог предъявить ни строчки из «тайной переписки», хотя она шла якобы в течение нескольких лет. Тем более важно было доказать, что по крайней мере тайные свидания «заговорщиков» с Троцким действительно происходили, и не раз. Ради подкрепления этой вер-

сии руководство НКВД внушило троим обвиняемым — Гольцману, Пятакову и Ромму,— что им надлежит признать на суде, будто бы каждый из них в разное время встречался с Троцким за границей и получал от него директивы для подпольной организации. Показания этих обвиняемых сделались главным козырем обвинения и, как рассчитывал Сталин, должны были принести немалый эффект. Однако неожиданно для него выяснилось, что существенные детали этих встреч с Троцким не выдерживают критики. Это обстоятельство лишило всякого юридического смысла «признания» обвиняемых об их свиданиях с Троцким.

Промах, допущенный в этом вопросе Сталиным, объясняется просто. Дело в том, что Троцкий жил за границей с 1929 года, когда его выслали из СССР. Естественно, только там он и мог встречаться с «заговорщиками». Идея таких встреч казалась Сталину настолько соблазнительной, что он упустил из виду весьма немаловажное обстоятельство: власть НКВД на заграницу не распространялась, следовательно, там нельзя было пресечь проверку фактов и установление истины. В этих условиях юридический спектакль, основанный на мнимых свиданиях «заговорщиков» с Троцким, был сопряжен с большим риском.

Разоблачение сталинской выдумки в данном случае произошло так.

На первом из московских процессов подсудимый Гольцман признался, что, будучи послан со служебным поручением в Берлин в ноябре 1932 года, он тайно встретился там со Львом Седовым, сыном Троцкого, и по поручению одного из руководителей заговора (И. Н. Смирнова) передал ему для Троцкого некие отчет и шифр для дальнейшей связи. В ходе одной из следующих встреч Седов якобы предложил Гольцману съездить вместе с ним к Троцкому, жившему тогда в Копенгагене.

«Я согласился,— показывал Гольцман на суде,— но предупредил его, что по соображениям конспирации мы не должны ехать туда вдвоем. Я договорился с Седовым, что буду в Копенгагене через два или три дня, остановлюсь в гостинице «Бристоль» и там встречусь с ним. Я направился в гостиницу прямо с вокзала и в вестибюле встретил Седова. Около 10 часов утра мы отправились к Троцкому».

Гольцман признал, что Троцкий сказал ему: «...необходимо убрать Сталина... необходимо подобрать людей, пригодных для выполнения этого дела».

Когда признания Гольцмана были опубликованы в газетах, Троцкий объявил их ложными и тут же, через иностранную прессу, обратился к советскому трибуналу и государственному обвинителю Вышинскому с требованием: пусть они спросят Гольцмана, с каким паспортом и под каким именем он приезжал в Данию.

Вышинский, конечно, не задал Гольцману таких вопросов. Зная, что датские власти регистрируют имена и паспортные данные всех въезжающих в страну иностранцев, он боялся, что западные журналисты начнут наводить в Дании справки и вся эта история будет публично разоблачена как чистейшая выдумка. Между тем показания Гольцмана были существенно важны для процесса в целом: на них базировались обвинения, выдвинутые против остальных подсудимых. В обвинительном заключении было сказано (и в дальнейшем подтверждено еще раз в тексте приговора), что подсудимые были намечены как исполнители террористических актов согласно директивам, полученным в Копенгагене от Троцкого именно Гольцманом.

Трибунал приговорил всех подсудимых, в том числе и Гольцмана, к расстрелу. 25 августа 1936 года, на следующий день после вынесения приговора, он был приведен в исполнение. «Мертвый не скажет»,— гласит известная пословица. Сталин и Вышинский полагали, что их судебный спектакль теперь уж никогда не будет разоблачен. Однако они просчитались.

1 сентября (не прошло и недели после расстрела «заговорщиков»!) газета «Социалдемократен», официальный орган датского правительства, опубликовала сенсационное сообщение: гостиница «Бристоль», где якобы в 1932 году происходила встреча Седова с Гольцманом и откуда оба они, по свидетельству Гольцмана, направились на квартиру Троцкого, была в действительности закрыта в связи со сносом здания еще в 1917 году.

Мировая пресса немедленно подхватила сенсацию. Со всех сторон, от врагов и недоумевающих друзей, в Москву потекли запросы: как же так? Сталин хранил молчание.

В США под председательством известного философа Джона Дьюи была образована комиссия по расследованию обвинений, выдвинутых Москвой против Троцкого. Тщательно изучив факты, касающиеся «копенгагенского эпизода», она пришла к таким выводам:

«Общеизвестно и доказано, что в Копенгагене в 1932 году гостиницы «Бристоль» не существовало. Очевидно, таким образом, что Гольцман не мог встретиться с Седовым в этой гостинице. Тем не менее он ясно заявил: он уговорился с Седовым, что «остановится» в этой гостинице и встретится с ним именно здесь, и такая встреча действительно состоялась в вестибюле этой гостиницы...

Таким образом, мы вправе считать установленным: ...что Гольцман не встретился здесь с Седовым и не направился с ним к Троцкому; что Гольцман не виделся с Троцким в Копенгагене».

Помимо разоблачения «показаний» Гольцмана, комиссия абсолютно точно установила, что Седова вообще не было и не могло быть в Копенгагене в период с 23 ноября по 2 декабря 1932 года, то есть в дни, когда здесь находился Троцкий. Редко случается, чтобы частная комиссия, не облеченная государственной властью, не имея доступа к правительственным источникам информации и не нанимая специальных агентов, оказалась в состоянии собрать такое количество бесспорных доказательств — свидетельских показаний и документов,— как это удалось сделать комиссии Дьюи, в частности по вопросу о встрече Седов — Гольцман. Я приведу всего два примера таких свидетельств.

Во-первых, это зачетная книжка Седова, бывшего в то время студентом Высшей технической школы в Берлине, экзаменационные листы с подписями и печатями этой школы и подписями преподавателей, журнал посещаемости занятий с датами и подписями — все эти документы однозначно свидетельствуют, что в те дни, когда Троцкий находился в Копенгагене, его сын сдавал экзамены в Берлине.

Во-вторых, личная переписка Седова с родителями, не оставляющая сомнений в том, что с 23 ноября по 3 декабря 1932 года он находился именно в Берлине. Так, в одном из писем, адресованном родителям накануне их отъезда из Дании, он пишет:

«Дорогие мои, еще около полутора суток вы будете всего в нескольких часах езды от Берлина, но я не смогу приехать повидать вас! Немцы не дали мне разрешения продлить мое пребывание здесь, а без него я не получу датской визы, да если б и получил — не смог бы вернуться в Берлин».

Еще более выразительным свидетельством является открытка, посланная Седовой-Троцкой сыну из датского порта Эльсберг в день отъезда из Дании. В этой открытке с почтовым штампом «Эльсберг, 3 дек. 32» Седова-Троцкая с огорчением пишет, что им не удалось повидаться перед отъездом, и кончает такими словами: «Я все еще надеюсь, что произойдет чудо — и мы увидимся с тобой здесь».

Продолжение следует.

ПО КОМ... КОЛО...

МИЛОСЕРДИЕ, СОСТРАДАНИЕ, БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ — ЭТИ СЛОВА ВСЕ ПРОЧНЕЕ ВХОДЯТ В ЛЕКСИКОН НАШЕЙ КАЖДОДНЕВНОЙ ЖИЗНИ. СТРАНА ВОЗВРАЩАЕТСЯ К ИСТОКАМ ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ, МУЧИТЕЛЬНО ВОССТАНАВЛИВАЯ ТО, ЧТО РАЗРУШАЛОСЬ ДЕСЯТИЛЕТИЯМИ. НО ЛЕГКО ЛИ БЫТЬ МИЛОСЕРДНЫМ СЕГОДНЯ? МОЖЕТ ЛИ ЗАНИМАТЬСЯ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬЮ НУЖДАЮЩИЙСЯ В ЭЛЕМЕНТАРНОМ? УСЛЫШИТ ЛИ ОН ЗОВ СТРАЖДУЩЕГО?

Майра САЛЫКОВА,
фото
Марка ШТЕЙНБОКА

На эти вопросы нам придется искать ответы не потом, а сейчас — слишком долго ждали они своего разрешения. И не отмахнуться от них, мол, перестроим все, наступит наконец благоденствие в нашей стране, тогда и до милосердия очередь дойдет. Творить добро сегодня. Насколько это возможно в стране, находящейся в глубоком экономическом кризисе? Ведь этот кризис означает, что положение людей, находящихся за красной чертой уровня жизни, становится с каждым днем все отчаяннее и безысходней.

«Милосердие, экология, красота» — так назывался благотворительный фестиваль, организованный Союзом театральных деятелей РСФСР, Всесоюзным фондом милосердия и здоровья, Госконцертом СССР и ЦК ВЛКСМ. Фестиваль начался в Москве 16 мая в Большом театре Союза ССР концертом, в котором приняли участие крупнейшие деятели искусства, общественные, политические, религиозные деятели. Весь сбор от концерта поступил в Фонд помощи инвалидам. В начале июня продолжением этой акции должны были стать концерты в городах Приднепровья. Предполагалось получить благотворительный сбор в размере полутора миллионов рублей и перечислить эти деньги в фонд строящегося завода инвалидных колясок в городе Ставрово Владимирской области.

Казалось, что эта долговременная всесоюзная акция доброты и милосердия будет поддержана всеми. Но, к сожалению, слова народного депутата СССР Михаила Ульянова, произнесенные им на пресс-конференции, посвященной началу акции: «Самому можно стать инвалидом, пока продерешься через джунгли всевозможных согласований, улаживаний и протискиваний» — во многом отразили ход фестиваля в украинских городах.

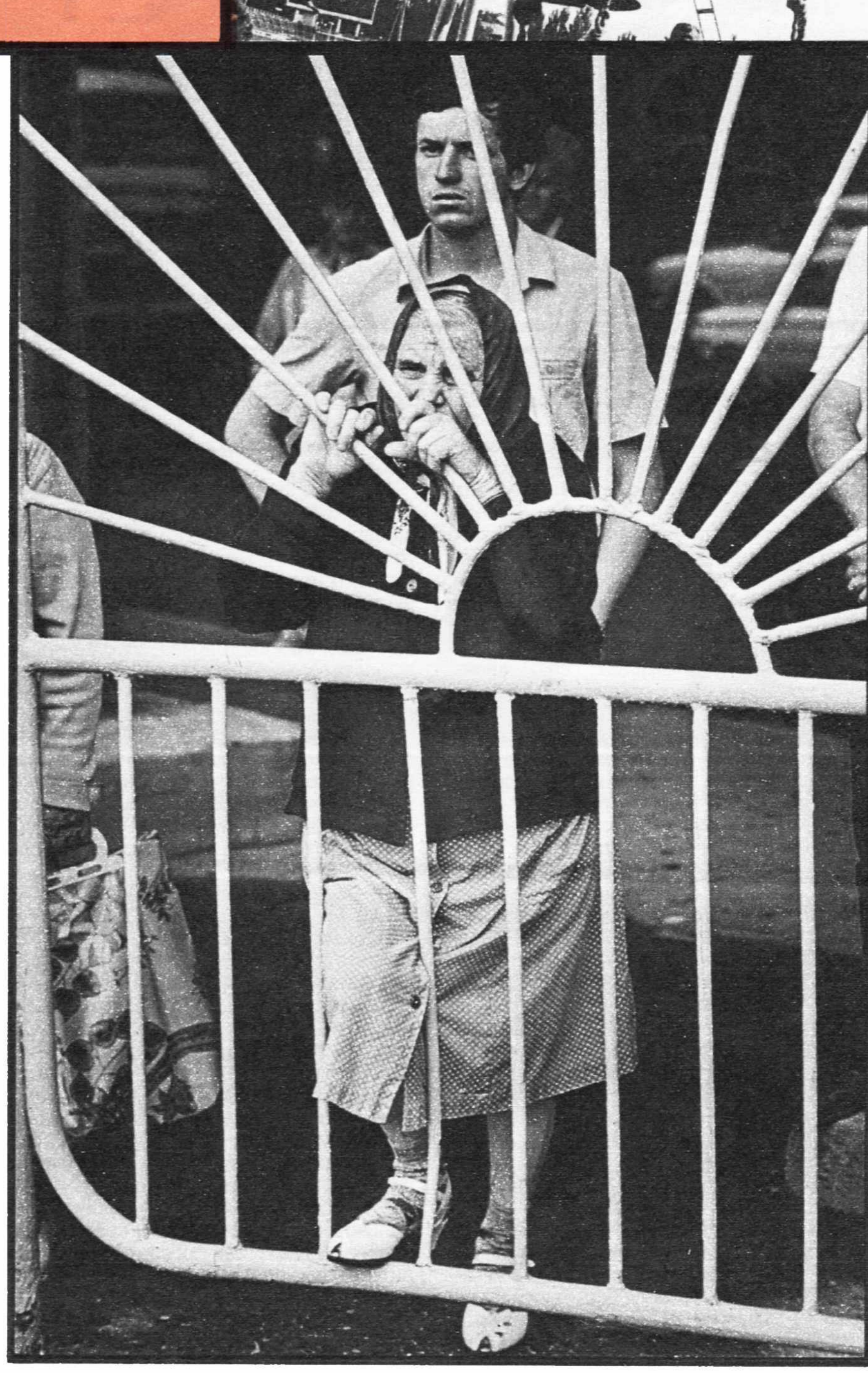
Все участники действия собрались в столице Украины, где их ждал специально зафрахтованный для этой акции теплоход «В. И. Ленин». Загрузившись, теплоход двинулся вниз по Днепру. Артисты готовились выступить в Черкассах и перевести сбор от первого концерта в фонд помощи пострадавшим в катастрофе под Уфой. Весть о страшной трагедии застала артистов в пути. Но концерты не состоялись ни в Черкассах, ни в Кировограде, ни в Полтаве.

Когда мы прибыли на фестиваль, теплоход стоял в порту Днепропетровска. Там нам сообщили, что первый концерт состоялся только в Кременчуге. Только один из двух запланированных. Такая картина повторилась затем почти во всех городах. Если концерты не срывались, то проходило их в два раза меньше. Устроителям и участникам акции была отправлена телеграмма на Съезд народных депутатов. Суть послания: из-за бойкотирования и непонимания местными властями значения благотворительной акции срывается проведение Всесоюзного фестиваля «Милосердие, экология, красота». Но положение во многом

ЗВОНЯТ

КОЛА?

осталось прежним, хоть в некоторых городах к фестивалю отнеслись более доброжелательно. Особый успех имели концерты в Одессе.

Заключительные выступления в Киеве тоже прошли с успехом. Сделали свое дело реклама, пресса, телевидение. Прибавило зрителей на стадионах и участие в фестивале Аллы Пугачевой. Но и здесь не обошлось без сбоя — киевская милиция за обслуживание фестиваля на стадионе потребовала плату в 50 тысяч рублей. Правда, в результате переговоров была назначена цифра пониже, но сам факт выбивания десятков тысяч рублей с акции, рассчитанной на помощь инвалидам...

Одним из организаторов фестиваля и активным его участником был священник Марк Смирнов. Впервые в нашей стране священник обратился к многотысячной аудитории стадионов с речью — проповедью о благородных целях фестиваля, о дефиците добра и сострадания к ближнему. Его выступление происходило в музыкальном обрамлении хора певчих московских православных храмов. Весь фестиваль буквально купался в чарующих звуках колокольного звона — прямо на зеленом поле стадиона была установлена станина с колоколами. Исполняли музыку артисты из ансамбля «Звонница Петропавловской крепости».

Священник Марк Смирнов поделился своими мыслями о ходе фестиваля: «Долгое время в нашей стране забота о несчастных, больных, обездоленных целиком возлагалась на государство. Считалось, что проблема целиком решена. А на деле получилось, что этих людей просто устраняли из общества. И в результате пришли к страшным последствиям. Здесь на Украине мы, к сожалению, имеем дело с плохо налаженной рекламой. Люди не получают надлежащую информацию о концертах. А местные власти подчас с опаской смотрят на участие в концертах представителей религиозных кругов. Думаю, что все трудности, которые мы тут испытываем,— еще не преодоленные остатки прежней застойной жизни, и в будущем они должны исчезнуть».

В концертах принимал участие специально приехавший для этого из Америки певец Михаил Александрович. Тот самый Александрович — кумир поколения наших отцов, выдающийся тенор, вписавший знаменательную страницу в историю отечественного песенного искусства. Ему уже за семьдесят, но приятно отметить, что он был одним из немногих артистов, певших на стадионе не под фонограмму. Узнав, что я из «Огонька», оживился и сказал: «Если можно, я хочу поблагодарить журнал за публикацию обо мне. Это было летом 1946 года. Я тогда уже вернулся с фронта. Что такое мой нынешний приезд в Советский Союз? Отвечу одной еврейской поговоркой: «Если бог захочет, то может выстрелить и метла». Мой приезд — это выстрел той самой метлы. Я благодарю бога, что он дал мне возможность дожить до этого дня. Здесь осталось мое сердце. Все, что подразумеваю под этим, не может уехать в эмиграцию — это остается. Мое участие в благотворительном концерте — счастье для меня. И то, что мне довелось увидеть воочию выступление православного священника перед стадионами и выступление превосходных музыкантов из хора певчих московских храмов,— величайшее достижение происходящих у вас перемен».

К сожалению, несколькими днями позже произошло еще одно досадное недоразумение. В Николаеве Александровичу не только не дали выступить в концерте, но и просто сойти с теплохода, чтобы позвонить дочери в Мюнхен. Мотивация была простой — Николаев закрытый город, иностранцам без специального пропуска его посещать нельзя. Стадион, на котором проходило выступление, был всего в пятистах метрах от речпорта. Думаю, что старый человек, выдающийся артист, специально приехавший к нам для участия в фестивале, вряд ли мог нанести урон обороноспособности нашей страны. Его письмо об этом инциденте, опубликованное в «Советской культуре», полно горечи и обиды.

Да, благотворительная деятельность в нашей стране в настоящий период — это тяжелый крест для тех, кто этим занимается. И выравниваться, и приобретать цивилизованные черты благотворительная деятельность будет по мере оздоровления отечественной экономики. Случится это, судя по всему, еще не скоро. Именно поэтому начинания тех, кто делает это доброе дело сегодня, трудно переоценить.

Благотворительный фестиваль продолжает свое шествие по стране. Прошло несколько концертов в Москве, намечаются выступления в российских городах, других регионах.

Кому-то кажется, что все это не ко времени, что не это главное в свете происходящих в стране перемен. Но, может быть, потом, в будущем, вдруг окажется, что именно этот процесс гуманизации общественного сознания в тяжелейшие для страны годы станет самым главным нашим приобретением.

И как бы ни тяжел был крест идущих впереди, тем не менее...

Александр КАМЕНСКИЙ

100 ЛЕТ РУССКОГО ИСКУССТВА

Жгучий, напряженный интерес к истории, далекой и близкой, составляет, пожалуй, наиболее характерный и устойчивый признак духовной жизни России последних лет. Удивляться тут нечему: этот «диалог с прошлым» порожден острой жаждой самопознания культуры, которая на протяжении нескольких десятилетий была резко ограничена и усечена в своих возможностях.

Область изобразительного искусства претерпела, наверное, больше всех. Едва ли не полвека строжайший запрет отторгал от зрителей и даже от специалистов не только отдельные имена, но целые направления творчества художников, совершенно искажая реальную картину истории искусства Запада и России. Современность втискивали в архаическую стилистику салонно-академического плана: она более всего отвечала вкусам и нравам административно-бюрократической системы. Чтобы отыскать органичный художественный метод для изображения нынешней жизни, приходится заново пересматривать, переоценивать, восстанавливать в правах действительное прошлое национального искусства.

Процесс идет бурно, стремительно, но несколько стихийно. В недавние сезоны подлинным откровением для зрителей оказались персональные выставки таких мастеров, как В. Кандинский, К. Малевич, А. Лентулов, П. Филонов, М. Шагал, А. Экстер, с творчеством которых связаны образно-философские и стилевые открытия. Тогда же Третьяковская галерея и Русский музей поновому показали в своих экспозициях искусство 20—30-х годов во всех его ипостасях и разновидностях.

Теперь настала пора еще более широких и значительных концепций. Чтобы, проходя по выставочным залам, объединяя разрозненные факты, биографии, периоды, можно было увидеть и понять общую логику развития русского изобразительного искусства XX века.

Такие выставки, если иметь в виду хотя бы относительную полноту материала, еще впереди. Но первый, эскизный, подступ к ним уже состоялся. О таком событии и хотелось бы рассказать в этой статье.

Выставка называется «Сто лет русского искусства. 1889—1989». Она — так уж случилось — впервые была экспонирована в Лондоне. Я увидел ее в Оксфорде, где экспозиция заняла все залы тамошнего Музея современного искусства. Зрелище выразительное и эффектное и вдобавок пленяющее своей новизной не только жителей английского университетского города, что было бы естественно, но и посетителя из России.

Дело в том, что все экспонаты извлечены из частных собраний Москвы и Ленинграда. Подбор осуществили советский искусствовед Валерий Дудаков и директор упомянутого оксфордского музея Дэвид Эллиот. Предварительная работа была огромной и тщательной. И с благословения Советского Фонда культуры, а также при щедрой помощи Благотворительного фонда Оппенгеймера выставка начала свою жизнь. Со временем она будет показана в Москве.

Тут, конечно, напрашиваются слова благодарности и в адрес частных собирателей. Было время, к ним относились раздраженно и подозрительно, ведь они оказывались неподвластны жесткому контролю аппарата. Он, естественно, гневался, и не зря. Теперь стало очевидным, что многолетняя увлеченная и часто самоотверженная деятельность частных собирателей была формой социальной самозащиты нашей культуры. Коллекционеры в трудную пору приобрели и сохранили произведения художников, которые зачастую совершенно не пользовались официальным признанием и могли быть попросту утрачены. Особенно это относится к «левому» и «авангардному» искусству, широко представленному на выставке.

Однако ее материал не ограничен каким-то одним художественным направлением или признаком недавней «запретности». В том-то и состоит самая глубокая и сокровенная идея экспозиции, чтобы показать органичность развития российского изобразительного искусства XX века, в котором внутренне связаны многие течения, весьма и весьма различные по своим стилевым свойствам. Менялись приемы и средства построения образа и формы, но духовная энергия, масштабность цели, высокий поэтический строй сохранялись всегда, направляя искания наиболее талантливых мастеров. Только глубоко и четко понимая это, можно было пойти на известный риск, расположив по соседству «старую» русскую классику рубежа XIX—XX веков и острые эксперименты более позднего времени. И что же? Разница, конечно, видна, но глубинное родство разных исторических этапов и ответвлений национальной школы еще более очевидно.

Выставку нужно посмотреть несколько раз, сравнивая и сопоставляя экспонаты, и тогда убеждаешься в том, что лучшим, пусть разнохарактерным образцам русской художественной школы упомянутого времени свойственно вечное стремление добираться «до основанья, до корней, до сердцевины». Иллюстративность, неразмышляющая описательность чужда этой традиции, она полна искательных стремлений, желания показать сокровенное и наиболее существенное.

Конечно, например, Виктор Васнецов — «старомузейный» мастер, а ведь созданный им еще в 80-х годах прошлого века этюд «Иван Грозный» с его суровым ликом полон такой яростной экспрессии, столь явственно соприкасается с драмой русской истории, что понимаешь, на какой почве впоследствии вырастала и складывалась трагедийная направленность многих произведений национального искусства.

И «Избы» Исаака Левитана (1899) с их мягкой печалью угасающих сумерек — это не только проникновенно-лирический набросок, но определенная «тональность» восприятия русской природы, которая в этой экспозиции воспринимается как предвестие будущих условно-ассоциативных решений той же темы.

Произведения блестяще представленного тут Константина Коровина (особенно хорош и выразителен «Женский портрет» 1915 года) доказывают, что русский импрессионизм вовсе не был случайным эпизодом в истории отечественного искусства, как это иногда говорят. То открытие чувственной красоты мира, неповторимости каждого мгновения жизни, неисчерпаемой пластической выразительности окружающей нас пейзажной и предметной среды, которое совершил Коровин, буквально «промыло глаза» живописцам России, обогатило и просветлило их палитру, став одной из отправных точек новой художественной эпохи.

Ну, а Михаил Врубель был не только ее провозвестником, но и в известном смысле родоначальником. Хотя на выставке этот великий мастер представлен скромно, но и в графическом эскизе «Поверженного демона» (ок. 1900) есть такая поразительная сила духовности, такая смелость кристаллического построения формы, что становится ясно, из какого источника черпали силы многие направления поисков и экспериментов в русском искусстве XX века.

От Врубеля прямой путь к русскому символизму. Но одновременно с ним, хотя и в ином творческом ключе, развивалась деятельность мастеров знаменитого объединения «Мир искусства». Они стремились увидеть свою страну, отечественную и иноземную историю, наконец, современную личность в динамике времени, в масштабе всего мира. Это породило создание своеобразного жанра исторических пейзажей, своего рода фантазий на темы жизни различных эпох. Представленный на выставке «Версаль» Александра Бенуа (1906) — один из великолепных образцов этого жанра. Перед нами видение далекой поры Людовика XIV, несколько меланхоличное, но в нем любование классической строгостью форм и линий дворца, садового ансамбля, скульптур. Это один из вариантов мирискуснического чувства прекрасного. Хотя чаще оно связывается с национальной русской тематикой, как, например, во входящем в экспозицию «Светлом празднике» Бориса Кустодиева (1909), с его разгульным весельем, масленичными каруселями, лихими повозками.

«Мир искусства», можно сказать, изначально и природно был связан с театральным началом. Я имею в виду не только прямую работу художников объединения для сцены (об этом нам не так давно с блеском поведала выставка в Государственном музее изобразительных искусств имени Пушкина шедевров русских театральных художников из собрания Лобановых-Ростовских). Но игровые, зрелищные черты вообще присущи большинству работ мирискусников, которые любое событие чаще всего трактуют как своего рода театральную мизансцену, видят в жизни нескончаемый спектакль. Эти особенности мирискуснической живописи искрометно отражены на выставке в картинах Николая Сапунова и Сергея Судейкина. «Танец» Сапунова (1912) — кругообразная, несколько странная и таинственная феерия, погруженная в сложное красочное марево, где отдельные острые удары цвета вспыхивают, как блуждающие огни. Неверный, призрачный мир лицедейства предстает в «Кабаре» Судейкина, где как бы стерлись грани между маскарадом и реальностью.

Конечно же, в картинах этих двух художников наряду с мирискуснической театрализацией действия звучат и мотивы русского символизма, которому была так свойственна «двойственность» — идея обманчивости, зыбкости непосредственно зримых, «натурных» впечатлений и высшей истинности невидимого, сокровенного, подразумеваемого.

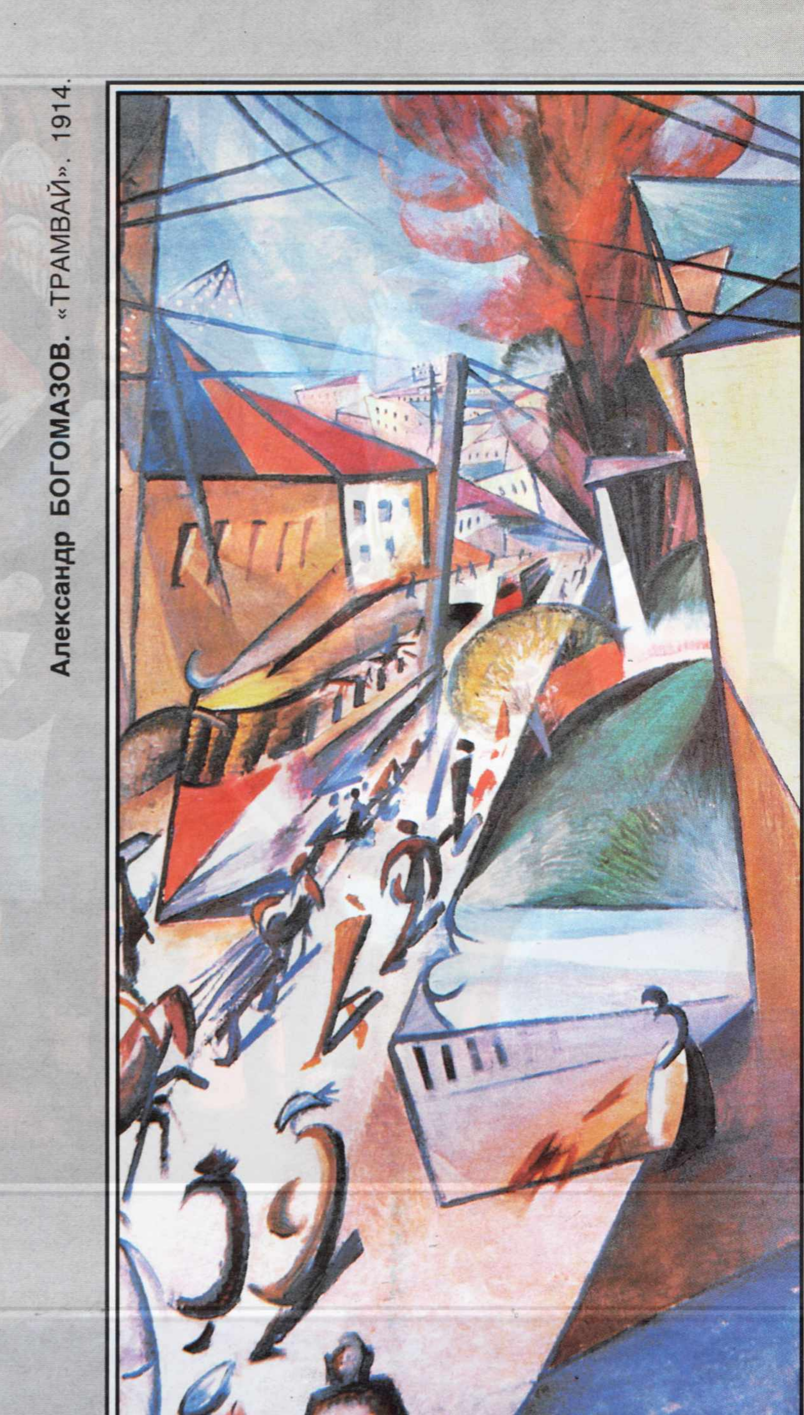
Русский символизм представлен на выставке во множестве оттенков и вариантов. «Женщина на веранде» Виктора Борисова-Мусатова (1900) — образец раннего символизма. Здесь действие с элегической мечтательностью переносится в некое смутное прошлое, о котором современник размышляет с грустью и неясной, хрупкой надеждой.

Это тяготение к неведомому и таинственному счастью было подхвачено мастерами, которые впервые завоевали известность своим участием на выставке 1907 года «Голубая роза». В их произведениях всегда есть отдельные черты реальности, но они включены в свободные фантазии идеально-сча-

Кузьма **ПЕТРОВ-ВОДКИН.** «НАТЮРМОРТ СО СКРИПКОЙ». 1921.

Павел **ФИЛОНОВ.** «ЗА СТОЛОМ» («ПАСХА»). 1912—1913.

Наталья **ГОНЧАРОВА.** «ИСПАНКА». 1916.

Александр **БОГОМАЗОВ.** «ТРАМВАЙ». 1914.

Аристарх **ЛЕНТУЛОВ.**
«МИР, ТОРЖЕСТВО, ОСВОБОЖДЕНИЕ». 1917.

стливого мира. Образные решения всякий раз неожиданны и оригинальны. Скажем, Мартирос Сарьян начинал как автор картин-легенд, сказаний о воплощенном рае, обретшем черты узорно-орнаментального Востока; одно из произведений такого рода было показано в Оксфорде («Пейзаж с горным козлом», 1907). Павел Кузнецов, начинавший со смутных, томительных видений, позже создает идиллии спокойного, светлого мира, где происходит гармоничное слияние человека с природой («Стрижка баранов», 1912—1913); это, конечно, не натурные жанры, но романтические мечтания, которым придается видимость конкретных сцен жизни.

Русский символизм многолик. Кузьма Петров-Водкин во многом далек от «голуборозовцев», но всегда был привержен к поэтическим иносказаниям. Включенная в оксфордскую экспозицию «Монументальная голова» (1911) сочетает идущий от иконописи локальный цвет и современную остроту духовности, как бы вознесенную над всем суетным и повседневным. Такого рода многосложность будет свойственна живописи Петрова-Водкина и много позже. На выставке невольно сопоставляешь это произведение и его же «Натюрморт со скрипкой» (1921). Художник употребил здесь свою любимую «сферическую перспективу», которая делает картинную плоскость фрагментом вселенной. Скрипка и лежащие рядом с ней ноты концерта Баха как бы плывут в безбрежном пространстве, откликаясь на «музыку сфер» и вторя ей.

Иных из великанов русского искусства начала XX века трудно с какой-то однозначностью отнести к тому или иному направлению. Но рядом с символизмом естественно поставить некоторых корифеев, например, Павла Филонова. На выставке он был представлен мало кому известной картиной «За столом» («Пасха») 1912—1913 годов, той поры, когда мастер по-настоящему творчески определился, создав такие художественно-философские откровения, как «Пир королей», «Запад и Восток», «Мужчина и женщина», и другие. Во всех этих произведениях господствует своего рода современная мифология. Вот и в картине «За столом» простой сюжет соприкасается с бытийностью. Пирующие в день особого по своей духовности праздника приобщены к сокровенному, вечному, погружены в напряженное самосозерцание, их трапезу осеняют как бы не замечаемые присутствующими крылатые вестники вселенских истин. Пронизанная внутренним светом, дивно богатая по колориту живопись этой небольшой картины создает ощущение выполненной из «вечных» материалов фрески, чудесно соединяющей плотную материальность цвета с невесомостью возвышающего душу видения.

При всем своем внешнем несходстве «Пасхе» П. Филонова по образно-философскому строю на выставке близок другой шедевр — «Муза» Марка Шагала (1917). И здесь изображено видение — уже в самом прямом и буквальном смысле слова. К художнику, сидящему за мольбертом, снисходит с небес благословляющий его творчество ангел. Замечательна убедительность, с которой художник смыкает будничное и фантастическое. Обстановка в картине показана с абсолютной достоверностью, не минующей и малые детали повседневного. Но на все ложится особый отсвет. Слегка кубизированные сгибы одежды живописца, крылья ангела и окружающего его фигуру облака воспринимаются как музыкально-зрительный образ, рожденный высоким душевным волнением, который связывает земное и небесное.

Уже на этом этапе знакомства с выставкой «100 лет русского искусства» начинаешь осознавать, что его развитие на рубеже веков шло под знаком все более нараставшей у с л о в н о с т и образных построений и формальных приемов. Их диапазон огромен, причем не редкость, когда тот или иной мастер оказывается вне всяких группировок. Несомненно, скажем, «Натюрморт» Алексея Явленского (1901) с зыбко-миражной игрой перетекающих и ускользающих в пространство оттенков цвета или словно бы проступающий сквозь туман «Пейзаж с открытым окном» Давида Бурлюка (1911) отмечены печатью той же образной парадоксальности, что и произведения символистов. Но все же в этих случаях преобладает декоративное начало, и, стало быть, поэтика тут иная.

Впрочем, русское искусство начала XX века практически не знало декоративности в узком смысле слова. Даже узорно-орнаментальные мотивы обретают здесь особую содержательность. Так, блистательная композиция Натальи Гончаровой «Испанка» (1916) состоит всего лишь из нескольких плоскостей, по ним разбросаны цветы и бабочки; лицо испанки застыло, как маска, сжимающая веер рука недвижна. Но какой динамичный и напряженный ритм у этих плоскостей и украшающих их деталей! Как они поют, звенят, играют! Их изящное и страстное «болеро» захватывает воображение зрителя, приближая его к самому духу Испании. У таких «левых» мастеров, как Н. Гончарова, образное насыщение декоративных форм поистине всевластно.

Из тех группировок в русском искусстве начала XX века, которые ввели в обиход совершенно новые принципы восприятия и трактовки жизненного материала, не отказываясь при этом от предметных натурных основ, выдающееся место занимает «Бубновый валет». Его мастера сложно и непредсказуемо объединили в своем творчестве конструктивно-пластические традиции П. Сезанна и русскую фольклорную стихию, блистательный артистизм и какую-то бесшабашность, иногда иронически близкую к городским вывескам и народным картинкам. Именно так решены показанные на выставке натюрморты Петра Кончаловского и Ильи Машкова. Роберт Фальк сделал основой портрета «Лиза в кресле» яростное полыхание красного цвета, почти безоттеночного, похожего на язык взметнувшегося пламени. Такая смелость простоты была новизной для русского искусства, обращением его к каким-то языческим праистокам.

Особое положение в ряду бубнововалетцев занимает великолепно представленный на выставке Аристарх Лентулов, мастер изобразительной метафоры, построенной на смещениях, сдвигах и преобразовании натурных форм. Иногда это сугубо ассоциативные композиции — такова полная мятежной силы, но загадочная, требующая сложной расшифровки «Аллегория Отечественной войны 1812 года» (1914). Своеобразным поэтическим откликом на Февральскую революцию 1917 года явилась композиция Лентулова «Мир, торжество, освобождение» (1917). Здесь распластанное по плоскости, внешне странное соединение отдельных деталей — символов событий и связанных с ними добрых надежд — обретает праздничную звучность.

Многие экспонаты выставки показывают, какой смелости и силы достигло русское искусство десятых годов. Кажется, впервые представлен «Автопортрет» Владимира Маяковского (1915), когда-то подаренный им Лиле Брик. Собственно, никакого «портрета» тут нет — на полотне изображены склоненные друг к другу громады домов, словно закачавшиеся от распирающего их напряжения. Такого рода урбанистические метафоры нередки в поэзии раннего Маяковского. Вспомним: «Я вышел на площадь, выжженный квартал надел на голову, как рыжий парик» («А все-таки», 1914). Нечто подобное стало возможным и в живописи после экспериментов начала XX века. В работе русских художников постепенно происходит перенос акцента с выразительности натуры на особенности ее психологического восприятия человеком, чаще всего нервно-взбудораженного, стремительного («Трамвай» Александра Богомазова, 1914 год; портретная фантазия Кирилла Зданевича, 1917 год, и другие).

В ассоциативной образности русского искусства происходит постепенное, но неизбежное и закономерное расслоение. Некоторые мастера с острой, свободной экспрессией деформируют натуру, но все же остаются верны предметному изображению. Другие решительно переходят рубеж, отстраняются от привычной материальной оболочки, отыскивают убеждающие связи между духовным миром человека и формой, цветом, ритмом, представляя их как самостоятельные категории, не являющиеся лишь внутренними качествами предметов.

Этот великий прыжок в неизвестность первым совершило именно русское искусство. Оно пришло к утверждению тезиса, который четко сформулировал один из лидеров и первооткрывателей беспредметной образности, Василий Кандинский: «Живопись — это язык, который формами, лишь ему одному свойственными, говорит нашей душе о ее хлебе насущном...»

Личные коллекции богаты, но не всеобъемлющи, и как раз произведений В. Кандинского в них нет (они были у легендарного Георгия Костаки, но он частично отдал их Третьяковской галерее, частично увез с собой в Афины). Другой крупнейший лидер русского авангарда, Казимир Малевич, представлен на выставке не своими супрематическими картинами, а одним из вариантов (превосходным!) близкой к импрессионизму «Цветочницы» (1904) и уже совсем поздними композициями, когда мастер в силу многих обстоятельств вернулся к традиционной изобразительности.

Но большая группа работ в экспозиции дает сильное и глубокое представление о поисках и находках русских мастеров-новаторов, которые говорили в живописи языком «чистых форм». Это произведения Александра Родченко, Варвары Степановой, Надежды Удальцовой, Александры Экстер, Любови Поповой.

Последняя представлена на выставке совершенными образцами своего оригинального творчества. Наиболее программным мне представляется «Живописная архитектоника» 1916 года. Сопоставлением разноокрашенных плоскостей художник на свой лад преодолевает хаос повседневного, создавая некую модель строго конструктивного, рационального мира. В образующих его формах есть внутренняя энергия, даже скрытая страсть, но они подчинены господству ясного, мощного разума, тяготеющего к спокойной и законченной гармонии. Часто говорят о связи живописи Л. Поповой с Ренессансом. Это справедливо, но мне кажется, что ей ближе высокая мудрость древнегреческой трагедии, идущей через земные страсти к образу богоподобного мира.

С эпохой гражданской войны в экспозиции связано несколько открытий первостепенного значения. К ним прежде всего надо отнести серию совершенно позабытых плакатов. Их эстетическое своеобразие поныне не разгадано. Удивительно встречающееся в них переплетение традиций лубка, народных картинок, левой графики начала века и романтических надежд времени. В итоге складывается своего рода «театр революции», который сочетает наивность и мудрость, бесшабашно-балаганный юмор и героические интонации.

Грандиозное впечатление производят работы также практически неизвестного широкой публике Василия Чекрыгина, особенно его рисунки углем из серии «Воскресение» (1919—1921). Они полны пророческой, вдохновенной силы, изображают яростный, безудержный порыв людей к неведомой, но прекрасной цели. Даже для революционных лет, когда пламенный романтизм был одной из характерных черт русского искусства, свойственное листам Чекрыгина приобщение к идеям всемирного изменения и преображения выглядит явлением исключительным.

История русского изобразительного искусства 20—40-х годов сейчас, можно сказать, переосознается заново. Личные коллекции могут служить для этой цели существенным подспорьем, хотя и менее значительным, чем для предшествующего периода. Во всяком случае, на выставке преобладали произведения более ранних лет. Но отдельные дополнения очень ценны, иногда неожиданны. Лишь знатокам-специалистам известно, что мечтательно-лирическим фантазиям Александра Тышлера предшествовали его опыты в области ассоциативных форм — среди них и показанное здесь «Цветодинамическое напряжение в пространстве» (1924). Наверное, без этих опытов была бы немыслима одухотворенность живописной маэстрии художника в его более поздних произведениях.

Даже в самых обстоятельных монографиях об Александре Дейнеке не найти его «Сидящей девушки» (1924). Здесь он одним из первых представил новый социальный тип, в данном случае вчерашнюю крестьянку, пришедшую в город, к станку, к общественной жизни.

«У времени в плену» был такой мощный и вдохновенный мастер, как Леонид Чупятов. Он совершенно забыт. Между тем его «Охота» (1927), а в особенности «Коронование терновым венцом» (30-е годы) убеждают, что у этого художника преобладали трагические образы, столь редкие для десятилетий, когда оптимизм стал обязательной, искусственно насаждавшейся добродетелью.

А начиная с тридцатых годов столь же принудительное распространение получил грубо ограниченный, догматически трактуемый реализм. Точнее, псевдореализм, которому чиновная администрация поручила иллюстрировать тезис о всеобщем благополучии, когда «жить стало лучше, жить стало веселее» — хоть в Соловках, хоть на Беломорканале. Внешняя «достоверность» изображения обретала при этом характер документального свидетельства, которого тем более настойчиво требовали, чем более лживым оно было по существу. Категория внешней «понятности» при этом тоже не упускалась из виду. Все более или менее сложное, требующее размышления, шельмовалось как формализм. Что уж говорить об авангарде, еще недавно бурно и стремительно развивавшемся в России. Его лидеры и последователи были жестко и безоговорочно отстранены от выставок и контактов с широким зрите-

лем. Кто-то из этих лидеров перестал работать, иные замкнулись в своих мастерских. Их произведения тридцатых и последующих годов только в частных собраниях и сохранялись. Впрочем, и там их немного. Тем больший интерес они вызывают. Какой удивительной и таинственной жизненной энергией обладает букет Владимира Татлина (1940), написанный маслом по дереву! Техника тут в какой-то мере приближается к иконописной, соотнося вечную «духовность» с острейшим восприятием современности. «Старое и новое» Соломона Никритина (1934) в условно-символических, сдвинутых формах пронизано странным слиянием смятенности и неугасшей надежды.

Затем в экспозиции образуется хронологическая пауза (вплоть до середины 60-х годов). На протяжении длительного периода частные коллекционеры собирали только произведения прошлых лет — официальное искусство их не интересовало, а традиции первой трети века замерли и затаились.

Их возрождение, весьма заторможенное вязким консерватизмом «застойных» лет, трудно, но настойчиво и необратимо проходило на протяжении последних двух десятилетий. Оно шло и идет по нескольким линиям. Художники, причастные одно время к «суровому стилю», потом стали тяготеть к обобщенности классики, но в современной редакции. Торжественно-скорбный, близкий по форме к древней фреске эскиз картины «Хороший человек была бабка Анисья» Виктора Попкова (1973) — прекрасный образец такой стилистики. Идеальной завершенностью обладает медленно выступающий из глубокого, бесконечного пространства «Портрет актрисы» (1960) Владимира Вейсберга, художника, не получившего признания при жизни, но, на мой взгляд, достигшего в своем творчестве пластического и духовного совершенства.

Новый «авангард» пока что не сложился в отчетливые направления и развивается во множестве индивидуальных вариаций. Они были оценены частными собирателями раньше, чем музеями и критикой.

«Непрерывность творчества» Льва Кропивницкого (1959) не столько внешним сходством, сколько общим характером построения образа напоминает те поиски параллелей между жизнью духа и экспрессией живописной формы, которые были свойственны русскому искусству в десятые годы нынешнего века: перепады черных и синих оттенков, прорезаемые «вскриками» белых вкраплений, создают на музыкальный лад некую аналогию вечного движения мысли и чувства.

Новым ответвлением современного художественного видения оказывается «социальное искусство» — «соцарт», который сложно и противоречиво соединяет резкий сарказм («Групповой портрет с медалью» Олега Целкова, 1969), гротескный «театр абсурда» с повседневным («Смерть Алиной собачки» Ильи Кабакова, 1969), иронично трактованную символику с эмблематикой наших дней («Добро пожаловать» Эрика Булатова, 1973—1974; «Восемь фигур» Григория Брускина, 1986).

Советское изобразительное искусство переживает сейчас трудное время глубоких изменений и поисков нового, которые потребуют и от государственных, и от частных коллекций смелости и прозорливости. Но это уже особый вопрос.

Главный итог выставки «100 лет русского искусства» состоит, на мой взгляд, в том, что она великолепно раскрыла взыскующий дух и живую отзывчивость искусства России. Путь к пониманию и оценке этих драгоценных качеств нелегок и связан с преодолением разного рода надуманных критериев и эстетических предрассудков. Только обращаясь к еще не понятому до во многом и необнародованному художественному наследию XX века в России, мы сможем высказывать предположения о будущем искусства.

ЛЮДИ «ЗАН ДЕН»

Дмитрий ЛИХАНОВ,
спецкор «Огонька»
Фото
Марка ШТЕЙНБОКА

I.

Если всех твоих близких сожгли напалмом, если, пробираясь через джунгли Третьей тактической зоны, плавил легкие в закатном мареве «орандж», если стучал зубами и трясся в приступах малярии на подходах к Пятнадцатому шоссе, считай, что тебе повезло. Таких, как ты, обязательно внесут в список искателей счастья.

Потом всех вас повезут на медицинский осмотр. Разденут догола и будут придирчиво осматривать ваши зубы, мускулы и рентгенограммы. Иных забракуют, а остальных отправят в пригородный приемный пункт Донг Ань — огромную, еще с военных времен оставшуюся казарму, переполненную ящерицами гекко и неистребимым запахом крепких сигарет «Тханглонг».

Сюда же, в казарму, чуть позже приедут таможенники. В поисках контрабанды перетрясут чемоданы и содержимое картонных коробок. И это будет последним испытанием на родной земле.

Назавтра, разбежавшись по взлетно-посадочной полосе столичного аэропорта Нойбай, набитый до отказа самолет «Аэрофлота» рванет в прозрачное тропическое небо и возьмет курс на северо-запад. Через Карачи, Калькутту, Ташкент к столице первого социалистического государства.

Здесь их будут уже встречать. Четыре автобуса, два грузовика, машины милиции и «скорой помощи» подрулят к залу прилета Шереметьево-2.

— Динь-дон. Совершил посадку самолет, прибывший рейсом из Ханоя,— промурлыкает электрический голосок.

Это они — рабочие для советских заводов. Даже на родине их называют «зан ден» — «черные люди».

II.

— Тебе и в самом деле нужно пройти в зону? — спросил он, поглядывая на меня в упор.

— В зону? Нет, мне нужен завод.

— ЗИЛ — это не завод, приятель. Это Зона Измученного Лимита. Ведь здесь пашет и лимита, и бэнээс * и вьетнамиты...

Грохочущий Молох ЗИЛа заглотил меня в пасть проходной вместе со следующей сменой. Щелкнул челюстями турникетов, и вслед за толпой принялся переваривать, гнать вперед по своим пропыленным пищеводам.

Из развешанных повсюду динамиков, усиленных многоваттно, истошно орал, бряцал медью духовой военный оркестр. Кукольными глазами смотрели в никуда с досок почета передовики производства.

Я брел по железобетонным джунглям то ли в тумане, то ли в дыму, спотыкаясь о ржавые трубы, протискиваясь мимо залитых нефтью вагонов и терриконов заводского хлама, покуда не вышел наконец к воротам преисподней.

Старик-охранник подмигнул весело и откинул засов.

Маленькие люди в одинаковых спецовках строили советские грузовики. Конвейер двигался достаточно быстро, но они как-то умудрялись схватить нужную гайку или деталь и приделать ее на свое место. Мгновение передохнуть и броситься к новой машине. И так двести раз за смену. Конвейер не позволял маленьким людям думать и расслабляться. Ему были нужны только их мышцы и нервы.

Маленькие девушки красили автомобильные кузова. Их лица были закрыты специальными масками, и только по миндалевидным глазам я понял, что они из Вьетнама. Каждый день девушкам полагается молоко за вредность и раз в неделю — отгул. За одну покрашенную машину ЗИЛ платит семь копеек. Так что после всех вычетов они получают на руки сто двадцать — сто тридцать рублей.

Горожане уже много лет не идут на такую грязную, дешевую работу, считая ее уделом лимиты, вьетнамцев, алкоголиков.

Но именно вьетнамцам хуже остальных. Лимита может в любой день потребовать расчета. Алкоголик — излечиться. Вьетнамец же прикован к заводу. Его держит контракт.

Третьего ноября 1978 года в Большом Кремлевском дворце руководителями СССР и СРВ был подписан Договор о дружбе и сотрудничестве. В тот же день заместители премьеров поставили свои подписи под Соглашением о сотрудничестве в подготовке вьетнамских специалистов и квалифицированных кадров.

Положение во Вьетнаме в ту пору было действительно сложное. Еще не затянулись раны недавней войны, в стране, где крестьяне снимали со своих полей по три урожая в год, царствовала тотальная карточная система, день ото дня множилось число безработных, насчитывающее к тому времени несколько миллионов человек.

Чтобы хоть как-то выкарабкаться из кризиса, правительство Фам Ван Донга, несмотря на многомиллиардные долги перед Советским Союзом, вновь обратилось за помощью.

Желание помочь союзникам в Юго-Восточной Азии, по всей видимости, значило для нас гораздо больше, нежели собственная нищета. И мы согласились.

Вскоре Председатель Госкомтруда СССР В. Г. Ломоносов и министр труда СРВ Дао Тхиен Тхи подписали межправительственное соглашение о поставке вьетнамской рабочей силы.

Первая партия наемных рабочих из Северного Вьетнама — несколько десятков юных девушек, завербованных на Краснодарский хлопчатобумажный комбинат,— прибыла в Шереметьево уже через месяц. Их встречали с цветами. И со «скорой» у трапа. Многие от истощения не могли ходить, а санитары были вынуждены погружать их в носилки. Многие, даже месяцы спустя, припрятывали на черный день куски хлеба, а ночью устраивались спать на полу. Они удивленно смотрели вокруг, на эти белые простыни, унитазы, мясо, большие дома, скоростные автомобили и огромные универмаги, все еще не веря, что наконец-то попали в социалистический рай «льенсо».

Они не знали, что вместо того, чтобы учить профессиям, их пошлют на самые неквалифицированные, низкооплачиваемые работы. Что женщинам под угрозой высылки запретят рожать детей. Что в отпуск домой они смогут поехать только через три года. Что они не могут уволиться и устроиться на другую работу.

Не знали и потому ежедневно атаковали министерство труда с просьбами поехать в Союз.

В первый год их приехало около пяти тысяч. В восемьдесят пятом — двадцать пять тысяч семьсот человек. В восемьдесят восьмом СССР запросил сорок тысяч вьетнамских рабочих. В этом году на трехстах пятидесяти предприятиях Советского Союза будет работать девяносто тысяч «зан ден».

Будут пахать, вкалывать изо всех сил на самых кабальных условиях. Просто у них нет выбора. Только страх.

«Я собрал вас здесь,— произнес начальник смены, когда рабочий день закончился и вьетнамцы собрались в тесной комнатке красного уголка,— я собрал вас, чтобы сказать, как мне не нравится положение с трудовой дисциплиной. Вы приехали сюда, чтобы заработать и помогать нашей стране. И как же вы себя ведете? Постоянные опоздания. От минуты до сорока. На первом участке люди уже три дня не выходят на работу. Разве не понятно? Ведь тем самым вы теряете премию... Теперь будет так: я никому не подпишу заявление на отпуск или отгул, я пишу письмо на имя генерального директора, чтобы самых недисциплинированных из вас выслали во Вьетнам. И еще: если узнаю хоть об одном нарушении, пострадает весь коллектив. Так и учтите. Это как в футболе. Я показываю вам желтую карточку».

— Знаешь,— сказал мой приятель Тхык, когда мы возвращались по какому-то туннелю обратно к проходной,— это действительно похоже на зону. Как и в тюрьме, нас за нарушения лишают права отправлять посылки. Мы не знаем, как ведется подсчет заработной платы. Ну, как объяснить хотя бы вот это?

Он вынул из внутреннего кармана куртки несколько бухгалтерских счетов и ткнул пальцем в цифры:

— Чык получает зарплату сто тридцать шесть рублей, а выдали ему всего шестьдесят три. У Оаня удержали целых сто четыре рубля. Может быть, я и ошибаюсь, но, мне кажется, на нас каким-то образом экономят. Или за счет наших заработков поднимают зарплату советских рабочих. Не знаю, во всяком случае, мы чувствуем себя, как это по-русски? Изгоями? Я правильно сказал, Дим?

Да, ты правильно сказал, Тхык. После нашего разговора я пытался найти хоть какие-то документы, опровергающие твои догадки, но находил, к своему стыду, совсем иные. Мне было стыдно, Тхык, стыдно за свою страну. «Почти повсеместно,— читал я в отчетах Госкомтруда,— увеличивается использование вьетнамских рабочих в приказном порядке на сверхурочных работах, в выходные и праздничные дни. За невыход на работу в этих случаях вьетнамские граждане штрафуются, им не выплачивается надбавка за отдаленность от родины, выносятся выговоры, в то время как к советским рабочим такие «штрафные» меры не применяются».

«Всеми возможными отговорками предприятия стараются не предоставить предусмотренные ежегодно 15 оплачиваемых дней на повышение квалификации вьетнамских граждан, в ряде мест в новых регионах не выплачивают районные коэффициенты, считая надбавку за отдаленность от родины в размере 20 рублей какими-то «северными».

«Предприятия не переводят в пользу Вьетнамской Стороны предусмотренные соглашением 10 % от заработной платы, зачастую не имеют средств для этого, совершенно официально заявляя, что они перешли на хозрасчет и денег у них нет».

«Казалось бы, такой вопрос, как обеспечение вьетнамских граждан экипировкой на сумму 250 рублей, за эти годы должен быть уже отработан. Однако экипировка зачастую выдается не на полную сумму, а на Вологодском ГПЗ-23 умудрились в сумму экипировки включить на 100 рублей ткани по сниженным ценам низкого качества».

«На Уссурийском заводе строительных материалов невыход вьетнамских граждан в ночную смену на участке, лишенном освещения и техники безопасности, директор расценил как саботаж. Вьетнамцы были обвинены им в умышленной поломке пресса»...

А в другом месте вьетнамского парня по неосторожности засыпали раскаленным коксом.

Приблизившись к проходной, Тхык сунул в прорезь контрольно-пропускной системы Молоха свою пластиковую карточку с фотографией, вьетнамским флагом и табельным номером. На сегодня Тхык был не нужен Молоху. На сегодня он его уже выжал. И, щелкнув турникетом, выплюнул моего маленького друга на сверкающий неоном московский проспект.

III.

Пришла суббота.

Мы сидели за низким столиком у самого окна, жевали вареный рис с рыбным соусом «ныокмам» и лакали из граненых «жигулевское». Маленькая — три на четыре шага — комнатка с тремя панцирными кроватями была заставлена картонными коробками, приготовленными для отправки в Ханой, новыми, только что из магазина, кастрюлями, вентиляторами и иной хозяйственной утварью. Казалось, что ты и не в общаге вовсе, а в камере багажного отделения: вот-вот объявят посадку, и все мы, прихватив шмотки, бросимся на перрон.

Но посадку не объявляли. А мы все равно чего-то ждали.

И молчали.

Приятель читал «Нянзан». Он не любил пива.

— Вот это про «зан ден»,— сказал приятель, повернув ко мне свое сморщенное лицо,— корреспондент Суан Ба передает с Харьковского обувного объединения. Так... Работницы проживают по восемь человек в комнате площадью около двадцати квадратных метров. На двести человек мужчин и женщин имеется только две уборные, одна ванная и десять газовых плит для приготовления пищи. В течение года, несмотря на многочисленные жалобы вьетнамских граждан, положение практически не изменилось. Уровень культурной работы крайне низок. Книги, пресса, фильмы на вьетнамском языке практически отсутствуют. Коллектив вьетнамских граждан практически замкнут в стенах общежития.

— Это действительно так,— сказал Тхык,— в рестораны и кафе мы не ходим — могут избить. В кино тоже не ходим — нужно язык знать. Вот и киснем.

С улицы несколько раз просигналил автомобильный клаксон. Тхык выглянул в окно, улыбнулся:

— Наши с товаром приехали.

У подъезда общаги уже припарковалось несколько «волжанок» — такси. Какие-то молодые парни в «варенках»

* БЭНЭЭС (БНС) — больные наркологического стационара.

выгружали из багажников и с задних сидений коробки со скороварками (я насчитал шестьдесят), а остальные складировали у подъезда полсотни ящиков с сухим молоком «Симилак».

— Откуда привез? — спрашиваю таксиста.

— Из Ивантеевки, будь они неладны... Эй, вы, как и договорились, по тридцатничку.

Машины подруливали к общаге каждые полчаса. На тротуар выволакивались сковородки, холодильники, утюги, пылесосы, банки с консервами, мешки с рисом, ящики с водкой и пивом.

Потом все это вновь загружалось в такси и отчаливало неведомо куда. И вновь становилось тихо.

— Зачем вам столько? — спросил я Тхыка.

— Понимаешь,— принялся объяснять он,— к сожалению, рубль — не конвертируемая валюта, и он во Вьетнаме никому не нужен. Поэтому мы вынуждены покупать ваши товары, отправлять их домой, а там наши родственники продадут их на рынке. Это очень выгодно. Сам посуди: один вентилятор во Вьетнаме стоит около сорока тысяч донгов. На эти деньги можно жить целый месяц. Я знаю: многим из ваших это не нравится. Но что же поделаешь? «Без торговли нет богатства» — есть у нас такая пословица.

Нам и вправду грех пенять на вьетнамцев. Большинство наших соотечественников за рубежом поступают аналогичным образом: и товары скупают тоннами, и коробки везут битком набитые, и распродают все это заграничное добро за милую душу. Поезжайте в любую страну. Там на наших штурмовиков-туристов смотрят как на дикарей. В стороны шарахаются. И так мы их своими набегами разоряли, что интеллигентные братья социалисты были вынуждены пойти на крайние меры: ввести таможенные ограничения. Что же до вьетнамцев, то, согласно семнадцатой статье межправительственного соглашения, «советская и вьетнамская стороны будут оказывать содействие в том, чтобы вьетнамские граждане могли в порядке, установленном законодательством СССР, посылать в СРВ или вывозить с собой товары, купленные в СССР на свои трудовые доходы».

Мало того, согласно статье пятнадцатой все того же соглашения, «советская сторона в 1988—90 годах будет ежегодно осуществлять в СРВ поставки советских товаров народного потребления сверх контингентов Соглашения о товарообороте и платежах между СССР и СРВ».

Так что не надо грешить на вьетнамцев. Подписывая такие вот и подобные им соглашения, мы сами во всем виноваты: что-то не додумали, что-то не предугадали. И теперь расплачиваемся.

...Двери вьетнамских общежитий, разбросанных по всей стране, ежедневно всасывают в себя горы, десятки и сотни тонн самых разнообразных товаров, в том числе и таких, которые уже давно не встретишь на полках советских магазинов. Вьетнамские общежития превратились в гигантские оптовые склады, где в любое время суток можно купить все, что угодно: от стакана водки до холодильника «ЗИЛ».

Но откуда все это? Как и кем добывается? Какова система поставок и сбыта? Откуда столько денег в конце концов, ведь недавно же слышал жалобы на мизерную зарплату в сто двадцать рублей. А если учесть «десятипроцентные вычеты на строительство социализма», погашение ссуды, партвзносы, квартплату, затраты на еду, вообще остаются крохи.

Но сколько ни спрашивал, «зан ден» наотрез отказывались рассказывать о системе своего подпольного бизнеса. И тем не менее по намекам и подсказкам я все-таки кое-что понял.

Каждое общежитие вьетнамских рабочих имеет своих торговых агентов. Каждое утро они выезжают на закрепленные за ними точки в ГУМ, ЦУМ или «Будапешт» и отслеживают нужный товар. Если товара нет, их сменяет вторая смена агентов. С дефицитными вещами сложнее, однако у каждого агента в магазинах есть свои знакомые продавцы. У них-то за определенное вознаграждение как раз и можно взять все, что тебе надо. И большими партиями. Остается подогнать такси и переправить товар в общагу. Но это только начало основного бизнеса. В общежитии товар продается вновь. Естественно, с надбавкой. О поступившей партии через нарочных сообщают в другие города Союза. И часть продают туда. Вообще за девять лет своего пребывания в СССР вьетнамские рабочие прекрасно освоили так называемую межрегиональную торговлю, установили прочные связи в области поставок и сбыта. Формально ограниченное право на передвижение не мешает им ездить по всей стране. Если в каком-нибудь городе производят термосы или швейные машинки, проживающая в нем вьетнамская община может обеспечить этими товарами своих соплеменников в любой точке СССР.

В результате таких торговых операций у агентов и тех, кто с ними связан, в конце концов накапливается немалый капитал, по тысяче и больше ежедневно. Но эти деньги редко лежат мертвым грузом. Их вновь запускают в дело.

Крупномасштабной торговлей занимаются многие, но отнюдь не все «зан ден». Некоторые открыли в своих общежитиях частные ателье, где строчат джинсовые юбки и брюки на продажу. В Тольятти, например, им выдано уже около восьмидесяти патентов на индивидуальную трудовую деятельность и отведено специальное место на городском рынке. Иных «белые начальники» нанимают на строительство собственных дач. Платят хоть и не очень много, но все же приработок.

Я, наверное, не ошибусь, если скажу, что сегодня в нашей стране нет ни одного «зан ден», который бы не зарабатывал где-нибудь на стороне. И это понятно: слишком мала зарплата, а темпы инфляции слишком велики. От того, сколько они заработают, впрямую зависит, сколько вещей отправят домой, во Вьетнам.

— В Ханое я работала преподавателем русского языка,— сказала мне както Ань.— И зарплата, по нашим понятиям, была довольно приличная — восемьдесят пять тысяч донгов. Однако я все равно попросилась в Союз и вынуждена здесь бегать по магазинам. Это для того, чтобы нам — мне и моим близким — хоть как-то выжить, когда я вернусь.

Из разговоров с вьетнамцами я узнал, что деньги, вырученные от продажи советских товаров на рынках Ханоя или Хайфона, в основном откладываются на строительство дома, так как жилья не хватает, а стройматериалы и все, что для этого необходимо, во Вьетнаме — большая проблема, стоит недешево. Остальное уходит на пропитание.

«Мы инструктируем наших сограждан в правильном использовании заработанных денежных средств,— говорил в одном из своих выступлений первый секретарь Союза коммунистической молодежи имени Хо Ши Мина Ха Куанг Зы,— для их родственников на родине работа за рубежом — это существенный источник материальной помощи... Но в процессе реализации сотрудничества в области труда не предпринимаются шаги с целью обеспечения приобретения товаров для отправки в СРВ нашими гражданами. Именно с этим связаны многие негативные явления среди вьетнамских граждан».

Ха Куанг Зы ничего не сказал об этих «негативных явлениях». Но всем и без того было ясно, что речь шла о спекуляции и контрабанде.

IV.

«Летайте самолетами «Аэрофлота»!..

По команде несколько коренастых ребят в зеленых куртках образца 1975 года бросились к таможенной стойке и принялись перекидывать через нее свои увесистые тюки. Сзади дружно навалились остальные. Кто-то закричал истошно. Кто-то кубарем отлетел на бетонный пол. Двое милиционеров, еще три минуты назад спокойно покуривавших в стороне, широко размахиваясь, с оттяжкой лупили дубинками гудящую толпу то справа, то слева.

Казалось, началась массовая эвакуация.

Но это был аэропорт Шереметьево-2. Регистрация на рейс № 541 Москва — Ханой.

Рейс этот, как, впрочем, и остальные рейсы на Вьетнам, считается здесь особым. Регистрация на них начинается за три часа до вылета, а не за два, как это происходит обычно. И только на эти рейсы таможенники вызывают наряд милиции, вооруженный резиновыми дубинками.

Цель одна: сдержать натиск вьетнамцев и не пропустить за кордон большие партии товаров. Особенно, если они похищены с советских заводов и фабрик.

Таможенный инспектор со стойки № 21 лениво пережевывает жевательную резинку и время от времени поглядывает на монитор, по экрану которого проплывают прощупанные рентгеном коробки.

— А это что? — спрашивает он щуплого парня с детским лицом.

— Фреза...

— Где взял?

— В магазине купил.

— В сторону.

— Нацальник, правда, в магазине купил.

— Пятьдесят штук?

Рядом с таможенной стойкой уже возвышалась многотонная груда упакованного в картон металла, десятки моторов, сотни подшипников, тысячи гаек, поршневых колец, запчастей к мотоциклам и велосипедам.

— Во, металлисты поехали,— сказал милиционер Сергей Зайцев и рассмеялся от удачной шутки.— Смотри, вон видишь ту девчонку в розовой кофте? Каждый раз тут ошивается.

— Она кто — путана?

— Путаны катаются в Рим. А эта за карбюраторами.

Девушка быстро перехватила наши взгляды и, поцокивая каблучками, подбежала к Зайцеву.

— Пазалыста, маладой цыловек, пропусти колобка.

— А что в коробке? — строго спросил Сергей.

— Конфета.

— Знаю я ваши конфеты... Небось шлифовальный станок.

— Пазалыста, маладой цыловек,— заискивающе улыбалась девушка, протягивая Зайцеву вьетнамский паспорт.

Раскрыл паспорт. В нем лежала пятидесятирублевая купюра.

— Мало! — отрезал Зайцев.— Неси еще.

Девушка бросилась к толпе и через несколько секунд вновь протянула нам свои документы. Теперь там лежала еще одна купюра.

— Все равно нельзя,— сказал Сергей,— уходи чтоб больше тебя не видел!

Самолеты летят во Вьетнам.

И возвращаются обратно.

Теперь, вместо железа, лекарств и посуды они везут сюда дешевую французскую косметику и пластиковые гонконговские часы. Некоторые, несмотря на высокие таможенные пошлины Вьетнама, провозят электронику и радиоаппаратуру. Для этого, как правило, подкупают советских туристов или спецов, которые работают в этой стране по контракту.

Всё на продажу.

Каждые выходные они занимают завоеванные с боем места на Центральном колхозном рынке Риги, на толкучках Ленинграда, Харькова и Москвы. В руках — тайваньское и китайское барахло. В карманах — лезвия, ножницы, заточенные гвозди и нунчаки. Это на случай, если привяжется милиция или нападут конкуренты.

Но конкуренты нападают все реже.

Во многих городах страны вьетнамские контрабандисты скооперировались с цыганской мафией, которая оказывает им теперь посреднические услуги в сбыте завезенных товаров.

— Смотри,— сказал Зайцев,— сейчас начнется самое интересное. Они будут грабить своих.

Таможенники поднялись из-за своих стоек и отошли в сторону. Милиция выстроилась по бокам. Теперь груды конфискованного товара лежали без присмотра. Его хозяева уже перешли через государственную границу и тронулись во Вьетнам.

— Давайте! — выкрикнул кто-то.

И десятки «провожающих», отталкивая, ругаясь и падая, бросились растаскивать это добро.

— Вот бандиты! — покачал головой Зайцев.— Не иначе у них тут целая мафия.

О вьетнамской мафии «лыувонг» я слышал и раньше. Знал о том ужасе, который они наводят на общежития наемных рабочих. Слышал, что терроризируют своих и чужих без разбора. И что одним из мест своего промысла выбрали международный аэропорт Шереметьево-2. Может быть, среди тех, кто сейчас грузит на тележки награбленное добро, есть и они?

В переводе с вьетнамского «лыувонг» означает «беглец» или «эмигрант». Но «беглец» все-таки больше подходит, потому что все до единого члены мафии «лыувонгов» — бывшие наемные рабочие, сбежавшие или уволенные со своих предприятий. Убегают они по разным причинам, но в основном из-за того, что не хотят возвращаться на родину. Убегают прямо из аэропорта, за десять минут до отправки. Жизнь в Союзе кажется им более сытной и привлекательной. Им не надо думать о жилье, потому что в любом общежитии у них найдутся друзья или земляки. Не надо им думать и о деньгах, потому что, «перехватив» несколько рейсов в Шереметьево, они могут безбедно существовать неделями и месяцами. Вьетнамцы рассказывают, что в Баку, например, они даже организовали что-то вроде колонии. Снимают на побережье дачи. Покупают через подставных лиц автомобили, вместе с проститутками кутят в дорогих ресторанах и, кажется, не собираются никуда уезжать. Так и живут. Годами. И все же это жизнь не грани фола, ибо любой заработок «лыувонгов» так или иначе сопряжен с преступлением.

— Вечером четырнадцатого мая,— вспоминает участковый инспектор 131-го отделения милиции Ильдар Амерханов,— к нам позвонили из рабочего отряда. Сказали, что вьетнамцы в панике. Что-то у них там случилось. Приезжаем. Заходим в одну квартиру. В прихожей лежит человек. А в груди вот такая дырища! Звали его, как потом выяснилось, Нгок. И вот у этого Нгока были какие-то свои дела с шереметьевской бандой. Не знаю, что там у них случилось. Но в общем они его подловили. Зашли в комнату. И тут убили. Когда мы раскручивали эту историю, у нас был переводчик — хороший парень. Ему пригрозили: если будет помогать милиции, его убьют тоже. Знаешь, для них убить человека — не проблема. По их философии человек — это песчинка. А наемный убийца на наши деньги стоит десять рублей. Так нам сами ребята рассказывали.

«Лыувонга», совершившего убийство в общежитии наемных рабочих Государственного подшипникового завода, все-таки выловили. Его подельники до сих пор в бегах. Еще восемьсот «лыувонгов» скрываются в настоящее время от преследования советских и вьетнамских властей. По другим сведениям, их число достигает двух тысяч. Точной цифры не знает никто.

И все же не бандитизм и не контрабанда приобрели наибольшее распространение в среде наемных вьетнамских рабочих. Самым доходным бизнесом здесь считается торговля спирт-

ным. Антиалкогольная политика нашего государства и последовавший за ней дефицит в считанные дни превратили вьетнамские общежития в нелегальные винные магазины и подпольные заводы по производству самогона. Сами вьетнамцы водку почти не пьют, и поэтому спиртной бизнес приносит им просто баснословные доходы. Я знаю общежития, где даже глубокой ночью можно купить стакан водки с обязательным бутербродиком. Знаю место, где во время пожара милиция конфисковала около шестидесяти самогонных аппаратов.

«Зан ден» не считают свой бизнес чем-то общественно и социально опасным. И это приводит к постоянным конфликтам с властями.

«6 июля с. г.,— читаю в сводке МВД СССР,— работниками РОВД проводился профилактический рейд по выявлению фактов спекуляции винно-водочными изделиями в районе общежития вьетнамских граждан в поселке Артема г. Шахты. Была обнаружена продажа водки по 15 р. за бутылку вьетнамским гражданином Нгуен Хонг Куеном, который оказал злостное неповиновение работникам милиции, учинил драку и спровоцировал массовые хулиганские действия проживающих в общежитии вьетнамских граждан. Из окон общежития летели бутылки, кастрюли и другие предметы. Работники милиции имеют тяжелые телесные повреждения, нанесен ущерб милицейской машине».

Страшная трагедия произошла летом минувшего года в Ярославле. О ней до сих пор вспоминают здесь с непреходящей горечью и гневом. При попытке задержать двадцатишестилетнего торговца водкой Лыу Ван Ныо был зарезан сотрудник милиции.

После этого случая городские власти Ярославля вынуждены были пойти на дискриминационные меры и запретить продажу водки всем лицам вьетнамской национальности. А похороны милиционера вылились в антивьетнамскую манифестацию.

Подпольные торговые операции, спекуляция, контрабанда, «лыувонги». Только в прошлом году к уголовной и административной ответственности было привлечено несколько тысяч вьетнамских граждан. И хотя понимаем, что нельзя олицетворять весь Вьетнам с некоторыми его гражданами на советской земле и что, все происходящее скорее исключение, нежели правило, мы недовольны, мы начинаем роптать.

«Если в ближайшее время обстановка не изменится,— предупреждал один из милицейских чинов Рижского ГУВД,— то работниками советских правоохранительных органов будет предпринято ужесточение мер борьбы с правонарушителями — гражданами СРВ».

А нам казалось — мы друзья.

V.

— Экологическая среда в Огре тоже пострадала — теперь там гуляют «косогласые».

Эти слова были произнесены на митинге в городском парке «Аркадия», который проводил рижский экологический клуб.

Еще недавно подобное расистское заявление вызвало бы естественную аллергию в сердцах большинства советских людей. Однако сегодня многие испытывают нескрываемое раздражение в отношении вьетнамских рабочих. Голодное, обозленное, ни во что уже не верящее большинство готово обвинять вьетнамцев во всех грехах и в первую очередь в отсутствии необходимых товаров на полках государственных магазинов. Это большинство созрело.

В нескольких городах страны прошли стихийные антивьетнамские выступления. В Латвии энергичные граждане старались помешать «зан ден» в отправке посылок на родину. В Тольятти многолюдное шествие с гробом убитого в драке с вьетнамцами учащегося ПТУ двинулось мимо общежития наемных рабочих. «Убирайтесь отсюда!», «Мы вас перебьем!» — то и дело доносилось из толпы. Бастующие горняки Кузбасса восприняли выход на работу вьетнамских рабочих как штрейбрехерство и пригрозили им скорой расправой.

К сожалению, подчас от угроз переходят к делу.

Двадцать первого апреля около полуночи неизвестный преступник беспричинно ударил твердым предметом по голове двадцативосьмилетнего каменщика Нгуен Хоанг Аня, который в тяжелом состоянии был доставлен в больницу.

В сентябре этого года в Оренбурге неизвестными был забит до смерти двадцатидвухлетний Ле Ху Тхань.

На исходе девятой годовщины подписания советско-вьетнамского соглашения избиения и нападения на наемных рабочих стали явлением почти повсеместным и мало кого удивляют. Даже сами вьетнамцы привыкли к этому. Есть ли у кого-нибудь гарантии, что растущая напряженность вокруг вьетнамских рабочих вдруг не выльется в неуправляемое насилие?

Подневольный труд, нищенские заработки, теснота и необустроенность общежитий, невозможность легального отоваривания денег и ненависть многих окружающих заставляют идти «зан ден» на крайние, невозможные на их далекой родине меры. Вьетнамцы бастуют. Бастуют, даже несмотря на то, что теряют на этом в зарплате.

Недавно в Ульяновске были жестоко избиты и отправлены в больницу двое вьетнамцев. В знак протеста против уличного насилия и бесконечных обещаний заводской администрации обеспечить их безопасность в вечернее время, четыреста пятьдесят наемных рабочих Ульяновского автомобильного завода не вышли на свои места. Несколько дней бастовали вьетнамские рабочие Могилевской ПМК-271. Их среднемесячные заработки не превышали восьмидесяти рублей.

Впрочем, забастовка для привыкших к полувоенной дисциплине вьетнамцев — всего лишь естественное желание защитить свои человеческие права. Многие из них прекрасно понимают, что здесь, на чужбине, им уже не найти того богатства и счастья, в погоне за которыми покинули они страну вьетов.

Во Вьетнаме, конечно, есть свои трудности. Однако, по рассказам вернувшихся оттуда специалистов, жить там стало лучше. Поднялись закупочные цены на рис, и крестьяне день ото дня богатеют. В нынешнем году повсеместно отменена карточная система. Государственные магазины и частные лавочки буквально забиты американскими джинсами, французской парфюмерией, японской видеотехникой, китайской одеждой и иным, столь необходимым каждому человеку добром. Дорого, но все есть.

— А советских товаров много? — спросил я как-то Тхыка.

Он застенчиво улыбнулся.

— Много. Даже больше, чем у вас.

Вот я и спрашиваю: что им тут еще делать? Чего ждать? На что надеяться в северной стране? Бегите, ребята! Мчитесь к себе без оглядки! Забирайте последнее. Нам не жалко. За братство народов мы все отдадим...

И они бегут. Им действительно нечего терять. И поэтому сознательно конфликтуют с администрацией, сознательно прогуливают, на неприятности нарываются тоже подчас сознательно. Лишь бы выслали! Лишь бы уехать домой!

Это раньше считалось счастьем: отчалить на работу в Советский Союз. Это раньше, чтобы попасть сюда, нужно было быть сиротой, инвалидом войны или заплатить хорошую взятку. Теперь сироты и инвалиды войны едут за счастьем в Ирак. Там платят по триста долларов в месяц.

В крайнем случае можно махнуть в ГДР или Чехословакию. Все же Европа. И жизнь побогаче.

VI.

Государственный комитет по труду, который как раз и занимается заключением контрактов на импорт рабочей силы из-за рубежа, к счастью, со всей ясностью отдает себе отчет в сложности «вьетнамской проблемы», и потому в последнее время не предпринимает сколько-нибудь активных попыток остановить отток «зан ден» из СССР.

Естественно, при этом Комитет вступает в непреодолимый конфликт с союзными министерствами и ведомствами, фабриками и заводами, для которых вьетнамцы были и остаются удобной затычкой в решении проблемы нехватки рабочих рук.

Только одному ЗИЛу сегодня требуется несколько тысяч человек. И если отсюда уедут тысяча шестьсот вьетнамцев, положение станет просто катастрофическим.

Кто будет работать? — этот вопрос то и дело раздается в ответ на предложение сократить поставки вьетнамских рабочих в СССР.

Работать действительно некому. А если учесть, что с каждым годом все больше и больше квалифицированных рабочих из государственного сектора экономики переходят в кооперативы, работать будет некому не только сегодня, но и завтра, и еще через много лет.

Впрочем, эта проблема даже не столько советского, сколько общемирового масштаба.

Путешествуя летом нынешнего года по Италии, я с удивлением обнаружил, что европейская безработица — это вовсе не то, что мы о ней думаем. На самом деле рабочих мест достаточно, однако далеко не всех они устраивают. Прежде всего это касается тяжелого и неквалифицированного физического труда. Даже несмотря на значительные потери в заработке, коренные итальянцы все же предпочитают «чистую» работу в офисах или в сфере обслуживания. «Грязная» работа подчас становится уделом иностранцев.

И тем не менее при всех разногласиях, вызываемых проблемой иностранных рабочих, большинство специалистов и государственных чиновников Запада сходятся на мысли, что без наемной рабочей силы из-за рубежа цивилизованным государствам не обойтись. Не обойтись без них и нашей стране, хотя цивилизованной ее сейчас, пожалуй, назвать трудно... И все же...

До сих пор ситуация с иностранными рабочими в нашем запланированном до последней булавки государстве складывалась таким образом, что все проблемы «зан ден» тем или иным образом ложились не столько на плечи эксплуатирующих их предприятий, сколько на всю страну. Их зарплата, обеспечение товарами, жилье — все это в конечном счете за наш с вами счет, ибо вынимается, фондируется, распределяется из государственного бюджета.

А правильно ли это? Не хочу и не буду вместо директора ЗИЛа Евгения Алексеевича Бракова оплачивать своим подоходным налогом его проблемы. Ведь это у него некому работать, а не у меня. Вот пусть у него и болит голова, где и сколько достать рабочих рук. И сколько им платить, чтобы не бежали. И отоварить заработанные рубли производимым на его заводе добром. И жилье достойное обеспечить, и все остальное. Только, ради бога, из своего, а не из моего кармана. Тогда мне будет спокойно, и я не буду роптать. Ведь я же в таком случае ничего не теряю! Ни спокойствия, ни денег, ни даже утюгов...

А пока этого нет, пока почти сто тысяч «зан ден» живут у нас в стране, а мы это терпим, потому что ведь надо же кому-то работать там, где не хочет работать никто.

P. S. Последняя новость! Китайцы хотят завезти в Союз миллион своих рабочих. Тридцать процентов просят платить в советских рублях, а остальные — нашими ресурсами.

Что делать-то будем?

В последнее время много нелицеприятных слов можно услышать об армии. Хочу немного рассказать о том, как ее снабжают. Представьте себе человека, идущего в горы с ватным матрацем,— примерно такими габаритами и весом обладает спальный мешок, изготовленный нашей промышленностью. Если его приторочить к рюкзаку, то не пролезешь в ворота, однако в Афганистане приходилось ходить с ним по узким горным тропам над пропастью. Что касается мотострелков, то даже такой спальник им не положен по нормам снабжения. Выкручивались кто как мог, самые удачливые имели легкие, компактные пуховые спальники, отобранные у душманов. Про обувь, которой нас снабжала промышленность, много писать не стану, скажу только, что на боевые действия мы выходили либо в кроссовках, либо в отличных ботинках иранского производства, отобранных у душманов. Впрочем, некоторые имели чехословацкие ботинки, выменянные у военнослужащих афганской армии на сгущенку и патроны. Зимой предпочитали сапоги, но самые счастливые имели итальянские горные ботинки, также отобранные у душманов. Лишь однажды бойцы предложили использовать нашу армейскую обувь по прямому назначению: чтобы пленные душманы сказали правду, надеть на них наши ботинки и заставить пройти по горам.

Выпускаемые нашей промышленностью сумки для магазинов мы просто выбрасывали и либо шили себе нагрудники из взятого у братьев танкистов брезента, либо носили такие же — китайского производства, отобранные у душманов.

Не могу не сказать еще про одно чудо XX века: вещмешок системы «сидор» — этот позор русской армии, над которым смеялись еще австрияки в 1914 году,— ведь он не претерпел никаких изменений. Отводя душу, бойцы кого только не предлагали прогнать с этим вещмешком по горам и полям, но сами понимаете: язык у всех длинный, а руки...

Но вы не подумайте, что я пишу это с целью критики, ее и без меня хватает. У меня вполне конкретное предложение: если не могут обеспечить армию по-человечески, пусть переведут ее на хозрасчет. Я построю своих десантников и спрошу, хотят ли они иметь теплые пуховые спальники. Но для этого нужно будет немного поработать на птицефабрике. Думаете, кто-нибудь откажется? Конечно, наша промышленность пошьет эти спальники отвратительно, половина пуха уйдет на подушки, но ведь и нам что-то достанется. Затем поработаем на фабрике, где шьют тельняшки, береты, пятнистую форму — и у нас не будет проблем. Дальше — больше: от хозрасчета — к образованию на базе десантно-штурмовых частей колхозов нового типа. Это будет соответствовать оборонительной доктрине, к тому же явится лучшим доказательством нашего миролюбия в глазах империалистической общественности. Ну а ежели мой вариант снабжения армии по каким-либо причинам не подходит — пусть кто-нибудь предложит другой.

Кстати, если вы судили о нас по фильмам, талантливо созданным главным сказочником Афганистана Лещинским, то я на всякий случай высылаю фотографии.

С уважением

Л. РЕВИЧ,
майор

ЧТО ПРОИСХОДИТ С НАШЕЙ КУЛЬТУРОЙ?

«Театр умер! Да здравствует театр!» — под таким лозунгом состоялся в Центральном Доме кинематографистов вечер театра-студии «У Никитских ворот». Разговор шел о том, как двадцать лет назад властями была закрыта бесстрашная эстрадная студия МГУ «Наш Дом», придуманная и созданная в самом конце 50-х годов Марком Розовским и просуществовавшая десять лет. Годы после ее закрытия были для ее создателя годами кочевничества, носившего его от безработицы к случайной работе (знаменитая «История лошади» в БДТ имени Горького), от отчаяния к нечаянной радости. Своего театра не было. Прошло немало лет, пока не наступил 1987 год. И театр Марка Розовского получил статус профессионального, действующего на полном хозрасчете. С Марком РОЗОВСКИМ, художественным руководителем театра-студии «У Никитских ворот», одним из лидеров современного студийного движения, беседует наш корреспондент Ирина Симаковская.

«...ЧТОБЫ ЗАСТАВИТЬ ЕЕ ВРАЩАТЬСЯ»

— Марк, создается впечатление, что людям сейчас не до театра...

— Это понятно. Мы живем в жутковатое время. Где-то рядом с нами продолжает жить некто Пол Пот — выпускник Сорбонны, убийца нескольких миллионов человек. Недавно мы прочитали в газетах об африканце, который, не снимая королевской короны, занимался людоедством, держа в холодильнике куски мяса своих подданных... Стали возможны длительные дискуссии на тему, можно ли бить женщину по голове саперной лопаткой. Тут логичен и вопрос, зачем нужно искусство?

— Но на этот вопрос персонаж одного из последних ваших спектаклей, «Летняя ночь. Швеция» по пьесе Эрланда Юсефсона, отвечает так: искусство и художник нужны для того, чтобы, если вдруг наша планета остановится, опять заставить ее вращаться. Этот спектакль, посвященный памяти Андрея Тарковского, на мой взгляд, принципиально важен для театра-студии «У Никитских ворот». На пути к нему были и «Доктор Чехов» — первый спектакль еще самодеятельного театра, и «Два существа в беспредельности» по Ф. Достоевскому, и ставшая театральной легендой «История лошади» — драма, сыгранная средствами мюзикла. Но все же «Летняя ночь. Швеция» ошеломила, ведь многие считали ваш театр полуэстрадным...

— Действительно, спектакль посвящен памяти Андрея Тарковского. Но это спектакль не о нем, ни в коем случае. Когда миры его искусства, его духовности опрокидываются на миры западного миросознания, тогда и возникает конфликт, показанный в спектакле, драма, которая не может иметь конца,— проблема взаимоотношений Востока и Запада, очень волновавшая Андрея. Конечно, Тарковский не первый русский художник и не первый художник мирового класса, который этим интересовался,— каждый гигант неминуемо высказывался на эту тему. Гессе, Арто касались этой проблемы. Причем ни Восток, ни Запад тут не являются чисто географическими понятиями: и на Западе есть восточное миросознание, и западная культура проникала и продолжает проникать на Восток. Восточная и западная культуры отделены друг от друга прежде всего отношением к человеку, к человеческой личности.

На Востоке одиночество есть благо. На Западе одиночество — страх и страдание. В одиночестве люди восточного миросознания впадают в нирвану, занимаются самокопанием, обращаются к себе через всесильного Бога или императора, будь то Мао Дзэдун или Магомет. А на Западе подобные боги презираемы, потому что форма демократических выборов позволяет легко относиться к тем, кто правит. Взаимопритяжение и взаимоотталкивание Востока и Запада — вот что интересовало нас, когда мы делали спектакль.

— Театр МГУ «Наш Дом» прочно привязал ваше имя к так называемым шестидесятникам...

— Шестидесятники возникли во времени и пространстве, потому что история поставила наше поколение перед выбором. Жизнь страны стала иной, и сразу возник конфликт в обществе — одни продолжали культивировать свою личную несвободу, оставаясь в рабстве, другие хотели построить мост в будущее, мост свободы, мост внутреннего раскрепощения. Поэтому — взрыв поэзии, сатиры, огромный интерес к театру. Поэтому и слово «самодеятельность» перестало быть для меня ругательным — самостоятельная деятельность личности вела к саморазвитию общества.

— А чем отличаются, на ваш взгляд, шестидесятники от восьмидесятников?

— Почти ничем. Шестидесятые и восьмидесятые — это годы возврата к вечным ценностям. Но восьмидесятники с большей яростью эти ценности утверждают, вот и все отличие. Это условные термины, которые можно употреблять только для удобства. Конечно, у каждого поколения свои оттенки и признаки. Но кто такой Гете, кто такой Пушкин?.. Давайте Пушкина назовем «двадцатником», Лермонтова — «тридцатником». А кем будет Достоевский? Понятие «человек» шире. И искусство измеряется не десятилетиями. Искусство создается на века. Проблемы, стоящие перед человеком в самые разные времена, почти одинаковы. Проблема внутренней свободы, проблема рабства, проблема культуры. Всегда самое главное — избежать насилия. Эта задача стояла и в шестидесятые годы, стоит и сейчас. Разгон демонстрации в Новочеркасске в шестидесятые годы очень мало, мне кажется, отличается от того, что произошло нынешней весной в Тбилиси. Этот позор невыносим. До такой степени чудовищно, до такой степени стыдно, что непонятно, как мы можем сейчас продолжать смотреть друг другу в глаза. Это происходит рядом с тобой, а ты не можешь помочь, не в силах противостоять мракобесию. Шестидесятникам многое не удалось. Теперь мы, восьмидесятники, обязаны сделать то, что не удалось шестидесятникам.

— Страна прошла через множество кругов ада. Через наши и фашистские лагеря, через войну, через мрак застоя. Как вы определяете тех, для кого ставите спектакли, зрителей?

— Как людей, которые выжили. Система, в которой жил советский человек, доказала свою бесчеловечность. В своем реально-историческом выражении она привела к низведению человека до самого низкого, рабского уровня. Все, что нужно было произвести по части разрушения во всех областях, она произвела. Другое дело, что человек выжил. Но искристая наигранность радостных шествий, всеобщая авиа-конно-физкультурная парадность — как далеко это верноподданничество от настоящего гражданства пушкинско-чаадаевского толка. Да увидь этот «энтузиазм» любой из декабристов, не говорю уж о Герцене или, скажем, о Достоевском и Чехове, что бы он подумал об этой ярости восторга и упоения собственным ничтожеством? Окститесь, разве о такой свободе мечтал Радищев? Обесценивание человеческой личности перед себестоимостью Идеи — вот откуда стартует сегодняшний бюрократизм, не отделимый от хамства, как формы обязательного изъявления «народной» воли. Тиранству необходимы темные массы, а темнота вычерпывается из черной души. Лица наших пенсионеров — это не лица свободных людей. Куда делась их улыбка энтузиастов? Где обещанная в 30-е годы физкультурная выправка? Нельзя без боли смотреть на это поколение, побывавшее на параде минуту, а на лесоповале всю жизнь. Тот, кто пребывает в согнутом состоянии длительное время, неминуемо меняет осанку, делается горбуном. Сталинщина начинала править бал и в быту, и в самой интимной сфере человеческого изъявления — любовь превращалась в ненависть, дружба во вражду, щедрость уступала место жадности. Всю жизнь человек продирался через огонь, воду и трубы с миазмами. Он становился бедствующим рабом, воинствующим хамом. Можно ли от него требовать, чтобы он, вырвавшись наконец, был живым, свободным, умным, тонким, веселым?

— Сейчас мы с разных сторон пытаемся рассматривать механизм тиранства. Но этого мало. Нужно учиться по-другому жить...

— Порядку, установленному тиранством, предстоит пройти стадию путаницы-неразберихи, которая должна рано или поздно вывести на просторы свободы. Сейчас мы как раз в состоянии путаницы. Боже, как много разговоров о воинах-интернационалистах! Рядом со святым словом «интернационализм» мы ставим страшное слово «воин». Или интернационализм — или война, эти понятия нельзя соединять. Употребление этого словосочетания продолжает коверкать наши души и унижать нашу нравственную позицию. Мне кажется также этически некорректным и пущенное в оборот слово «афганец», употребляемое не в своем основном значении. Ведь мы не называли в 1945 году красноармейцев «немцами». Или еще один неуклюжий термин — «культ личности». Да у личности обязан быть культ! Это же прекрасно. А то, что мы называем культом личности, было культом посредственности — все одинаково серо, все подгоняемо под сапог,— культом безличности. Все это не просто лексическая неряшливость, а следствие нашей поверхностной морали. Сначала мы не задумываемся о формах слов и содержании дел, а потом удивляемся, почему в нашем обществе, с детства поющем «Интернационал», вместо ожидаемой «дружбы народов» махровым цветом распускается обыкновенный шовинизм.

— Хотите ли вы изменить искусством мир?

— Это непосильная для искусства задача. Попытка изменить мир — затея бесовская, затея Раскольникова. Построить некое счастливое будущее, а пока убить старуху ради того будущего, пролить кровь ради того идеала. Эта позиция как раз и привела к тому, что мы имеем сегодня. Надо изменять не мир, а себя. И тогда весь мир естественным образом изменится. Конечно, это тоже утопия. Но этот путь — единственный.

Я, занимаясь театром, пытаюсь распознать самое себя, сделать себя другим, может быть, лучше. Распознать человеческое и защитить его в себе и других людях... Потом, когда спектакль будет создан, он начнет влиять и на других людей — на зрителей, которые с помощью моего спектакля, возможно, в чем-то станут лучше, будут самоусовершенствоваться... Это не моя, это толстовская теория. Я начал делать «Холстомера» в «период застоя», будучи безработным, без всякого договора с каким бы то ни было театром. Мне было трудно жить в тот момент. Я готов был от собственного бессилия взять в руки топор и пойти кому-то что-то доказывать. Но вдруг стало ясно как божий день — ничего не надо никому доказывать. Да еще топором. Надо засесть за «Холстомера», что я и сделал. И сразу стало легко и спокойно.

— Значит, через самоусовершенствование — к внутренней свободе?..

— Да, но рабство — препятствие на этом пути. Рабство, которое ничего общего не имеет с терпимостью. Терпимость и кротость принадлежат одухотворенным личностям. Именно нетерпимые люди часто оказываются рабами своей идеи, своего ячества, своих притязаний, амбиций. Они подчиняют себя ложной идее и, исходя из этой ложной идеи, совершают поступки. Это приводит к краху, потому что на пути осуществления этих идей они бесовствуют, теряют собственное «я», приходят к душевному разорению, а затем — к вседозволенности. Они не самоусовершенствуются, они самоутверждаются. «Мы почитаем всех нулями, а единицами себя». На самом деле это рабство навыворот.

— А что вы называете «бесовством?

— Бесовство — это чрезвычайно бурная деятельность безбожников.

— Но прочертить границу между самоусовершенствованием и самоутверждением, по-моему, довольно трудно. Может ли человек, будучи даже откровенным с собой, понять, какое из его движений остается справа от этой линии, а какое — слева?..

— Действительно, трудно определить, где грань. Просчитать эту гармонию алгеброй я не берусь. Свою собственную дурноту и черноту души я пытаюсь вычистить с помощью творчества, с помощью искусства.

— Значит, для этого нужен театр вам и вашим товарищам?

— Да. После закрытия «Нашего Дома» у меня не стало своего театра, а работать в гостеатре меня никто не приглашал. Я был в безвыходном положении. И вот наконец появилась возможность организовать сначала самодеятельный, а затем и профессиональный хозрасчетный театр.

— С первого января 1987 года ваш театр-студия, в числе четырех других, перешел на полный хозрасчет. «Эксперимент» признали удачным и продлили ваше самофинансируемое существование. Два с половиной года вы не получаете ни копейки от государства, зато 80 процентов прибыли можете тратить по своему усмотрению. Ну и как вы себя чувствуете?

— Когда наш театр выжил, меня начали упрекать в том, что я за хозрасчет. Наверное, со стороны кажется, что мы что-то вроде кормушки себе устроили... Люди работают с утра до ночи, света белого не видят. Какая кормушка?!

Сейчас мы — театр, не имеющий технического оборудования. Мы прекрасно понимаем, что ни Министерство культуры, ни Главное управление культуры нас им не снабдят. В лучшем случае поставят на очередь. Но мы успеем состариться и умереть, пока нам что-либо выделят. Для того, чтобы оборудование получить, мы создаем сейчас совместное советско-американское предприятие. Мы не имеем достаточно места для хранения декораций, но выделяем помещение под будущую гостиницу. И не потому, что нам интересно заниматься гостиничным хозяйством — да пропади оно пропадом,— а потому, что нам нужна валюта, чтобы закупить машинерию.

Да, наши актеры не «получают» зарплату, они ее за-ра-ба-ты-ва-ют. Но вспомните: для того, чтобы архитектор Шехтель построил здание для Художественного театра в Камергерском переулке, нужна была не только блестящая репутация театра, но и Савва Морозов. Где он сегодня, этот Савва Морозов? Сегодня нам говорят: «Вы на хозрасчете, поэтому мы вам помогать не будем. Взялся за гуж, не говори, что не дюж». Но мы взялись за дело как театр, а не как строительная организация. Вот здесь-то государство должно помогать. Не давайте нам денег на наше творчество — мы сами их заработаем. Актеры не должны сидеть на народной шее. Но мы не можем не получать денег, скажем, на капитальный ремонт. Мы не можем обойтись своими средствами, когда покупаем техническое оборудование. Государство должно давать субсидии на организационные нужды. Но только на организационные. К чему привели нескончаемые субсидии в области культуры в прошлые годы? К разложению души художника, с одной стороны, а с другой — к полной зависимости его от государства, от чиновника. Как, кажется, хорошо звучало: рабоче-крестьянское государство выделяет деньги на развитие социалистической культуры! Система государственных субсидий привела к тому, что, вне зависимости от успеха, годами или даже десятилетиями ты два раза в месяц получал зарплату, иногда хорошую. А за счет кого ты жил? Да за счет налогоплательщиков. В Москве есть театры, которые за много лет не создали ни одного произведения искусства. Которые были в болоте, есть в болоте и будут в болоте, и никто их оттуда не вытянет. Они будут продолжать защищать эту систему, потому что она им выгодна.

— А что предлагаете вы?

— Я бы на месте государства материально поддерживал отдельные проекты отдельных художников. Есть, например, в Грузии режиссер Роберт Стуруа. Допустим, он хочет поставить «Короля Лира». Естественно, за два месяца он это не сумеет сделать, потому что слишком масштабно полотно, которое он задумал. И вот тут-то режиссеру Стуруа должны быть выданы деньги, которые он попросит. Да, есть риск. Но мы знаем, что рискуем для дела. И художник будет чувствовать колоссальную ответственность, если он получит эти средства. Сейчас же деньги получают все. Значит, все достойны?

— Да, но опять рождается опасность превращения художника в товар. А кто будет решать, какие проекты достойны субсидии, а какие — нет? И как быть с молодыми режиссерами, не успевшими себя зарекомендовать?

— Нашему государству доверить это пока нельзя. Но правовому государству можно предоставить решать и такие вопросы. Что касается начинающих режиссеров, то мы должны запланировать для их проектов специальные фонды. Нужно гарантировать поиск в эксперименте, который сам по себе может и не дать результата, но движение художника оплодотворит движение искусства.

— За два года вы оборудовали под театр два выделенных студии помещения. Вам помогал кто-нибудь?

— Союз театральных деятелей РСФСР дал нам ссуду. Правда, с возвратом. Теперь студийцы из своего кармана должны финансировать огромное строительство. Давайте тогда уж объявим эти помещения частной собственностью нашего театра...

— В хозрасчетных условиях, помимо вопроса, где играть, вам приходится, наверное, решать вопрос, и что играть? Вы ведь оказались в экономической зависимости от публики...

— ...которую я предпочитаю зависимости от чиновника...

— ...Но не ведет ли зависимость от публики к потаканию ее вкусам?

— Слово «успех» вовсе не равнозначно пошлости, низости, потаканию дурновкусию. Откроем наугад «Записные книжки» Станиславского или переписку Немировича-Данченко, и мы увидим: едва кончается сезон в Московском Художественном общедоступном театре, как два корифея мирового театра в испуге переписываются, делясь соображениями, как же обеспечить зал МХТ зрителями в будущем сезоне. Как найти пьесу, которая не уронила бы чести МХТ, признанного лидера русского искусства, выразителя духа нации, и вместе с тем выполнить задачу заполнения зрительного зала. Такова наша планида. Почему сегодня спектакль, имеющий успех, обязательно считается явлением массовой культуры?

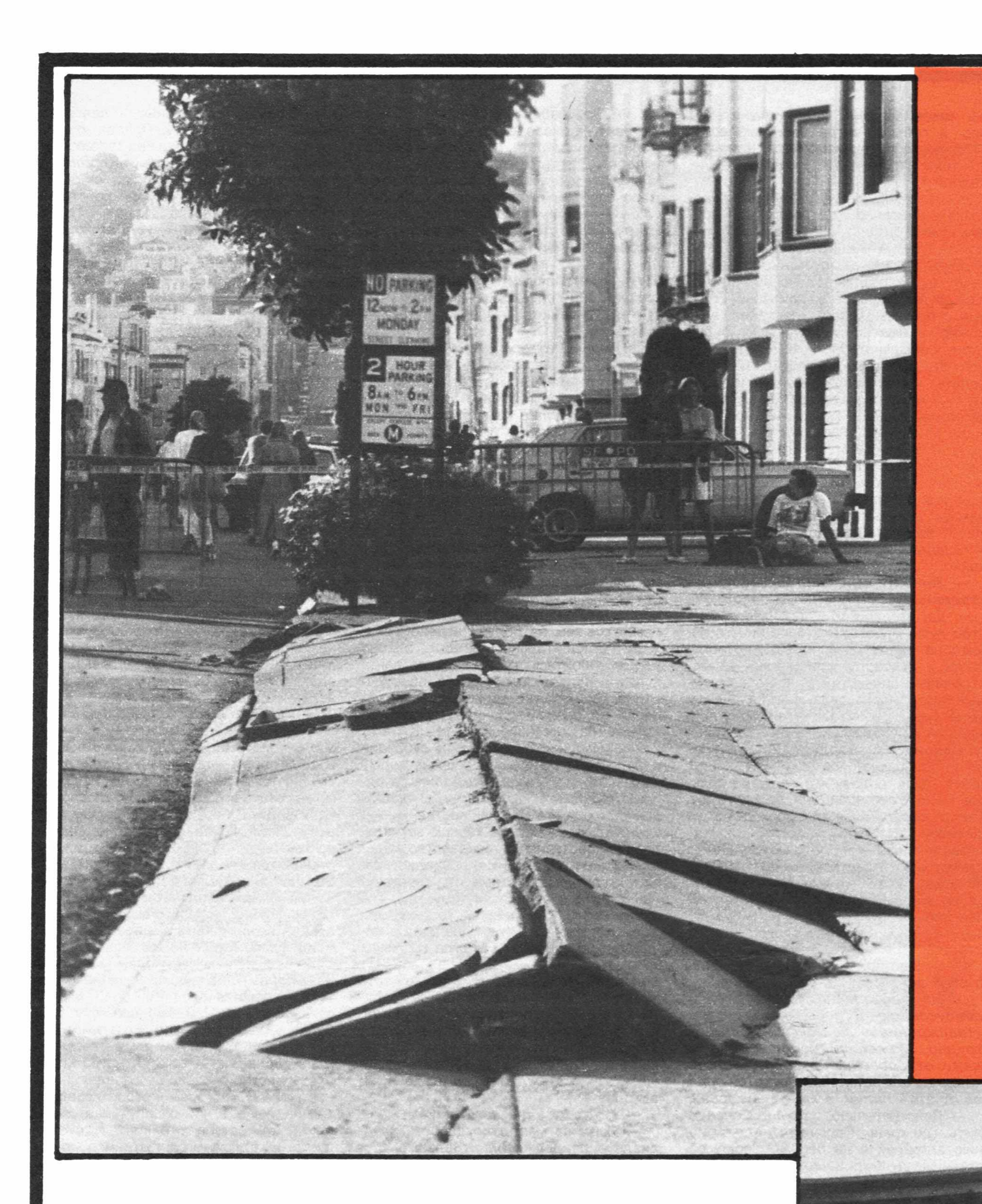
— Где же здесь точка баланса?

— Момент творчества — момент очень опасный и для окружающих, и для самого художника. Если душа творца не заряжена добром, то гений может стать страшной силой, способной производить только разрушение. Как атом. Энергия эта чрезвычайно опасна, но тем и прекрасна. Вопрос в том, кем становится человек, разряжающийся атомной энергией в творчестве. Очень важно суметь соединиться с духом человечности, а не просто выражать себя, абы только выразить и завоевать успех. Если кубик сцены не насыщаем божественным, если мы приходим в театр не как в храм и не любим бесконечно те миры, которые создаем, если мы не священнодействуем, то наше искусство будет обращено во зло. Развлекательное искусство в чистом виде всегда на грани фола. Из-за того, что этот кубик пространства духовно не определен по-настоящему мастером, который создает там зрелище, в нем раскручивается пустота. Мы вступаем в контакт с этой пустотой, вдыхаем ее, пытаемся ею насытиться. И становимся еще более пустыми. Сама по себе игра, если она не насыщена высшим — божественным — смыслом, если она не защищает человеческое,— очень опасная в духовном отношении форма существования. Мне хочется в каждом театральном поступке различать, что он — стремление к истине или же грех. Для меня как режиссера сам факт творчества является очистительным, потому что он может смыть мои житейские грехи.

— Но это для вас. А для зрителя? Зрителя более, чем театр, волнует сегодня происходящее в политике и экономике. Его волнует публицистика. Театр пытается овладеть и ею, но не успевает за событиями. Не здесь ли причина утраты его значения для нас?

— По-моему, сегодня «перестройка» переживает «застой». Во всяком случае, в театре. Да, сегодня многие события важнее театра. Но вечное никуда не исчезает — театр сегодня просто ждет своего часа. Пройдет еще немного времени, и, я уверен, театр перестанет гнаться за публицистикой, все станет на свои места. Газета будет заниматься политикой, а театр — искусством. Сколько еще поколений будет жить после нас, и все они будут приходить в театр, ловить в нем эти моменты божественного, вечного и благоговейно шептать: «Вот здесь... здесь — потрясающе!»

ПОСЛЕ ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЯ

САН-ФРАНЦИСКО.

НА СЛЕДУЮЩИЙ ДЕНЬ

Эти снимки прислал в редакцию американский фотограф Михаил ЛЕМХИН.

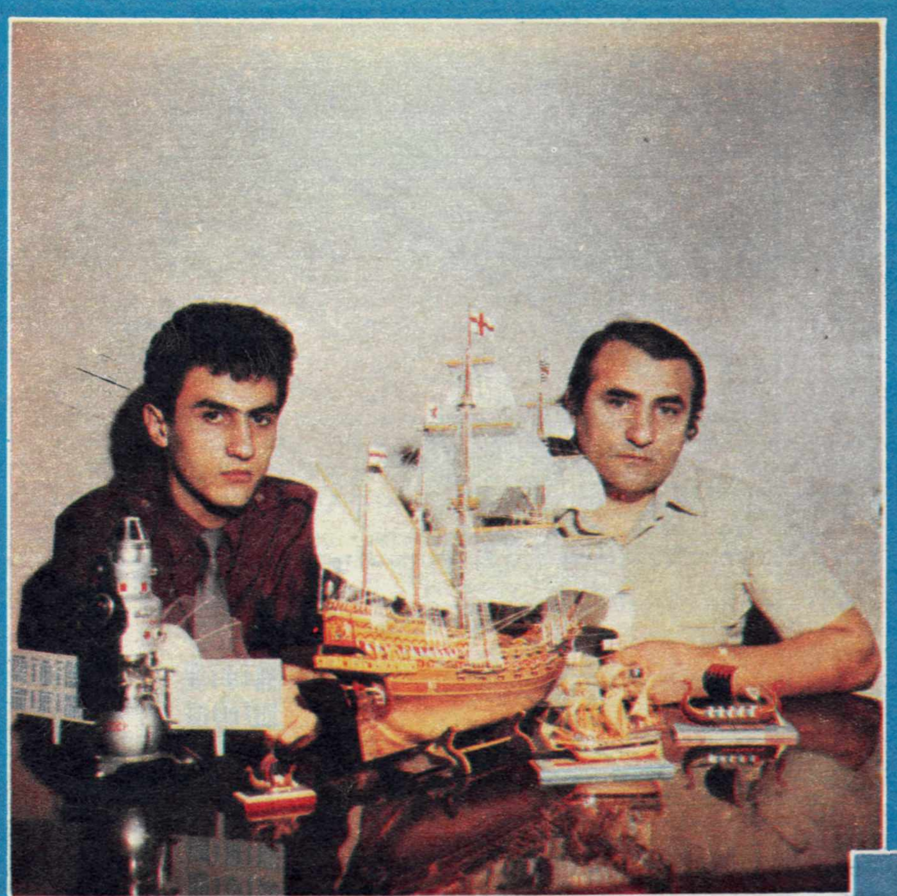
ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 4. Высшее учебно-научное заведение. 6. Новатор сельскохозяйственного производства, дважды Герой Социалистического Труда. 8. Композитор, народный артист СССР, автор оперы «Декабристы». 10. Порт в Пуэрто-Рико. 11. Движитель ракет и реактивных самолетов. 13. Кремневое ружье. 15. Специалист в сельском хозяйстве. 17. Умеренный темп в музыке. 18. Немецкий философ-материалист XIX века. 20. Половина учебного года в вузе. 21. Птица отряда куриных с ярким оперением. 22. Киноактер, народный артист СССР. 23. Группа островов в Индийском океане. 27. Авиаконструктор, Герой Социалистического Труда. 28. Небольшой отряд воинского подразделения, милиции для наблюдения за порядком. 29. Специалист, дающий советы.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Приток Северной Двины. 2. Ученое звание. 3. Река в Колумбии. 4. Город в ФРГ на Дунае. 5. Роман М. Горького. 7. Описание своей жизни. 9. Международный пролетарский гимн. 12. Чертежный инструмент. 14. Съедобный морской моллюск. 15. Деньги, выдаваемые в счет заработка. 16. Офицерское звание. 19. Комедия Д. И. Фонвизина. 23. Сжатое поле. 24. Самая высокая гора Армянского нагорья в Армянской ССР. 25. Легкоатлетический снаряд для метания. 26. Неглубокая пещера.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 46

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 1. Юность. 3. Чирчик. 8. Арбалет. 10. Кабарга. 11. Цандер. 12. «Соть». 13. Пеле. 14. Шапито. 16. Солидарность. 19. Танана. 22. Озон. 23. Доха. 24. Диалог. 26. Милиция. 27. Нахимов. 28. Негрос. 29. «Макбет».

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Юмореска. 2. Танец. 4. Инсар. 5. Конгресс. 6. Дактилоскопия. 7. Палеонтология. 9. Тара. 10. Кент. 14. Штифт. 15. Опока. 17. Тропинин. 18. Флажолет. 20. Ария. 21. Неон. 24. Дидро. 25. Гамма.

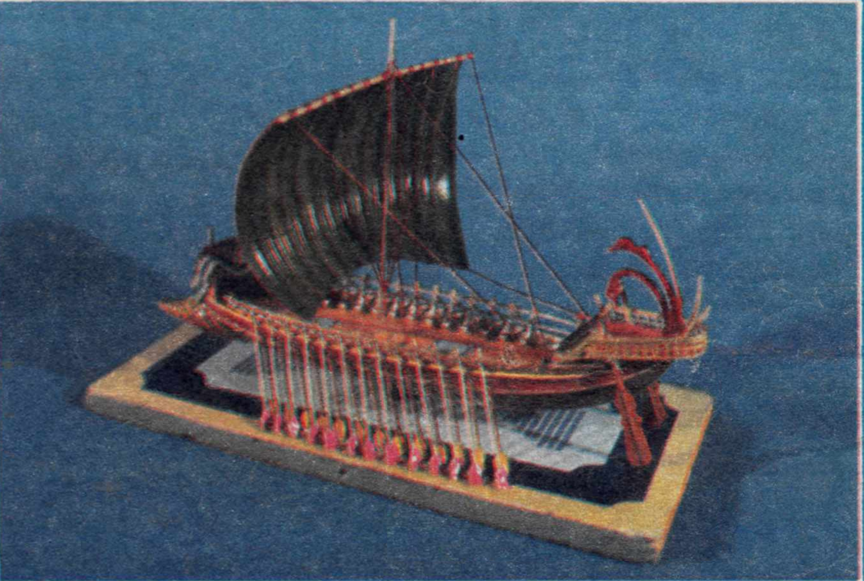

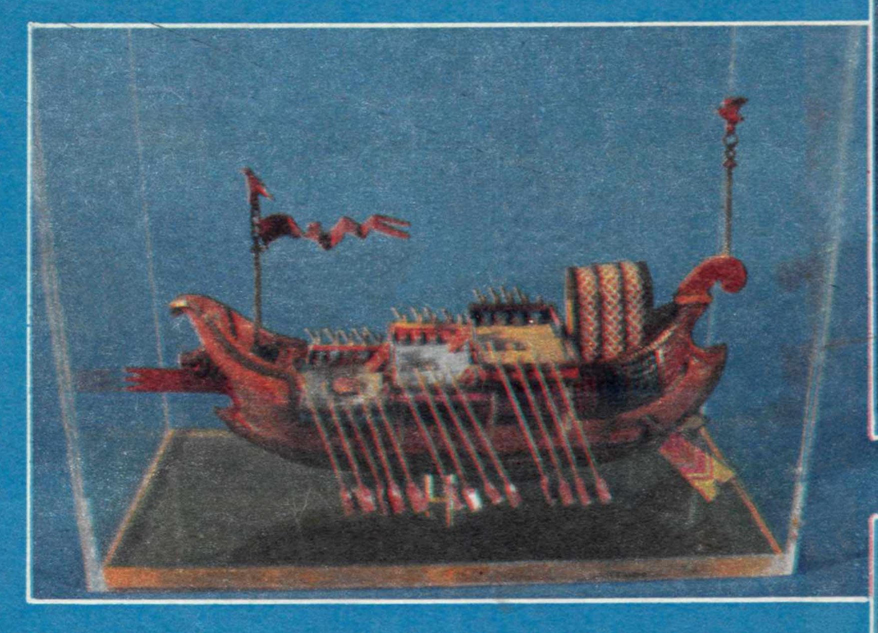
Любовь к морю у Микаэла Григоряна проявилась еще в детстве. Он вырос в Армении, среди гор, стал инженером-механиком. Но мечта о морских бескрайних просторах осуществилась в миниатюрных моделях морских кораблей.

В коллекции более пятидесяти моделей — путь развития судостроения в разных странах, у разных народов, начиная с Египта, с III тысячелетия до н. э. Здесь можно увидеть инкский плот и «Викторию» — корабль Магеллана, повстречаться с «Нинью» — каравеллой Колумба.

Незаменимый помощник Микаэла Григоряна — сын Гарик, он не только помощник, но и инициатор многих разработок. Следуя примеру своего знаменитого земляка Эдуарда Тер-Казаряна, они создали ряд миниатюр. Поражает воображение миниатюра «Союз — Апполон», размер которой в пять раз меньше спичечной головки. Не меньший интерес вызывает и «Муравей, играющий на скрипке», где скрипка в два раза тоньше человеческого волоса. А самая уникальная микроминиатюра — букет из стекла, каждый цветок которого тоньше человеческого волоса в сто раз.

Фото Михаила САВИНА

40 коп.
Индекс 70663

